1 р. 25 к.

первая червонная (1917-1929 гг.)

н. дубинский и н. савко

ГК445
П373

государственное военное издательство

1931

Народный комиссар по военным и морским делам, председатель РВС СССР т. ВОРОШИЛОВ.

Гражданская война 1917-1926

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. ДУБИНСКОГО
и Н. САВКО

Государственное
Военное
Издательство
1931

П 1985
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГК445 р
П373

„Первая червонная“. — Настоящая книга освещает славный боевой путь Первой червонно-казачьей дивизии, ее героическую борьбу с Петлюрой, с белополяками и с бандитизмом. Специальный раздел посвящен мирной военнополитической учебе червонных казаков. Кроме того уделено большое место боевым воспоминаниям непосредственных участников гражданской войны. Книга должна получить широкое распространение не только среди частей Красной армии, но и среди широкого гражданского читателя.

Труд подготовили к печати:
Технический редактор *В. Наумов.*
Корректор *Н. Виноградова.*
Сдан в набор 23/XI 1930 г.
Подписан к печати 25/X 1931 г.

В 1 п. л. 80 000 п. зн.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
сф 831
19208
14208
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

Уполн. Главлита В-8201. ОГИЗ № 118/4732. В—53. Тираж 5.000 экз.
5-я тип. ОГИЗ'а РСФСР. Москва, Каланчевский тупик, д. 3/5.

Книга о боевых и мирных днях Первой запорожской червонного казачества им. Французской коммунистической партии двухкраснознаменной кавалерийской дивизии

Одному из лучших отрядов Всесоюзного ленинского краснознаменного комсомола — шефу червонного казачества — комсомолу Украины посвящает эту книгу 1-я червонно-казачья дивизия

Постанова народного секретаріяту української Республіки від 25 грудня 1917 року.

Доручається Военно-Революційному комітетові при ЦВК РС та СД України приступити до орґанізації Червоного козацтва у загально-українському маштабі під керунком робітничо-селянського уряду України.

Для цього ВР комітетові пропонується вступити в стосунки с існуючими организаціями Червоного козацтва в Харкові та по інших місцях.

Народній секретаріят:

ЄВГЕНІЯ БОШ.
ВОЛОДИМИР ЛЮКСЕМБУРГ
ЮРІЙ КОЦЮБИНСЬКІЙ

Головний Секретарь Нар. Секретаріяту Юрий Лапчинтс

К читателю.

Прошли годы ожесточенной вооруженной борьбы с врагами трудящихся, пытавшимися в огне гражданской войны задушить молодую республику Советов.

Под руководством коммунистической партии трудящиеся строят социализм. Успешно преодолевая трудности, борясь со всеми, кто тянет назад, с нытиками и маловерами, рабочий класс, колхозные массы твердо идут по ленинскому пути. Строятся новые фабрики и заводы, сельское хозяйство неслыханным темпом идет по пути социалистического переустройства, неуклонно поднимается материальное и культурное благосостояние масс. Наша страна переустраивается из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. Эта перестройка проводится таким темпом, чтобы в наиболее короткий исторический срок догнать и перегнать в техническом и экономическом отношении передовые капиталистические страны. Второй год выполнения пятилетки показывает, что в этом отношении у нас имеются колоссальные достижения. Страна победоносно строящегося социализма вступила в третий, решающий год пятилетки.

Успехи социалистического строительства, ликвидация кулака как класса на базе сплошной коллективизации вызывают бешеное сопротивление наших классовых врагов — кулака, нэпмана, вредителя. Озлоблена против страны успешно строящегося социализма и мировая буржуазия. Капиталистический мир, потрясаемый небывалыми кризисами упорно готовит войну против СССР. События последнего времени,— вооруженные столкновения с китайскими белобандитами на Дальнем востоке, процесс «Промпартии» и меньшевиков, «крестовый» поход римского папы, демпинговая кампания, бешеный вой мировых рабовладельцев про «принудительный труд в СССР, активная деятельность французского генерального штаба по подготовке интервенции против СССР, картина организованного вредительства, развернутая на процессе

«Промпартии», выпукло ставят перед нами задачу всегда быть готовыми к борьбе за власть Советов.
против врага, суметь быть достойными своих отцов и братьев, дравшихся на многочисленных фронтах против капиталистических хищников в 1918—1921 гг.

Первая Червонно-казачья дивизия — одна из лучших частей Красной армии, вписавшая своим героизмом, беспредельной преданностью делу революции много славных и светлых страниц в книгу великой революционной борьбы.

Предлагаемая читателю книга ставит своей задачей рассказать всем трудящимся, особенно молодежи, о том, как нужно бороться и умирать за дело революции. Лозунг «Червонцы не сдаются» выкован в боях. Казаки Первой кавалерийской дивизии пронесли его через всю гражданскую войну. Много молодых рабочих и крестьян погибло на широких просторах Украины, на Дону, под Перекопом. Вспоминая подвиги этих героев, будем выковывать новых храбрецов, готовых по первому зову коммунистической партии стать в железные ряды Красной армии и с беспредельным мужеством и стойкостью бороться с капиталистами до победы коммунизма во всем мире.

ЦК ЛКСМУ **Бойцы и начсостав Первой кавалерийской дивизии**

Редакция считает своим долгом отметить ценную помощь в деле составления книги со стороны старых червонцев тт. Петровского Е., Генде А., Мариямова, Церина, Виктора, работников ПУУВО: тт. Самсонова, Щербины И. и Круля.

I. За Советы против Петлюры

«Если поставить себе вопрос, чем же в конечном счете объясняются наши победы против врага, гораздо более сильного, то приходится ответить: тем, что в организации Красной армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров. Каким образом это могло произойти? Почему громадная масса крестьянства так охотно на это пошла? Потому, что она была убеждена, будучи подавляющей в своей части беспартийной, что нет спасения иначе, как в поддержке Советской власти. Она убедилась в этом конечно не из книжек, не из пропаганды, а из опыта».

ЛЕНИН, том XVII, стр. 412.

Зарождение червонного казачества.

Борьба за власть украинского пролетариата и его авангарда — компартии — встретила много препятствий.

На пути к власти помимо керенщины стояла центральная рада, опиравшаяся на городскую мелкую буржуазию и на зажиточную верхушку села. Многовековый гнет царизма и колонизаторская политика Временного правительства оставили неразрешенным ряд национальных вопросов на Украине. Это позволило Центральной раде, орудуя националистическими лозунгами, затушевать классовую сущность борьбы и объединить вокруг себя даже некоторые группы отсталых рабочих, связанных с селом.

В дни Октябрьского переворота рабочие Киева побеждают войска Временного правительства. Центральная рада, соблюдавшая в этой борьбе нейтралитет, вероломно выступает против победившего киевского пролетариата и захватывает власть в свои руки. Начинается преследование партийных и профессиональных организаций рабочего класса.

Перед советским правительством Украины, выбранным в декабре 1917 г. на Всеукраинском съезде советов, встает вопрос о вооруженной борьбе с Центральной радой.

Вооруженные силы Рады состояли вначале из украинизированных полков царской армии. Они были заражены, как и вся старая армия, тягой домой. Надеяться на них Центральная рада никак не могла. Поэтому она решила создать себе оплот из национальных добровольческих частей, называемых «вільним козацтвом».

В. М. Приманов—организатор червонного казачества и его командир с 1918 по 1924 г.

Главную роль в отрядах «вільного козацтва» играли офицеры, юнкера, поповичи, учителя, студенты, кулачество, шла в эти отряды и часть бедняцко-середняцкого крестьянства, одурманенная пышными лозунгами о национальном освобождении. Однако по мере выявления действительного контрреволюционного лица Центральной рады трудящиеся отходили от нее и вставали на сторону Советов и вооруженной силы их—Красной гвардии, состоявшей в большинстве из рабочих. Стали формироваться красные добровольческие селянские отряды. А в противовес «вільному казацтву» украинское советское правительство решило организовать отряды червонного казачества.

В это время в Харькове стоял 2-й украинский запасный полк, состоявший в значительном большинстве из офицеров и являвшийся оплотом Центральной рады. Лишь III батальон имел в своих рядах солдат, настроенных против Рады, и офицеров. В результате агитации посланных в этот батальон коммунистов он решил восстать и разоружить остальные 2 батальона полка.

В ночь с 27 на 28 декабря эта задача была выполнена, а 28-го из восставших солдат сформирован 1-й червонно-каза-

ПОЧЕТНЫЕ ЧЕРВОННЫЕ КАЗАКИ.

Петровский Г. И.—председатель ВУЦИКа.

Скрыпник Н. А.—наркомпрос УССР.

Затонский В. П.—нарком РКИ УССР.

чий полк, атаманом которого был назначен Виталий Примаков, руководивший по указанию партии указанным восстанием. Через три дня полк вместе с влившимися добровольцами—рабочими харьковских заводов—насчитывал 700 штыков при 4 пулеметах.

Немного хронологии.

28.XII 1917 года.—Создан полк червонных казаков.

14.VIII 1919 г.—Полк разворачивается в бригаду червонного казачества.

2.XI 1919 г.—Сформирована 8-я Червонно-казачья дивизия.

2.IX 1921 г.—8-я кавдивизия переименовывается в 1-ю кавалерийскую дивизию.

24.XII 1921 г.—Кавалерийская дивизия называется Первая запорожская червонного казачества кавалерийская дивизия.

1923 года.—Постановление съезда КСМУ о принятии шефства над червонным казачеством.

С I 1925 г. Дивизия именуется Первая запорожская червонного казачества имени Французской коммунистической партии кавалерийская дивизия.

С XII 1929 г.—Дивизию награждают боевым и трудовым орденами Красного знамени. Дивизия называется: Первая запорожская двухкрасназнаменная червонного казачества имени Французской коммунистической партии кавалерийская дивизия.

С самого начала правительство Украинской советской республики решило в лице отряда червонцев иметь в своем распоряжении регулярную часть. Здесь не существовало выборности командного состава. Командиры назначались сверху.

Чтобы оттенить регулярное лицо вновь созданной боевой единицы, для казаков была установлена единая форма. После сформирования полка долгое время поддерживалась непосредственная связь между червонцами и советским правительством Украины. Директивы правительства, минуя всякие инстанции, давались прямо командиру полка. В дни отступления с Украины в 1918 г. члены правительства—тт. Скрыпник, Пятаков, Коцюбинский, Е. Бош, Кулик, И.—вошли в состав полка, сражаясь плечо к плечу с рядовыми казаками.

На Дону же лишь благодаря червонным казакам своевременно подоспевшим, удалось вырвать из рук анархистов

нынешнего наркома просвещения УССР т. Скрыпника, которого «герои» черного знамени вели на расстрел.

Первый бой.

Центральная рада все больше выявляла свою контрреволюционную сущность. В конце декабря 1917 г. гайдамаки разогнали полтавский совет. Раздача крестьянам земли оттягивалась до созыва Учредительного собрания. Всякое недовольство жестоко подавлялось. Беспощадно громились рабочие организации. В Киеве под крыло Рады стали собираться бежавшие из Советской России контрреволюционные силы. Рада начала сношения с белыми правительствами Дона, Кубани, Терека и Бессарабии. В Харьков же на защиту советского украинского правительства стали стекаться все сторонники власти советов, преследуемые Радой.

Кулик И.—один из организаторов червонного казачества.

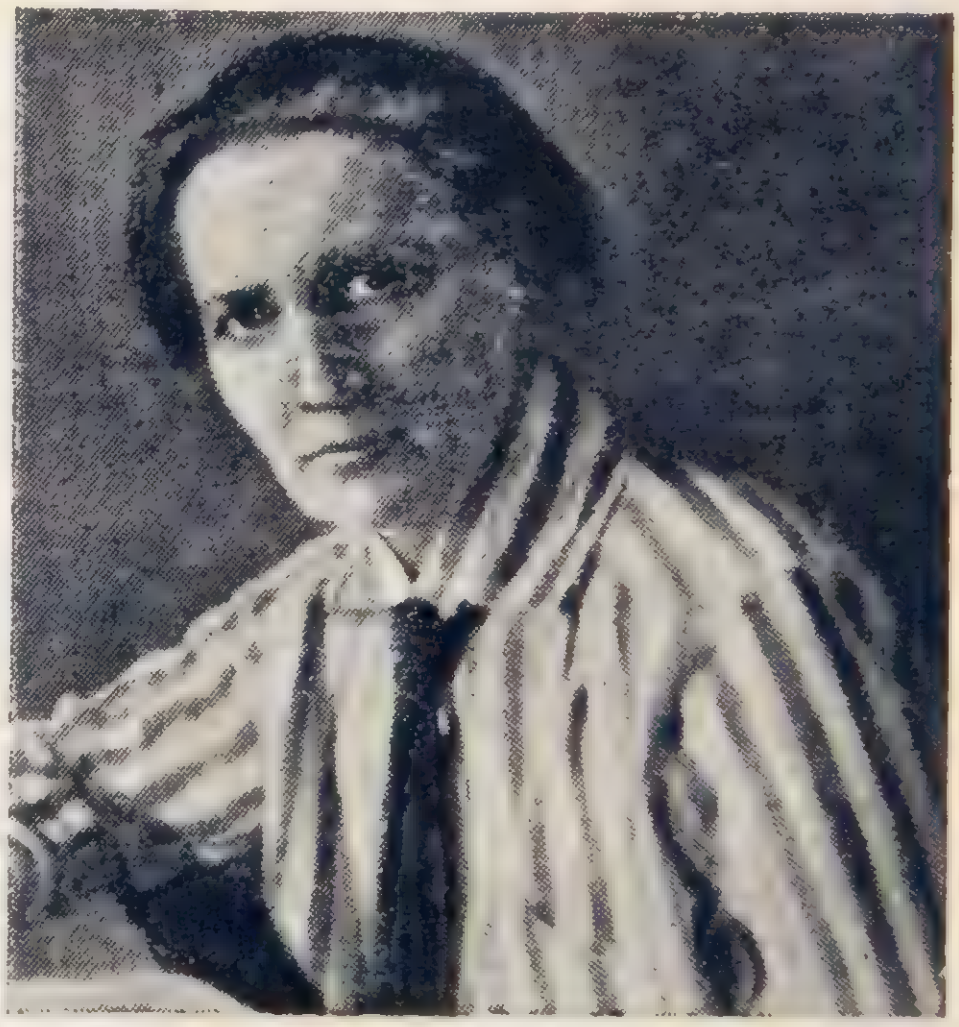
В январе советская армия выступила на Полтаву. 6 января червонные казаки, шедшие во главе советской армии Муравьева, подошли к Полтаве. Не доходя до станции, они высадились из эшелона и при поддержке бронепоезда повели цепями наступление на город. На плечах разбитого противника червонцы ворвались в Полтаву, захватив наиболее важные пункты: почтамт, телефонную станцию и т. п. Юнкера, засевшие в кадетском корпусе, без боя сдали нашим частям оружие. У дома писателя Короленко червонцы выставили караул, чтобы оградить его от возможных при перемене власти недоразумений.

В Полтаве в Червонный полк влилось много добровольцев из беднейших селян. Полк, бывший до этого пешим, сформи-

ровал конный дивизион, использовав захваченный у противника конский состав и лошадей, отобранных у кулаков.

На Киев.

В середине января рабочие Киева под руководством большевиков подняли восстание против Центральной рады и захватили значительную часть города. 10 дней бился киевский пролетариат против офицерских и гайдамацких полков. Потеряв более тысячи человек на баррикадах, восставшие вынуждены были уйти в свою последнюю цитадель—в Арсенал. Рабочие защищались с героическим упорством, ибо никто пощады не ожидал. Советская армия, спешившая им на помощь, повела наступление на город через цепной, стратегический и железнодорожный мосты. Противник имел на берегу более 200 пулеметов и сбить его не удалось. Тогда червонцы предложили свой план взятия Киева. Ведя лошадей в поводу, они двинулись вверх по Днепру, переправились через него и достигли Пуща Водицы. Переправа была сопряжена с большим риском, так как лед был ненадежен и трещал. Два всадника попали под лед вместе со своими лошадьми.



Евгения Бош—организатор и боец червонного казачества.

Из Пуща Водицы червонцы направились в предместье Куреневку. Остатки разбитой Красной гвардии ободрились и вместе с червонцами вступили в бой с петлюровцами за обладание этим предместьем. К восставшим стали присоединяться рабочие Подола. В результате соединенных усилий правительство Рады пало. Город стал советским.

Червонцы захватили аэродром противника с 12 самолетами.

Приказом по армии червонцы получили благодарность за «исключительно доблестную работу».

Однако в этот период имелись и темные пятна в жизни червонцев. Слаба была дисциплина. Отдельные разложившиеся элементы, попавшие в Красную гвардию, дискредитировали красных бойцов тем, что грабили прохожих и участвовали в разгромах винных складов. Командование и коммунисты повели энергичную борьбу за укрепление революционной дисциплины. Масса казаков приняла в этом активное участие. Против разложившихся принимались самые решительные меры воздействия, вплоть до расстрела.

Великий исход.

Червонные казаки под напором немцев отступили на Ромодан, а оттуда на Бахмач, где они приняли участие в упорной обороне бахмачского узла, которая продолжалась семь дней. Об исключительной напряженности этой обороны можно судить хотя бы по тому, что Киевский красногвардейский отряд потерял 70% своего боевого состава.

В отважных суровых боях выковывались славные традиции казаков. У местечка Батурина сотню червонцев отрезала немецкая колонна. Узнав от местных жителей, что враг расположился на отдых в соседнем селе, сотник Ганджа решил во что бы то ни стало пробиться. Задумано—сделано. Сотня незаметно подошла к селу, изрубила немецкую заставу, закидала врага гранатами и благополучно проскочила к своим.

Отступая из Украины, червонцы выдержали ожесточенные бои за власть советов и на «тихом» Дону. Коренное зажиточное казачье население на Дону пользовалось до революции различными преимуществами, дарованными царской властью. После Октябрьской революции на Дон стеклись со всех концов страны помещики, буржуазия, офицерье—словом все элементы, недовольные советской властью—и Дон превратился в очаг контрреволюционного движения, возглавлявшегося казачьими атаманами. Червонное казачество в числе других красногвардейских отрядов было брошено на борьбу с донской контрреволюцией.

Мариупольская пехота объединилась с червонцами и образовался отряд в 2 000 штыков. 250 сабель с артиллерией и пулеметами. Отряд с места атаковал врага, наступавшего на

Нахичевань, и отбил его наступление. В течение двух дней отряд захватил Новочеркасск ценой потери 800 лучших бойцов.

Белоказаки перешли к партизанским действиям, нападая на железную дорогу, соединявшую Ростов с Александро-Грушевским пролетарским районом. В середине мая они захватили станицу Кривянку и мост через Аксай (под Новочеркасском).

Отряд, образованный из мариупольцев — 400 штыков, черноморцев--300 штыков и червонцев—150 сабель, получил приказ выдвинуться на передовые позиции.

Белоказаки отвели мост, но в спешке оставили конец каната на нашем берегу. Подойти к канату не было казалось никакой возможности, так как это место яростно обстреливалось противником. Командир броневого поезда, пытавшийся было подползти к канату, был убит. И только Примакову удалось благополучно добраться до каната; мост подтянули, и наша пехота стремительно бросилась на врага. За ней двинулись и червонцы.

Шмидт Д. А.— организатор повстанческого движения на Украине в 1918 г. Герой Царицынских боев. Один из отважнейших командиров РККА. Командовал 1-й и 2-й дивизией червонного казачества (1921—1924 г.).

Нейтральная зона.

Так называлась широкая полоса между Советской Россией и оккупированной немцами Украиной, незанятая никакими войсками. Она была использована для накопления тех сил, которые должны были возродить на Украине советскую власть. Червонцы до переброски в нейтральную зону в мае 1918 г. сопровождали украинское правительство с Дона в Москву. Пра-

вительство, передвигавшееся через бандитские районы Сальских степей, нуждалось в охране.

На Украине шла жестокая расправа немцев и гетманцев с рабочими. За малейшую провинность расстреливали, за подозрение пороли. Особенно отличались гетманские карательные отряды. Крестьяне уходили в леса партизанить и вели с поработителями энергичную борьбу. С каждым днем число красных партизанских отрядов росло. На Украине действовали большие отряды—Шмидта, Крапивянского, Гребенки и др.

Боевой путь червонного казачества.

Преследуемые собирались в нейтральной зоне, откуда совершали налеты на немцев и их прихлебателей.

Для объединения действий всех партизанских отрядов и для организации восстания во всеукраинском масштабе был создан Повстанческий штаб во главе с тт. Пятаковым и Бубновым. Через организованные ими во многих пунктах Украины подпольные партийные и повстанческие комитеты штаб руководил подготовкой восстания. Нужны были и непосредственные организаторы и водители партизан. В район нейтральной зоны прибыли коммунисты Щорс, Боженко и Примаков с червонно-казачьим полком. Червонное казачество превратилось в

центр, куда стягивались почти все нити, управлявшие подготовкой восстания на Украине. Многие червонцы получали ответственные задания, кои приходилось выполнять в немецком тылу. Вскоре пришлось снова ввязаться в бои. В августе вокруг червонцев собралось три куреня по 1 000 человек в каждом. Один был передан Боженко для доформирования Таращенского полка, один Шорс для доформирования Богунского, и из первого был сформирован Новгородсеверский полк Черняка. Штаб же червонно-казачьего полка, состоявшего из 300 конных казаков и 4 пушек, опираясь на партизан, повел систематическую борьбу с немцами.

Вскоре червонцы произвели удачный налет на Новгород-Северск, где освободили из тюрем много заключенных. После этого налета ни один немецкий командир не показывался за пределы города без конвоя. Для сношения между населенными пунктами немцы снаряжали специальные оказии. Каждую ночь смелые партизаны нападали на штабы, квартиры, на немецких часовых. Немецкие карательные отряды, бессильные против неуловимых, пользовавшихся сочувствием и поддержкой всего населения, партизан, сожгли Воробьевку, Шептаны, местечко Смячь и другие.

Именем гетмана была назначена награда в 700 000 карбованцев за голову Пятакова, Ауссема и Примакова.

Между тем борьба с немецкой армией входила в более регулярные рамки. Повстанцев свели в 1-ю украинскую повстанческую дивизию. Червонцев же перебросили в район города Мирополь Курской губернии. Здесь полк пополнился лучшей частью местных партизан. Вскоре была сформирована сотня из перебежавших к нам немцев и мадьяр. Ею командовал спартаковец Маркутан. Это были первые результаты работы большевиков в немецких войсках.

Фриц Зайдель (Германия).

Мы зажгем гражданскую войну!

В связи с десятилетием я имею возможность быть среди вас. Я должен сказать, что все то, что я видел, меня очень удивило. Клубы, столовые, библиотеки, читальни, спальни— все это на должной высоте.

Дальше я должен отметить, что меня удивили те отношения, которые существуют между командирами и солдатами. У вас заметна самодисциплина, каждый из вас стремится к ней. Это для меня новое, ибо дисциплина в капиталистической армии выявляется в грубом покорении.

Мы, красный юношеский фронт, не обращая на то внимания, что фашисты запретили нашей организации, сдо-

лаем все для того, чтобы при руководстве КИМа подготовить молодых работников для борьбы против империалистической войны и на защиту Советского Союза.

В конце я скажу, что все эти впечатления, которые я получил среди вас, я передам работникам моего района. Этот рассказ развеет ту брехню, которую распространяют фашисты про Советский Союз и его Красную армию

Могущественный «Роте Фронт» Красной армии.

Весь ноябрь и декабрь червонцы имели дело с баварскими кирасирами. Так в непрерывных боях окреп червонный полк. Пролитая кровь спаивала бойцов, создавая между ними отношения взаимной дружбы и помощи. Выметая все негодное, полк закалялся для новой борьбы за дело Октябрьской революции. Партийная организация непрерывной работой готовила казаков к новому походу, к новым боям.

Снова на Украине.

В Германии началась революция. Под влиянием известий из дома и постоянной работы коммунистов среди немцев-оккупантов в рядах последних началось брожение. В немецких частях возникли солдатские советы. Постоянные угрозы со стороны восставших крестьян принудили немецкое командование приступить к эвакуации частей. Наиболее революционно настроенные из них сдавали рабочим и партизанам свое оружие и боевые припасы.

В конце ноября 1918 г. Украинская советская армия выступила в поход. В состав армии входило: 8 полков пехоты—30 тысяч штыков и червонно-казачий полк—300 сабель. Перед армией стояли большие задачи. Надо было разгромить гетманскую армию, смести Петлюру, захватившего власть на Правобережьи, ликвидировать банды. Первым из бандитских атаманов, с кем пришлось драться червонцам, был Балбачан.

Повстанческие полки, разбив под Белгородом корпус Балбачана, в начале января вступили в Харьков, захваченный уже восставшими рабочими. Отсюда червонцы совместно с 5-м Украинским стролковым полком нанесли удар на Люботин, откуда Балбачан пытался снова овладеть Харьковом. Но ему так и не удалось побывать в Харькове и основательно потрепанный он отошел на Полтаву.

12 января советские войска пошли на Полтаву. Наступление велось по нескольким путям, несколькими полковыми колоннами. Червонно-казачий полк шел через город Валки по

полтавскому шляху. 14-го он подошел к местечку Коломак, занятому пехотой противника, решив атаковать местечко сразу с четырех сторон. Такое распыление сил и неуверенность сотников, не привыкших самостоятельно действовать, а также большое количество необстрелянных добровольцев, не способствовали успешной атаке. К тому же все сотни спешились и действовали только огнем. Основная, сильная сторона кавалерии—удар в конном строю не был использован. Атаку противник отбил, и полку пришлось отступить. Лишь с прибытием части 5-го стрелкового полка красные соединенными силами заняли местечко. Были взяты пленные и пулеметы.

Минц И.—старейший политработник. Участник боев за освобождение Украины от немцев, гетманцев, белополяков и Петлюры. Начальник политотдела червонного казачества (1920—1922).

В ночь на 19 января червонно-казачий полк совместно с частями 2-й стрелковой дивизии захватил Полтаву. После 3-дневного отдыха красные части двинулись на Кременчуг, проделав в 3 дня, в мороз и сильную вьюгу 120-верстный переход. Червонцы совместно с 5-м стрелковым полком, который переправился по льду и проник в тыл Кременчугу — Крюков, заняли город, захватив при этом большое число пленных и много боевых трофеев.

Повстанческая армия, вобрав в себя массу восставших рабочих и коммунистов подполья, при выходе на линию Днепра выросла до 4 дивизий с 4-5 тысячами штыков и большим количеством пулеметов в каждом полку. В червонно-казачий полк добровольцы являлись с лошадьми, забираемыми беднотой у кулаков. Безлошадные направлялись в пешую сотню, которая шла следом за полком. Полковая ремонтная комиссия по пути пополняла конский состав.

Постоянные усиленные переходы, непрерывные стычки и бои, боевой пример коммунистов, закаляли молодняк, равнявшийся в своей боевой выдержке по старикам.

Мы подняли знамя восстания и не опустим его до тех пор, пока вместо разноцветных буржуазных знамен не будет развеваться над всем миром красное знамя революции.

(Из речи рядового казака на конференции 1919 г.).

К концу февраля 1919 г. петлюровцы оборонялись на линии Литин—Жмеринка. Червонцев по железной дороге перебросили в Бердичев, откуда они направились для нанесения ударов по тылам противника в направлении Хмельник—Летичев—Деражня. Червонцы—в этом направлении и кавполк Гребенки—в направлении Литин—Бар своими внезапными нападениями навели панику на петлюровцев и внесли дезорганизацию в их тылы.

Первый рейд.

Вся история червонцев изобилует рейдами, т. е. наиболее смелыми действиями конницы, когда она, отрываясь от своих войск, проникает в неприятельский тыл на 50—120 и более километров в глубину, разрушает его и тем лишает противника возможности к дальнейшему сопротивлению на фронте.

Первый рейд червонцы предприняли в борьбе с войсками «головного атамана»—Петлюры.

В середине марта 1919 г. петлюровцы, в рядах которых остались наиболее стойкие и убежденные «самостийники», сосредоточились на линии Проскуров—Староконстантинов. Из района Шепетовки им удалось нанести удар 1-й Советской дивизии на Житомир—Коростень, занять Бердичев и повести наступление на Казатин. Для ликвидации успеха противника была двинута 2-я советская дивизия, а из червонно-казачьего и кавполка Гребенки создали бригаду, которой было приказано сделать рейд на Шепетовку. Полк червонцев двинулся по маршруту Деражня—Меджибож—Староконстантинов. Дорога была настолько плоха, что полк Гребенки и полевые пушки червонцев отстали на полперехода. В одном болоте застряла горная батарея. Казаки бросили в грязь под колеса пушек свои шинели, бурки и полушубки и в мит выручили батарею.

В два тяжелых перехода полк достиг района Староконстантинов и заночевал в 12 километрах от него. На завтра возник вопрос: атаковать ли город наличными силами или ждать прихода Гребенки? Начдив 2-й Советской—Барабаш, следовавший с полком, заявил атаману полка Примакову: «Ответственность за неудачу падет на вас, как и слава в случае удачи. Решайте сами». Примаков, уверенный в революционных силах бойцов, ответил: «Я атакую».

Часть полка под командой спартаковца Маркутана двинулась на город с фронта, а Примаков с тремя сотнями стал об-

Каширин – почетный казак б., комадир червонного казачества.

Петровский Е. И. б. военкомдив.

Демичев М. А.– командир и комиссар 1-й червонно-казачьей дивизии с 1920 г.

ходить город с тыла. Атака началась одновременно. Галопом понеслись сотни. Две из них ринулись на вокзал и казармы, а одна—в центр города. Противник, которого насчитывалось 500—700 штыков, не ожидал нападения. На улицах началась рубка пехоты и офицеров. В городе захватили 56 офицеров, много солдат, паровоз, 30 вагонов и 3 автомашины. Червонцы соорудили бронепоезд, вооруженный одним горным орудием, и пустили его в разведку на Шепетовку.

В это время на Проскуров в Староконстантинов спешила Херсонская дивизия в 2 000 штыков, под командой доктора Луценко, личного друга Петлюры. На рассвете следующего за захватом Староконстантинова дня передовые части «херсонцев» начали напирать на заставу червонных казаков в местечке Кузьмин. Надо было удержать город до подхода кавполка Гребенки, кочевавшего в 10 километрах. Но лучший способ обороны есть нападение. Так и решили червонцы.

Одну сотню они оставили в Староконстантинове до прихода Гребенки; бронепоезд охранял шепетовское направление, а весь полк сосредоточился в селе Воронковцы. С колокольни было видно огромное поле у местечка Кузьмин, на котором спиною к большущему озеру разворачивалась петлюровская дивизия. Горная батарея открыла огонь, две с половиной сотни двинулись к Кузьмину и завязали с противником огневой бой, а остальные под командой Маркутана, через Верхняки, ударили во фланг и тыл петлюровцам и опрокинули их в Кузьминское озеро, захватив 1 700 пленных. Сам комдив Луценко был убит полусотником Огерманом. У нас выбыло из строя 40 казаков. Червонцам досталась казна, артиллерия, пулеметы и много другого оружия, что было весьма кстати; третья сотня полка была например вооружена французскими рапирами образца 1818 г.

На этом рейд не закончился. Предстояла еще упорная борьба с петлюровским войском. На другой день червонцы соединились с полком Гребенки и пошли на Изяславль, откуда решили бить на Шепетовку, где лучшие петлюровские полки сдерживали натиск красной пехоты.

Как выяснилось впоследствии, в Изаславле стоял петлюровский штаб корпуса и несколько сот пехотинцев; в Шепетовке — дивизия сечевых стрельцов и 8 бронемашин, в Славуте — полк, в Остроте — полк, а по линии Славута — Шепетовка курсировали 4 бронепоезда. В Изаславле знали о движении красных на Шепетовку и удара ожидали с этого направления.

Изяславль рекой Горынью делится на Новый и Старый город. Сводная кавбригада в два перехода достигла района Изяславля. Кавполк Гребенки получил задачу нанести удар с востока, а червонцы переправились в село Васьковцы через Горынь, развернулись и понеслись на Изяславль. Через 10 минут казаки уже рубили ошеломленных петлюровцев, а передовая сотня через плотину ворвалась в Новый город. Петлюровцы, засевшие с пулеметами в старинном замке князей Сангушко, специально приспособленном еще со средних веков к обороне, взяли плотину в огневой переплет. Вторая сотня во главе с адъютантом атамана полка бросилась на плотину, но моментально вернулась назад. Создалось серьезное положение, так как через плотину надо было во что бы то ни стало оказать помощь Гребенке. Тогда Примаков шагом въехал на плотину, и за ним галопом с гиком и ревом ринулись все сотни полка.

Червонцы гранатами и рукопашным боем выбивали пехоту противника из замка, а затем уже атаковали станцию, за обладание которой вел бой гребеновский полк. Изяславль был занят. Красные захватили штаб корпуса, взяли в плен несколько сот солдат, одного генерала, много офицеров. Им достались 9 автомобилей, большое количество оружия и эшелон с орудиями.

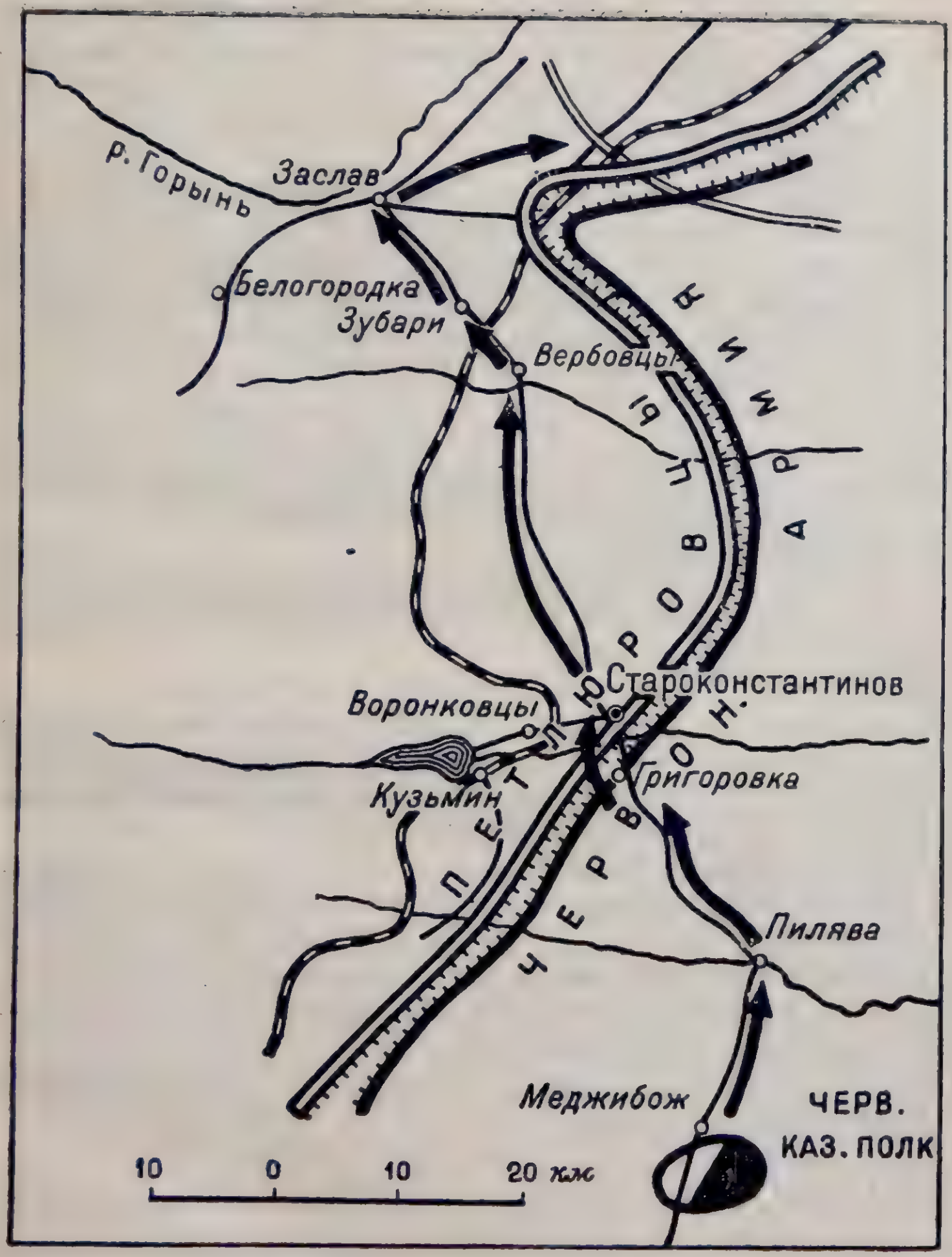
Рейд все еще не был окончен. Переночевав в районе Изяславля, бригада двинулась на Шепетовку.

Тем временем другие части петлюровской армии в результате удачных действий красной конницы по ее тылам и нажима нашей пехоты оставили Бердичев, Полонное и стали сосредоточиваться у Шепетовки. Красная пехота обложила последнюю и завязала с противником затяжные бои.

На этом первый рейд закончился. Конница соединилась со своей армией и была отведена в резерв, чтобы набраться сил для второго рейда.

Второй рейд.

Противник упорно удерживал Шепетовку. Наши пехотные дивизии несли большие потери. Многие бойцы упали духом, чем и воспользовались бывшие белые офицеры, которых много числилось в 14-м Миргородском полку. Они толкнули полк на измену. Полк атаковал село Городище, где стояли червонные казаки, но, напоровшись на пулеметы червонцев, потерпел неудачу. 200 миргородцев заплатили своей жизнью за измену полка.



Рейд червонцев на ст. Константинов—Изяславль.

Все же во фронте красных образовалась брешь, и они должны были отступить от Шепетовки.

В начале апреля части Красной армии снова перешли к активным действиям, чтобы разгромить Петлюру, в распоряжении которого остался лишь крохотный клочок Украины, о чем сами петлюровцы шутили: «Ще не вмерла Украина від Шепетовки до Рівіна». Конница получила задачу произвести рейд на Острог—Кривин.

За один переход червонцы достигли вновь занятого противником Изяславля и пешей атакой взяли его. Отсюда они двинулись на Острог и, не дожидаясь прибытия Гребенки, атаковали город, но пулеметами петлюровцев были отбиты. Тогда частью в пешем, частью в конном строю—методически упорными боями червонцы заняли город. Захваченный оркестр сечевиков[1] пристроился к червонно-казачьему полку и сыграл марсельезу.

Петлюра, обеспокоенный присутствием конницы в своем тылу, оставил Шепетовку и отошел на Кривин.

К Острогу он бросил 2 полка пехоты с бронемашинами. Под давлением превосходных сил Красная конница оставила город. Ее работа в тылу петлюровцев дала возможность красной пехоте занять Шепетовку.

Петлюровская Украина таяла с каждым днем.

Массовый героизм казаков, проявленный в этих боях, не поддается описанию. Отдельные бойцы показывали поистине чудеса храбрости. В одном из боев под Шепетовкой на поле остался раненый полусотник ингуш Рамазан. Галичане предложили ему сдаться. Рамазан ответил: «Червонцы не сдаются» и открыл огонь из маузера, застрелив и ранив несколько галичан. Последнюю пулю он сберег для себя. На следующий день бронемашина противника доставила к нашему полевому караулу тело сотника и письмо галицийских офицеров с описанием подвига т. Рамазана.

Так сражались и умирали неустрашимые бойцы пролетарской революции.

---

[1] Сечевики—сечевые стрельцы—разновидность бойцов петлюровской армии.

II. Борьба с белыми.

Серьезна опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности в добавление к прежним силам войска мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях.

ЛЕНИН, т. XX, ч. II, стр. 343.

На Украине господство Деникина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян—так же, как уральских и сибирских—к более ясному пониманию задач советской власти и к более твердой защите ее.

ЛЕНИН, т. XVI, стр. 459.

Бои с Деникиным.

Пока наши красные части успешно добивали Петлюру и готовились протянуть руку помощи венгерской Красной армии, восстание Григорьева и других кулацких атаманов сорвало наш план. В это же время наметилось уже движение Деникина с его хорошо вооруженной и снабженной офицерской армией. Донбассу грозила опасность. Республика переживала тяжелые дни. Рабочий класс напрягал все силы и средства для отражения контрреволюционных атак. Сотни и тысячи московских и ленинградских металлистов, иваново-вознесенских ткачей потянулись от центра к периферии, где решалась участь революции.

На новый фронт было переброшено много частей с петлюровского фронта, в том числе и червонный полк, насчитывающий к этому времени 900 сабель, 2 батареи, пулеметную команду в 40 пулеметов, команду самокатчиков в 120 человек. Полк, скрепляемый и предводимый крепкой организацией большевиков, представлял собой внушительную силу. Об этом лучше всего говорит телеграмма от 25/V 1919 г. Главкома юж-

ного фронта тов. Антонова: «Советую полк червонного казачества присоединить к нему, 5-й полк переформировать в бригаду червонных казаков. Это—могучая сила».

У. С. С. Р.
Украинская Красная армия
Пом. командира
1-го Червонного Казачьего Полка
Июня 23 дня 1919 г.
№ л. 48.
Действ. Красная Армия.

Копия

Командиру 1-го Полка Червонного
Казачества тов. В. М. Примакову.

Рапорт.

Ввиду создавшегося тяжелого положения Советской Власти на Украине, в связи с наступлением белогвардей-банд на Донецкий Бассейн, которые пытаются отрезать от пролетариата Социалистической России уголь—источник существования заводов, железных дорог, фабрик и без которого придет в полное расстройство как промышленность, так и транспорт.

В настоящий серьезный момент, когда каждый сознательный крестьянин и рабочий, красноармеец и коммунист,—должны напрячь все свои силы для того, чтобы раздавить зарвавшегося врага и этим самым уничтожить контрреволюционные банды.

Резолюция: Удовлетворить (Подпись)

Я считаю для себя в такой серьезный момент недопустимым находиться вне строя революционных сил, грудью вставших на защиту рабоче-крестьянской власти.

Хотя состояние моего здоровья не позволяет мне нести строевой службы, я прошу Вас отменить Ваше решение об увольнении меня в отпуск для поправления здоровья и оставить меня на своем посту в качестве Вашего помощника и Командира Артиллерийского Дивизиона.

Прошу Вас возложить на меня обязанности по ведению всех дел полка не оперативного характера.

Печать «Полка Казачества Украины»

Помощник Командира 1-го Червонного казачьего полка
А. БАГИНСКИЙ (подпись)

С подлинным верно:
Секретарь Музея революции УССР (подпись)

Полк прибыл на новый фронт в самый тяжелый момент. Постоянные неудачи понижали настроение наших бойцов. Лучшие силы—старые красногвардейцы и партийцы—были выбиты в прежних кровопролитных боях. Случаи измен и уход к белым мобилизованных офицеров подрывали веру бой-

цов к комсоставу вообще. Появление у белых могучей конницы, беспощадно громившей наши части, еще больше способствовало ослаблению красного фронта. Каждый новый день начинался и заканчивался отступлением наших частей. Лишь на подступах к Полтаве и Харькову было решено дать отпор деникинской армии. Бои разыгрались в районе Константинограда, занятого противником. Пехоте, ободренной близостью собственной конницы—червонцев, приказали атаковать этот город. Червонцы же, не знавшие измен комсостава и считавшиеся одной из наиболее стойких красных частей, получили задачу захватить ст. Кигичевку и разрушить железную дорогу в тылу у противника.

17 июля 1919 г. полк выступил и к вечеру достиг с. Лукашевки, откуда и выслал сотни для выполнения полученной задачи. С рассветом 18-го червонцы взяли ст. Кигичевка, изрубив охранявшую ее комендантскую команду. Разрушив железную дорогу в нескольких местах, полк собрался и двинулся на шум боя, который разыгрался у Краснограда (тогда Константинограда) между нашей конницей и деникинцами. Неожиный удар червонцев в тыл деникинцам помог красной пехоте выбить противника из Краснограда. На другой день червонцы, выбив военногвардейский и пехотный полки противника из с. Шахово, захватили 15 пулеметов, пленных и лошадей. Преследуя белых, полк у ст. Путаровки, куда уже подошли наши пехотные части, атаковал деникинцев под звуки трубачей, опрокинул их и захватил много пленных. Наши потери за эти дни—50 убитых и раненых. Командир батареи Зюк, будучи раненым, остался в строю.

Неудачи заставили противника перебросить сюда свежую «железную бригаду» генерала Геймана, которая принудила наши части оставить Красноград и отойти в район Карловки. Здесь, особенно в районе ст. Селещино, надо было задержаться, так как в Селещине были сосредоточены колоссальные артиллерийские запасы и склады частей.

Необходимо было выиграть время для эвакуации. Пехота под давлением противника отходила на Полтаву.

Червонцы с одним батальоном пехоты 25 июля развернулись по линии реки Орчик и в течение суток сдерживали превосходившего в силах врага. Все дневные и ночные атаки густых цепей белых были отбиты. Наконец батальон не выдержал и отошел на Полтаву. Червонцы остались одни.

Когда они снялись и двинулись на присоединение к своим на ст. Перещепино, то здесь вместо красных они нашли уже

белые войска. Полк был отрезан. И только очистив смелой атакой село, он через образовавшуюся брешь ушел на м. Решетиловка, где и присоединился к своим.

Атмосфера отступления действовала разлагающе на менее устойчивые красные части, действовавшие на свой страх и риск. В это время можно было видеть много красноармейцев. щеголявших во фраках, цилиндрах и перепоясанных пулеметными лентами поверх столь необычайной формы. Приходилось обезоруживать и вливать в свои ряды боеспособные элементы этих беспризорных «отдельных дивизионов» и «чортовых сотен», болтавшихся на фронте «без руля и без ветрил». В результате полк вырос до 1 500 сабель. Встал вопрос о создании двухполковой бригады. 14 августа 1919 г. червонцы развернулись в 2 полка. Первым полком стал командовать Григорьев, а вторым Потапенко, или, как червонцы его называли, «Потап». С этих пор название «атаман» отменили и ввели в обиход термин «командир», как и в остальных частях Красной армии.

Зюка М.— б. начальник червонно-казачьей артиллерии. Один из самых боевых командиров.

Бахмач, куда шла бригада червонцев, был уже занят крупными силами Деникина. Червонцам пришлось отходить на ст. Круты. Здесь начальник боевого участка, бывший генерал Жданов, со своим штабом изменил и перешел на сторону белых. Пользуясь этим, бронепоезд Деникина почти без боя захватил станцию вместе с охраняющей ее пехотой. Часть пехоты разбежалась.

В это время 12-я армия сдала Киев и отходила на север. Она потеряла много бронемашин, бронепоездов и артиллерии.

Отступление совершалось без всякого порядка. Строевые части тянулись длинной кишкой вперемежку с обозами. Крас-

кoармейцы отставали. Нужно было обеспечить армии безболезненный отход. Эту задачу возложили на червонно-казачьи полки.

Конец августа и начало сентября бригада, охраняя фланг 12-й армии, сдерживала в районе ст. Круты натиск врага. Противник, упоенный успехом, напирал свежими резервами, под давлением которых бригада отступила к р. Вересочь. Здесь она получила задачу удерживать Чернигов до тех пор, пока пехотные части не приведут себя в полный порядок. Эту задачу червонцы встретили с радостью, ибо в их рядах было много командиров и казаков черниговцев.

У г. Чернигова р. Десна образует естественный плацдарм в виде подковы. Червонцы, расположившись в центре его, могли, основываясь на данных разведки, наносить удар в любую точку, где бы стал появляться противник. Мост через реку прикрывался 200 обозными казаками при 4 пулеметах. Белые перешли Вересочь, но их отбросил 1-й полк. Один взвод червонцев, увлеченный преследованием, был окружен, но пробился к своим. Однако белые отрезали путь 3 казакам. Они отстреливались до последней возможности, а потом из наганов покончили с собой. Белый офицер, указывая своим солдатам на мертвых героев, сказал: «Учитесь умирать у этой сволочи».

Бригада две недели защищала Чернигов и переправы через Десну от нажима превосходных неприятельских сил. Казаки несколько отдохнули при подходе бригады Гребенки и пехотных частей. Совместным ударом белые были отброшены за Вересочь, причем червонцы порубили пехоту противника, взяв 4 орудия и пулеметы. После этого боя бригаду отвели в резерв. Здесь казаки получили задачу разоружить бригаду Гребенки, занимавшуюся грабежами. Часть гребенковцев была отдана под суд Ревтрибунала, лучшая часть отправлена в пехоту и влита в червонно-казачьи ряды.

Красные казаки против белой гвардии.

Осенью 1919 г. Республика советов, сдавленная кольцом контрреволюционных вражеских сил, переживала тяжкие дни. Колчак, Юденич, Деникин шли к одной цели. Партия забила тревогу. Дни нажима Деникина были испытанием крепости диктатуры рабочего класса, испытанием советской системы. На ноги была поднята вся партия, весь рабочий класс, лучшая часть советской деревни, все, кому была дорога новая власть.

Партийные и профессиональные мобилизации влили в красные полки свежие силы. Республика превратилась в ощетинившийся лагерь. Спаянные свежими революционными силами рабоче-крестьянские полки пришли в себя, остановились готовые дать жесточайший отпор вооруженным силам контрреволюции.

Разбитые Деникиным, красные части уже совершенно оправились, когда деникинская гвардия—корпус Кутепова, состоявший из Марковской, Дроздовской, Алексеевской и Корниловской дивизий,—держала курс на красную столицу—Москву, а Деникин бросал свои пышные лозунги: «Орел—орлам», «Я слышу призывный колоколен звон московского Кремля».

Красное командование решило нанести противнику удар на участках Воронеж и Орел, а потом уже гнать его всеми силами к югу. Для этого были намечены отборные части. На Воронеж должен был бить Буденный, а на Орел—ударная группа, состоявшая из лучших частей Республики: червонцев—1 500 сабель, латышской дивизии—8 000 штыков и Пластунской бригады—2 000 штыков.

В начале октября червонцев перебросили из-под Чернигова в район ст. Шахово.

Ударная группа получила приказ: «не обращая внимания на отступающие пехотные части, пропустить их мимо себя к северу и нанести противнику фланговый удар». Настроение у бойцов под влиянием влившегося партийного пополнения и усиленной политической работы было отличное. Они чувствовали всю ответственность задачи, возложенной на них партией и советской властью.

В назначенный день ударная группа, нацеленная на Кромы, т. е. во фланг противнику, выступила, имея червонцев впереди на полперехода. Бригада встретила по пути отступающую пехоту, но продолжала двигаться вперед. В с. Мелехово она обнаружила батальон Самурского полка. Атакой в пешем и конном строях противник был опрокинут. 200 белых с пулеметами попали к нам в плен. Батарея «самурцев» успела ускакать. Для деникинцев, наступавших все время с музыкой и ожидавших скорого вступления в Москву, появление нашей конницы было полнейшим сюрпризом.

При опросе пленных присутствовали члены Реввоенсовета 13-й армии т. Пятаков и т. Орджоникидзе, отметившие, что мелеховским успехом начинаются наши победные дни.

На следующий день ударная группа развернулась и могучим натиском очистила от противника район г. Кромы.

Тем самым она нависла над неприятельским флангом, как Домоклов меч. Нажим латышей, пластунцев и червонцев во фланг и остальных частей Красной армии с фронта заставил противника очистить Орел. Но белые держались еще достаточно цепко и, переходя местами в наступление, теснили наши войска.

В конце октября, в дурную осеннюю погоду, в дождь, слякоть, мокрый снег, на фронте завязались тяжелые бои. С питанием дело обстояло плохо, недостаток его приходилось пополнять скудными средствами мирного населения. Армия имела больше голодных, чем сытых, дней, и в то время, когда к белым подходили свежие резервы, ударная группа таяла все больше и больше. 30% уже выбыло из строя в тяжелых боях. Но бойцы не падали духом,—они рвались в схватку с врагом.

Червонной дивизией по белым тылам.

На совещании ударной группы начальник последней просил у командарма Уборевича и т. Орджоникидзе резервов. Резервов Республика дать не могла. Тогда Примаков предложил протаранить деникинский фронт и бросить в белый тыл бригаду червонцев. Предложение приняли. Казаков усилили латышским и одним кубанским кавалерийским полком и образовалась конная группа, названная в скором времени 8-й червонно-казачьей кавалерийской дивизией. В рейд было брошено лишь 1 500 всадников на лучших конях, 32 пулемета, 6 орудий, 16 патронных двуколок и 4 подрывных повозки. На руки выдавалось каждому бойцу 250 патронов и одна ручная граната. Обоз, затрудняющий движение конницы в рейде, был оставлен в тылу. Дивизия взяла лишь 16 санитарных тачанок, впряженных в лучших лошадей полков, дабы раненые были уверены, что они не достанутся белым.

1 ноября Латышская дивизия занимала фронт в 50 километров. На таком большом протяжении нельзя было думать о возможности прорвать неприятельский фронт. Начальник Латдивизии 2 ноября оставил одну бригаду и пластунов на фронте в 45 километров, а две бригады собрал в кулак на участке в 8 километров, в район деревень Чернь—Чернодье, в тылу которых встала Червонно-казачья дивизия, готовая каждую минуту со свежими силами ринуться в бой. В 5 часов 3 ноября 1919 г. латышские стрелки двинулись по только что выпавшему снегу на Чернь и Чернодье. Без выстрела, густыми цепя-

ми они подошли к заставам противника и перекололи белых солдат. Начался отчаянный рукопашный бой. Белые сдали. В образовавшийся прорыв ринулись червонно-казачьи полки.

т. Уборевич, под блестящим руководством которого червонные казаки совершали свои героические рейды.

Особым приказом была объявлена казакам задача. В нем указывалось — не бояться окружения—шашки разрубят всякое кольцо. Выдавать себя за дивизию ген. Шкуро. Звезды снять. Знамена забрать в чехлы. Надеть погоны. Начальников величать по чинам. Мирному населению выдавать себя за отступающих шкуровцев и говорить, что скоро придут красные и установят снова советскую власть. Казаки же шли под популярным для них лозунгом: «Даешь Украину».

Боевой приказ от 2 ноября 1919 г. заканчивался следующими словами: «Всем командирам и начальникам принять все меры и проявить неуклонную энергию в достижении намеченной цели, помня, что при успешном рейде мы разгромим орловскую группу противника и ликвидируем попытки врага выйти на пути к сердцу революции—к Москве».

От имени Московского совета.

Товарищ Примаков!

Мы посланы на фронт Московским советом рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

По взятии нашими доблестными красными войсками г. Орла пролетариат Москвы постановил командировать нас на фронт для выражения горячего приветствия красным героям. По прибытии на фронт нас со штаба 14-й армии направили в 8-ю Червонно-казачью дивизию.

Товарищ Примаков! Мы все время от г. Орла до г. Льгова стремились попасть в боевую семью червонных казаков, чтобы иметь возможность передать самое горячее приветствие, самую искреннюю благодарность от имени трудящихся масс

всему командному составу и всем казакам Червонной дивизии за ту храбрость и стойкость, которую проявили червонные казаки и их командиры в последнюю решительную минуту, результатом чего явился разгром противника и его бегство.

НЕСМОТРЯ НА ВСЕ ПРИНЯТЫЕ МЕРЫ СО СТОРОНЫ ШТАБА ВВЕРЕННОЙ ВАМ ДИВИЗИИ, ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ МЫ КАК МОЖНО СКОРЕЕ МОГЛИ ПОПАСТЬ К ВАМ НА ПЕРЕДОВЫЕ ЛИНИИ, НАМ ЭТОГО ДОСТИГНУТЬ НЕ УДАЛОСЬ ВВИДУ ТОГО, ЧТО ДОБЛЕСТНЫЕ ЧЕРВОННЫЕ КАЗАКИ БЕЗУДЕРЖНО ИДУТ ВПЕРЕД.

Мы не можем их настигнуть в течение уже 10 дней, и так как нам необходимо срочно возвратиться в центр, то мы решили передать приветствие 8-й Червонно-казачьей дивизии письменно.

Приветствуем вас, товарищ В. М. Примаков, и весь командный состав и всех казаков вверенной вам дивизии от имени пославших нас к вам рабочих.

На золотые страницы истории освобождения рабочих и крестьян от ига капитала и царских генералов будет занесено имя червонных казаков. Мы расскажем пославшим нас о червонных казаках как о тех, кто в любую минуту, не колеблясь, отдаст свою жизнь в борьбе за власть рабочих и крестьян.

Мы, рабочие, находясь в тылу, ни на минуту не оставим свою работу для того, чтобы вы, красные герои, не испытывали на фронте нужды ни в обмундировании, ни в оружии, ни в патронах и снарядах.

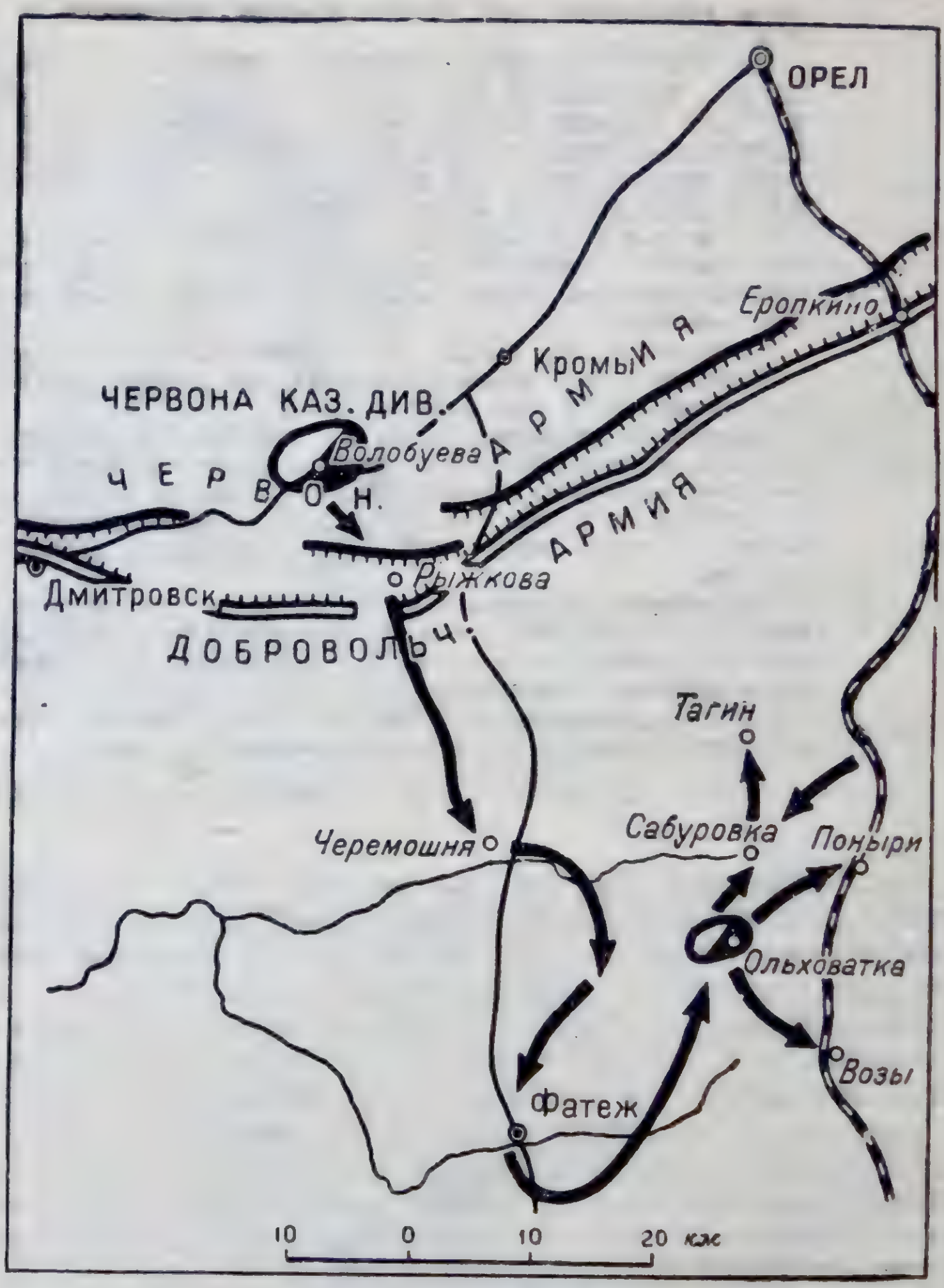
В знак нераздельности, в знак спаянности рабочих с фронтом протягиваем вам руку, дорогие червонные казаки.

Рабочие: САФОНОВ. КОНУГИН.

У д. Покровское дивизия, следовавшая одной компактной колонной, стала обстреливаться артиллерией с тыла. Это стреляли те белые части, которые отступили под натиском латышей. Артиллерийские разрывы внесли замешательство в головной полк казаков. Тогда командир дивизии стал на холмике и приказал полку пройти мимо него церемониальным маршем. Полк привел себя в порядок и спокойно исполнил приказ.

Несмотря на понесенные потери, бойцы ободрились. Спустя некоторое время пришло донесение, что брешь, сделанная латышами, закрыта. Резервами белых частей деникинский фронт снова закрылся, но тыл был открыт. Здесь гуляли червонные казаки. За первый день они разбили две роты, захватили обозы белых и взорвали мост через р. Свану, чем и лишили противника возможности увести находившиеся в Кромах броневики. В 6 часов 4 ноября дивизия остановилась на привале в районе с. Талый-Колодезь. Она совершила 24-часовой марш,

имея несколько стычек в пути. Все время дул встречный ветер, еще более усиливавший гололедицу. Лошади теряли подковы и



Рейд червонцев на Фатеж—Понырн.

подбивались на ноги. Большую часть пути пришлось итти пешком, ведя лошадей в поводу. Но сознание долга двигало

дальше через всевозможные трудности, а вера в успех облегчала с ними борьбу. Заставы червонцев бдительным кольцом окружили ядро главным сил, готовившихся 3-часовым легким отдыхом набраться сил для многочасового трудного дня. Привал восстановил силы людей и лошадей.

В 9 час. 4 ноября дивизия выступила «наводить порядок» в белых тылах.

Первая бригада направилась на станцию Поныри, лежавшую на важнейшем для белых пути Курск—Орел. Забирая по дороге пленных, бригада подошла к станции и в результате часового боя захватила ее. Здесь было взято 60 вагонов обмундирования. Из освобожденных 380 пленных красноармейцев была сформирована рота для прикрытия пушек. Защищавший станцию бронепоезд под огнем наших орудий отошел на Курск. Железная дорога была разрушена в нескольких местах.

Сотня, посланная бригадой, пыталась атаковать ст. Мало-Архангельская в конном строю, но находившийся там батальон белой пехоты атаку отбил. В 13 час. того же дня 3-й червонно-казачий кубанский полк ворвался в г. Фатеж, захватив два тяжелых 8-дюймовых орудия и освободив из тюрем около 100 красноармейцев и советских работников. К вечеру части стали возвращаться к штабу дивизии—в с. Ольховатку.

За 37 часов дивизия прошла по белым тылам 120 километров, уничтожила 6 рот противника, захватила 2 орудия, многочисленные обозы, эшелон обмундирования, а главное—разрушила дорогу Курск—Орел. Все это заставило противника приступить к эвакуации Курска и Льгова. Сам же курский губернатор выехал в Харьков экстренным поездом по «срочным делам».

Ночь с 4 на 5 ноября рейдирующая конница провела спокойно. Она знала, что белые отбили латышей у Чернь—Черноодье, но не знала, что 3-го деникинцы наступали и к вечеру того же дня, обеспокоенные присутствием в своем тылу конницы, приостановили наступление, а 4-го под влиянием этой же причины и натиска красной пехоты с фронта стали отступать.

Червонцы на рассвете 5 ноября выслали разъезды, один из которых выяснил, что на Поныри отступает полк белой пехоты и конницы. Но их решили не трогать, продолжая выполнять полученную задачу. Червонцы повернули на север для удара по фронту противника.

Захваченные пленные заявляли, что корниловцы и дроздовцы отступают, так как у них в тылу появилось будто бы 10 тысяч красных казаков.

На рассвете 6 ноября разъезды связались с пехотой, наступавшей с фронта. До этого командир Гриценко со своим взводом пробрался через белые тылы и привез в один из полков латышской дивизии донесение командарму о действиях червонцев.

6-го червонцам пришлось ввязаться в дело с одним из лучших белых полков. У с. Сабуровка появилась отступавшая колонна корниловцев. Латышский кавполк в пешем строю стал задерживать белых. Червонцы же двинулись во фланг белых, которые густыми цепями, при поддержке 8 пушек, уже теснили латышей. Артиллерия червонцев, подтянутая казаками на руках на самую опушку села, начала громить белых картечью в упор. Корниловцы замешались. 16 пулеметных тачанок карьером вынеслись из села и стали поливать белых пулеметным дождем. В это же время латыши сели на коней и совместно с вышедшими из балок червонцами врезались в ряды белых. Так погибла лучшая часть добровольческой гвардии—корниловский офицерский полк. Нам достались 7 «добровольческих» пушек. Сотня 2-го полка, преследовавшая бежавших корниловцев, ворвалась в Поныри, но была оттуда выбита огнем бронепоезда.

Рейд по белым тылам окончился. Деникинцы под нажимом конницы с тыла и пехоты с фронта очистили район на 100 километров в глубину. А самое главное—выросла уверенность красных частей в собственные силы и рушилось представление о непобедимости деникинских войск.

На фронте наступил перелом.

Льговский рейд.

Белые, отступая, нашли в себе еще достаточно сил, чтобы останавливаться и оказывать сопротивление нашим войскам, воспрянувшим духом.

Латыши безуспешно пытались сбить с позиции кутеповцев, которые несмотря на натиск латышей перешли на участке 7-й стрелковой двивизии в наступление, сбили ее и заняли ст. Комаричи на линии Льгов—Брянск. Нужно было дать новый толчок белым, не позволив им опомниться от последнего удара.

Было решено бить противника пехотными дивизиями с фронта, бросив в набег на Льгов червонно-казачью дивизию, успевшую за 4 дня отдохнуть от первого рейда.

Льгов, как узел железных дорог, на который опирались дивизии Кутепова, имел для белых большое значение.

14 ноября, прикрываясь снежной вьюгой, латыши смелым ударом прорвали фронт белых у Фатежа. В прорыв устремились червонцы. Дивизия, усилившаяся еще одним кубанским полком, имела теперь 1 900 сабель, 32 пулемета, 6 орудий. Марш выдался очень тяжелый. Пересеченная оврагами местность затрудняла движение артиллерии. Орудийные лошади выбивались из сил. Казакам приходилось спешиваться и тянуть пушки на своих промерзших руках. Пример командиров и коммунистов-казаков заражал массу бойцов. Орудия откатывались назад, увлекая за собой казаков, но подходили другие червонцы, и тащили пушки вперед. Буря свирепствовала.

К вечеру дивизия, несмотря на наличие до 20 проводников, сбилась с пути. Червонцы, очутившись среди белого поля и белой вьюги, ощетинились штыками застав. К ночи разыскали нужную дорогу, и дивизия тронулась дальше.

За 18 час. беспрерывного, исключительно тяжелого пути червонные полки без единого ропота сделали 50 километров и в 2 часа ночи 15 ноября остановились на ночлег в районе с. Ольшанка. До Льгова оставалось 25 километров.

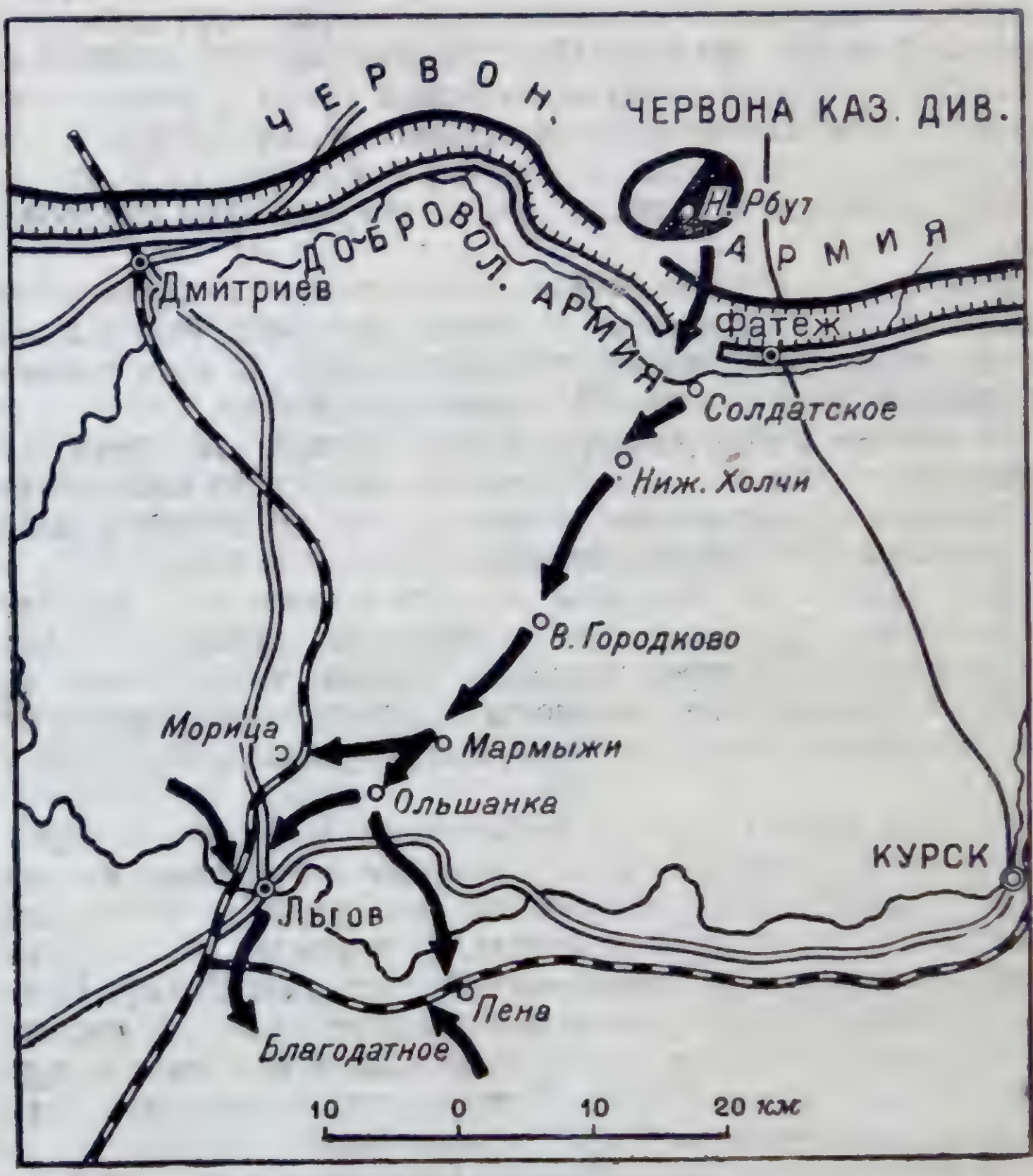
В с. Ольшанка червонцы захватили обоз в 40 повозок и 8 пулеметов и накрыли группу офицеров, пьянствовавших с актрисами. От офицеров червонцы узнали, что в Льгове стоит штаб Май-Маевского, эшелоны с имуществом и что все это прикрывается пехотой, артиллерией и пушками броневых поездов.

На утро вьюга бушевала попрежнему. В 9 часов выступила вторая бригада под командой командира латышского кавполка тов. Крышьяна. Под Льговом он развернул свои силы и открыл огонь по станции и городу. С первыми же снарядами задымили поезда. Это Май-Маевский уходил на Суджу. Конной и пешей атакой бригада заняла город и станцию. Ей досталось 700 пленных, 3 орудия, много пулеметов и 200 вагонов с разным военным имуществом. Одновременно с захватом города червонцы взорвали мосты по линии Льгов—Курск.

Но не везде шло так успешно: 1-й полк, атаковавший в тот же день с. Марица, огнем бронепоезда белых был отброшен и успел лишь взорвать путь у вышеуказанного села. Да и взрыв оказался не совсем удачным, так как белые быстро исправили путь. Лишь одному взводу 1-го полка выпала большая удача. Высланный на Панкеево, он встретил по пути роту белой пехоты, сопровождавшую 4 орудия. Белые, взятые в шашки, сдались. Их доставили в Мармыжи, где стоял штаб дивизии.

Другую сотню, высланную для разрыва моста, остановила рота белой пехоты, засевшая за р. Сейм.

Льговский узел удалось разрушить, затруднив тем самым пути отступления Дроздовской дивизии и порвав связь белого фронта с его высшим командованием. Не зная о



Рейд червонных казаков на Льгов.

присутствии червонцев в районе Льгова, белые полагали, что связь разрушена бурей, которая еще продолжалась и 16-го.

Червонцы решили отдохнуть и ждать отходящую белую пехоту в районе Льгова. Для внесения паники в ее ряды были высланы 4 сильных разъезда от Льгова обратно к фронту с

приказом обстреливать белые части и каждому казаку производить шум за десятерых. Так как разъезды двигались веером по дорогам, разбросанным в полосе на 50 километров, то их удачные действия внесли панику в белые части, которым везде чудилась неумолимая красная конница.

17-го буря не утихла. Дивизия застряла в с. Мармыжи, ожидая отступления деникинцев. Утром разъезды донесли, что 3 батальона белых вошли в с. Костельцево, которое обстреливается нашими разъездами. Было решено уничтожить деникинцев. Покуда полки маневрировали и развертывались, один разъезд привел длинный обоз с оружием. Оружие принадлежало батальону дроздовцев, шедшему в Костельцево на присоединение к полку. Так как день был очень холодный, дроздовцы сложили свои винтовки в обоз. Командир взвода, имевший на себе офицерские погоны, отвлек внимание прапорщика-начальника обоза, а казаки захватили обоз.

Батальон из-за оторванности от обоза не знал и не видел, как его обезоружили, и без винтовок присоединился к своим. После артиллерийской подготовки червонцы атаковали Костельцево. Дивизии досталось 1 000 пленных и 2 орудия. 36 офицеров сдались, а многие покончили с собой. Успела уйти знаменная рота со знаменем, бросив на пути 2 орудия без замков. Уничтожение дроздовского полка стоило нам 40 убитых и раненых. В числе убитых был помощник командира 2-го полка Ислам Гирей Макеев.

Разъезды в течение ночи собирали по окрестным селам и перелескам отдельные группы дроздовцев. Интересно отметить, что в этом бою были использованы пленные офицеры для стрельбы из захваченных у врага гаубиц. Офицерам обещали свободу—за меткий огонь и «стенку»—за промахи. Метко падали снаряды, посылаемые деникинскими офицерами из деникинских пушек в деникинские полки.

18-го утром 1-й офицерский дроздовский полк, отступавший на юг в полном порядке компактной массой, пробился через Льгов, вытеснив оттуда 2 сотни латышского кавполка. Дисциплинированное отступление этой части белых позволило ей отбить все атаки преследовавшего ее полка конных латышей.

В тот же день червонцы связались с красной пехотой, вышедшей вслед за белыми на железнодорожную линию Курск — Льгов. Курск был взят еще накануне. На участке Курск—Льгов метались 5 бронепоездов белых. Курск был отрезан.

Бронепоезда били из своих 25 пушек по оврагам, селам, лощинам, стараясь нащупать червонцев. Ночью команды ушли к белым, а броневики остались у нас. Бронепоезд «генерал Дроздов» был переименован в «Червонный казак».

Четырехдневный рейд окончился. Героическая конница помогла пехоте нанести деникинцам еще один крепкий удар. Противник отступил еще на 150 километров. Красная пехота, сламывая упорное сопротивление озлобленного врага, отвоевывала у него все новые и новые пространства советской земли. Кадры белых с каждым шагом все больше озлоблялись, мобилизованная же ими масса таяла как дым.

Рейд на Харьков.

Во второй половине ноября шел ряд крупных и мелких стычек с отступавшим врагом. К началу декабря белые закрепились на линии Белгорода, подтянув свои резервы. Наши пехотные дивизии, расстроенные наступлением, тоже остановились, привели себя в порядок, подтянули обозы и готовились к дальнейшему движению вперед. Червонно-казачья дивизия получила приказ готовиться к новому рейду для обеспечения наступления 14-й армии. Части армии имели задание выйти на Полтаву и Харьков.

7 декабря дивизия, усиленная бригадой латышских стрелков на санях, двинулась для выполнения нового рейда. 7-го, 8-го и 9-го отряд двигался вперед, сбивая мелкие части деникинцев. Движение отряда затруднялось наступившей слякотью и тем, что сани пришлось менять на подводы, ибо латыши, будучи обутыми в валенки, не могли передвигаться пешком. Между тем пехотные части 14-й армии теснили белых и гнали их в направлении на Валки. 10-го рейдирующий отряд двумя колоннами по двум разным дорогам направился на ст. Мерефа. В одной колонне шли червонцы, в другой—латыши. У с. Ордынка 1-й полк смял белые заставы и захватил в селе большие обозы. Обозы принадлежали Терской казачьей дивизии белых, расположенной в местечке Огульцы. В 12 час. из Огульцов высунулось около 3 полков белой конницы и атаковали 2-й полк червонных казаков. Отбиваясь пулеметами, полк стал отходить. Батарея, которая была при полку, дав несколько выстрелов, стала также откатываться. В одном ее орудии сломалось дышло; коней белые перебили пулеметным огнем. Деникинцы с остервенением набросились

на батарею. В этот момент выскочил с атакой на белых 1-й полк, а за ним и 2-й. Батарея была спасена, одно орудие все же осталось у белых, которые удачным маневром остановили атаку 1-го полка. Вместе с подошедшей второй колонной, т. е. с латышами, дивизия навалилась на конницу белых.

10-го декабря был четвертый день непрерывного движения и сплошной день маневров и конных атак. Кони и люди вы-

Б. червонные казаки из села Загребелья Лубенского округа на Полтавщине, приславшие к 10-летию дивизии коллективное письмо.

бились из сил. Отряд заночевал в районе с. Ордынка—в районе, освобожденном от белоказаков.

11-го у Мерефы, на поле между Ракитное и Озерянка, произошел бой. Деникинцы выставили 2 дивизии в 2 000 сабель. Под певучие сигнальные звуки труб конная масса белых построилась к атаке. Но в тот момент, когда белогвардейцы сорвались с места, чтобы занести клинки над червонно-казачьими рядами, на фланге у терцев выросло 2 батальона латышей, которые, пройдя бегом 2 километра, обрушились на белую конницу. Затрещали винтовки и пулеметы латышских стрелков.

12 декабря червонцы вместе с латышами вошли в Харьков, очистив его от белых отрядов и захватив немало эшелонов с боевыми припасами и снаряжением.

т. Корочаев—бывший командир Кубанской бригады.

Деникинская армия переживала период катастрофических поражений. Усилия рабочего класса, отдавшего по кличу партии свои лучшие силы для разгрома врага, увенчались успехом. Под руководством коммунистической партии восстало терроризованное крестьянство на борьбу с полками деникинских войск.

Украинские крестьяне встречали красные полки торжественно — с хлебом-солью. Случалось, что даже попы выходили скрепя сердце в своей «парадной форме» встречать большевиков.

Конечно расположение украинского крестьянства к Красной армии выражалось не только в торжественных встречах. Десятки тысяч крестьянской молодежи шли добровольно в красноармейские части и оказывали поддержку Красной армии, борясь с белыми в рядах многочисленных партизанских отрядов.

Так в Полтавской губернии старому партизану, большевику Якову Огию, великолепному организатору, удалось поднять против Деникина тысячи беднейших селян, сформировав из них боевую партизанскую дивизию.

От одиннадцати бывших червонных казаков, жителей села Загребелья Чернухского района, Лубенского округа, которые остались в живых.

ПРИВЕТ.

Наследникам славных побед первой Запорожской червонно-казачьей дивизии на 10-летие ее сформирования шлем братский искренний привет.

Детище революции, которое родилось под белым огнем бело-бандитов и окрещено перекрестным огнем в селе Ракитном под Харьковом—дивизия с честью оправдала честь своего назначения, а нас, червонных казаков, подняла на высоту славы рабоче-крестьянского воина.

Дорогеи товарищи!

Пять лет, как мы оставили ряды нашей дивизии. Сжимая ручки плуга в руках, мы ни на одну минуту не ослабляем внимания, наблюдая за всем, что делается кругом. Мы слышим лязг оружия черного мира и верные традициям своей дивизии, мы всегда готовы стать в ее ряды и вместе с вами пойти на выручку своих закордонных братьев.

Мы уверены в том, что недалеко то время, когда омытые кровью знамена дивизии снова соберут нас вокруг себя для новых побед, для доведения начатого дела до надлежащего конца.

Изучайте, товарищи, политические знания, каких нам нехватало. Научайтесь владеть оружием, а мы вас научим владеть собою в тяжелые минуты боя.

Да здравствует коммунистическая партия, могучая руководительница на военном и трудовом фронтах.

Да здравствует ленинский союз молодежи, резерв червонного казачества.

КОЗОРИЗ НИКОДИМ, БИБИК ИВАН, МАРЧЕНКО ПАНАС, МАРЧЕНКО ИОСИП, ГОЛОВАНЬ САФОН, КИРИЧЕНКО ЗАХАРКО, САЕНКО НЕЧИПОР, УЛИЗКО ГРИЦЬКО, УЛИЗКО_ПЕТР, ТАРАН_ИВАН, БИБИК ГРИЦЬКО.

2.XII—29 г.

Конец декабря прошел в преследовании Красной армией отступавшего противника. Дивизия двигалась через Лозовую на ст. Гришино, где деникинцы учинили зверскую расправу с рабочими. В Гришино не было ни одного столба, где не висела бы жертва белогвардейского террора. Казаки еще больше озлобились против деникинской своры. В районе Гришино червонцы захватили несколько эшелонов с разного рода военным имуществом и взяли в плен запасной дивизион синих кирасир, состоявший из учеников украинских гимназий.

Когда червонцы проходили через районы махновского влияния, махновцы развивали бешеную агитацию среди червонных казаков, переманивая их в свои ряды. Можно было опасаться, что некоторая часть казаков поддастся влиянию махновской агитации. Это тем более легко могло случиться, что после разгрома Деникина, успехи которого одно время давали мало надежд на возможность скорого возвращения на Украину, многие казаки, как и многие бойцы других красноармейских частей, были заражены тягой домой.

Политаппарат частей сильно поредел, так как всюду по пути следования дивизии оставались работники для советизации освобожденных районов.

Несмотря на все это, опасения оказались напрасными. Если в частях и были одиночные случаи дезертирства каза-

ков домой, то нельзя назвать ни одного случая перехода бойцов червонно-казачьих полков в махновскую армию.

В конце декабря червонцы получили еще 1 бригаду конницы—11-ю кавалерийскую, которая вошла в дивизию под именем 3-й бригады. Стараясь заслужить столь почетное имя червонцев, эта бригада все время шла в авангарде дивизии.

Червонный казак—кубанец Парфенов—на слете червонцев в Харькове в 1929 г.

8 января 1920 г. червонцы взяли город Бердянск, где захватили 300 офицеров, 5 орудий, 20 пулеметов и 10 автомашин.

Украина стала свободной советской страной.

В январе 1920 г., в дни, когда вся Красная армия довершала разгром деникинских войск, 1-й червонно-казачий полк отмечал вторую годовщину своего существования и славных побед.

Под Перекопом.

Белые, запершись в Крыму, готовили оттуда при помощи капиталистов всего мира новое нападение на Республику труда.

12 января 1920 г. червонцам ставится задача захватить Геническ, а оттуда вместе с остальными частями Красной

армии ворваться в Крым. 14-го дивизия выступила. Дожди, перемежавшиеся с мятелью и 20-градусными морозами, препятствовали успешному продвижению. Тылы отстали. Дивизия, прибывшая в Мелитополь 21-го, могла выступить лишь через 5 дней. У ст. Сокологорное она столкнулась с белыми частями, имевшими танки. Белые отошли на Геническ. 2-й полк занял указанный город, выбив оттуда деникинскую пехоту. 3-й полк выгнал чеченский полк со ст. Н. Алексеевка. Чеченцы через Чонгарский мост по шпалам ушли на Джанкой.

Этот период отличался некоторыми моментами явно нецелесообразного использования червонного казачества как крупной конной массы. Кавдивизию держали 2 недели против Чонгарского моста, где могла действовать даже не всякая хорошая пехотная часть. Вместо того чтобы использовать на этом участке наилучшую пехотную дивизию 13-й армии, 42-ю, ее переводят на трудовое положение, а против Перекопа бросают одну кавбригаду за другой, порциями— через час по столовой ложке, с которыми порознь и расправляются белые.

Впоследствии, когда червонцев уже перебросили под Перекоп и когда десант белых шел с Хорлов на наши тылы, штаб дивизии перехватил радио, адресованное десанту: «С северо-востока на вас двигается конница красных». И лишь спустя 3 часа после перехвата этого радио штаб дивизии получил приказ штаба армии выступить и атаковать белый десант. Все это объясняется тем, что в штабе 13-й армии сидел агент Врангеля—помощник начальника штаба Орлов. Изменой Орлова объясняются наши первые неудачи под Перекопом. Дивизия, переброшенная к Перекопу в первых числах февраля, сменила здесь пехоту. Червонцы заняли перешеек одной бригадой. Первые дни прошли в кавалерийских стычках и мелких боях.

23 февраля крупные силы донцов и пехоты сбили дежурную бригаду и вышли на вал. 3 раза ходила первая бригада в атаку на знаменитый турецкий вал (вышиной до 10 *м*, глубиной 6 *м* и шириной 2 *м*). 1-й полк ворвался на вал, но удержаться на валу не смог. Бригада отказалась от предложенной поддержки и дала слово в ближайшее же время восстановить положение. Ночью слово было сдержано—врангелевцев отогнали на старые позиции. На фронте наступило затишье и «без перемен».

Местность на перешейке была столь изрезана, что не приходилось думать о возможности ликвидации белых лишь одной кавалерией. На помощь червонцам пришли части Эстон-

ской и 46-й дивизии. 13 марта эстонцы повели наступление, имея задачей совершить прорыв белого фронта, через который можно было бы бросить на врангелевские тылы червонно-казачью дивизию. Пехота заняла Юшунь, но, не имея резервов и понеся большие потери, выдохлась, не будучи в силах выполнить полученный ею приказ. В полках эстонцев насчитывалось по 150 штыков, т. е. столько, сколько должно быть в укомплектованной роте.

Между тем белые готовили контрудар превосходными силами. В общей линии с пехотой дрался 1-й полк червонных казаков. Бригада белой конницы атаковала уставших, голодных и измученных бессонницей казаков полка. Атака была отбита, но белые с еще большими силами угрожали червонцам. Только смелая конная вылазка 2-го полка под командованием Потапенко спасла 1-й полк. Белая конница пыталась смять нашу пехоту, но последняя все время охранялась бригадой червонцев.

Во время операций под Перекопом 1-я бригада потеряла половину своего конского состава и 40% людей.

В разгар этих боев червонцам были вручены т. Павловичем знамена ВЦИК и Петросовета за успехи в орловских боях.

Грамота Петроградского совета.

Совет рабочих и красноармейских депутатов петроградской коммуны приветствует 8-ю червонно-казачью дивизию, нанесшую ряд тяжелых ударов белогвардейским бандам, опрокинувшую в исторической битве при Кромах лучшие неприятельские полки, взявшую целый ряд городов, совершившую ряд блестящих рейдов и захватившую в беспримерной двухлетней борьбе с силами контрреволюции тысячи пленных, громадное число тяжелых и легких орудий, тысячи вагонов, много паровозов и бронепоездов.

Красный Петроград посылает знамя 8-й червонно-казачьей дивизии, чтобы отметить этим актом свою братскую признательность дивизии за ее героические подвиги в борьбе за освобождение пролетариата и трудового крестьянства от ига капитала.

Красный Петроград надеется, что 8-я червонно-казачья дивизия, нанесшая тяжкие удары белогвардейским бандам, довершит свое дело и разобьет на своем участке последние остатки белогвардейских банд.

В 20-х числах сторожевку передали эстонцам, а дивизия отошла в деревни, прилегающие к побережью Сивашского озера.

Утром 25-го белые в количестве 2 000 штыков и сабель вышли из-за вала, развернулись, атаковали эстонцев, а к 14 час. захватили Чаплинку, уничтожив почти всю пехоту эстонской дивизии. Значительные силы белых продвинулись до Перво-Константиновки. Дивизия, узнав о неудаче, постигшей пехоту, стала сосредоточиваться, выслав несколько разъездов, за которыми были направлены одиночные сотни с пулеметами, образовавшие подобие конной завесы. Упорство завесы, поддержанной нашей артиллерией, заставило противника продвигаться с большой осторожностью.

Червонцы, разбросанные на большом пространстве, стали сосредоточиваться, все более и более охватывая врангелевцев крепкими щупальцами. У Чаплинки 3-й полк ударил на белую конницу с севера, а 3-я бригада—с востока, покуда 1-я бригада вела бой с белой пехотой у Перво-Константиновки. Белая кавалерия, не выдержав натиска червонцев, показала хвосты. 400 сабель, вышедшие ей на помощь, не помогли. Противник на галопе отступал к Перекопу. Белая пехота через Сиваш отходила на юг.

Ночью из Перекопа пришел участвовавший в вылазке симферопольский полк с частью офицеров и сдался червонцам. Белые, заметив исчезновение полка, всю ночь вели огонь впустую, видимо для успокоения своих измотавшихся нервов.

Конец марта прошел в перестрелке застав. Отдельные наездники выезжали с обеих сторон и рубились в степи под Перекопом. С нашей стороны отличались многие казаки и командир полка Новиков, впоследствии оставшийся с клинком в руках на колючей проволоке белополяков.

Штурм Перекопа.

На участок прибыли Латышская и 3-я стрелковая дивизии. Червонцы были отведены на отдых в с. Каланчак, где обучались и пополнялись конским составом.

В апреле латыши и стрелки пошли на штурм Перекопа. Некоторые полки ворвались на вал. Но у белых было 100 орудий и 300 пулеметов. На валу остались несколько сот красных наиболее смелых бойцов. Более тысячи красных бойцов были ранены. Белые, отбив атаку пехоты, бросили на нее конницу, которая в свою очередь была отбита 2-й бригадой червонцев, шедшей непосредственно за пехотой. После этой неудачи

вся дивизия была вызвана на х. Преображенка. Она раскинула в виду Перекопа свои сторожевые посты .

В ночь на 14-е штурм повторился, но был снова отбит. Белые перешли в наступление отборнейшими пехотными и конными силами при поддержке танков и бронемашин. Пехота, не видавшая до сего времени танков, отошла. Казаки тоже заколебались. На предложение командования вызвалось 200 охотников вместе с Потапом итти в Преображенку и задержать движение танков. Казаки засели между строениями и взяли танки в работу ручными гранатами и ружейным огнем. Казак Калиниченко вынырнул около самого танка и с гранатой в руках следовал вплотную за ним, разыскивая, куда бы лучше приткнуть свой «гостинец». К сожалению граната преждевременно разорвалась, ранив героя. Подвиг Калиниченко уронил значение танков в глазах красных бойцов. Артиллерия, бившая прямой наводкой, заставила танки уйти в Перекоп. 800 штыков сводно-офицерского полка, засевших на кладбище у х. Преображенка, были атакованы червонцами. Казаки, ворвавшись на кладбище, после некоторой схватки забрали 300 пленных. На выручку уводимой пехоты выскочил броневик белых. Червонцы на минутку замешались. Какой-то смельчак бросил: «Дашь броневик!» За ним понеслось несколько казаков, а за этими и весь полк. Броневику это, как видно, не понравилось, и он ушел на Перекоп.

Когда были отбиты атаки танка, пехоты, броневиков, в дело ввязалась белая конница. На поединок с червонцами вывалила татарская бригада, 2 кирасирских, 1 драгунский полк, 2 сотни ингушей, сотня личного конвоя и полк немецких колонистов. На большом пространстве группами развернулись белые силы. Схватка продолжалась несколько часов. То белые, то червонцы усиливали нажим; то одна, то другая сторона уходила под нажимом кавалерийских клинков. Белые самолеты бомбардировали нашу конницу. Наконец 2-й полк совместно с одним полком соседней 13-й отдельной бригады атаковал фланг белых. В центре был брошен последний резерв командира дивизии— 2 сотни, усиленные всадниками связи дивизии и разведчиками батарей.

Кирасиры, татары, ингуши—словом вся краса белой конницы—были опрокинуты. Немецкие колонисты остались в плену. За день червонцы взяли: 40 пулеметов, 4 орудийных замка, 600 пехотинцев, 200 кавалеристов и 400 лошадей, 4 эскадронных значка и 1 бунчук. Белые оставили на поле до 300 убитых и раненых всадников. Казаки потеряли 100

убитых, более 200 раненых преимущественно холодным оружием. В числе раненых—около 30 лиц командного и комиссарского состава.

15 апреля из-за вала высунулась конница Морозова, но не приняла боя двинувшихся ей навстречу червонцев.

В этот же день белые стали высаживать под прикрытием флота сильный десант на полуострове Хорлы с целью ударить по тылам нашей перекопской группы. 16-го пехотная бригада была сбита с полуострова, а под Перекопом врангелевцы демонстрировали и забрасывали червонцев бомбами с 10 самолетов. Вечером дивизия получила приказ двинуться навстречу десанту, состоявшему из 3 000 дроздовцев, среди которых числилось 50% закаленных в боях офицеров. Ночью противники отдыхали в смежных селах на морском берегу. Ночь прошла тревожно: для многих она была последней ночью. На утро червонцы вышли белым навстречу. Дроздовцы открыли огонь из 2 000 винтовок и 100 пулеметов и отбили атаку. Лишь 2-му полку удалось порубить несколько десятков врангельцев, взять в плен около сотни и захватить пулеметы, обоз и мотоцикл.

Действиям конницы препятствовал слишком ровный, голый характер местности. Червонцы спешились и окружили белых огневым кольцом пулеметов, пушек и пеших бойцов. Червонцам помогали батареи латышей. Врангелевцы вынуждены были сжаться. Они образовали плотный четырехугольник с небольшими резервами и, таким образом медленно продвигаясь, направились на Перекоп. С Преображенки выскочили бронемашины и ворвались в цепи противника. 1-й полк ударил в шашки и взял 200 пленных. Дивизия построилась для новой атаки. Наскочившие белые самолеты заставили ее рассыпаться. Вслед за нападением самолетов появилась конница Врангеля и дала возможность десанту уйти в Перекоп.

Карта белых была бита. Дроздовцы захватили по пути одну батарею, заплатив за нее 500 офицеров и солдат. 300 белых осталось в плену. Нам эти победы стоили тоже недешево. 14 апреля утром дивизия имела в своих рядах 1 500 сабель, а вечером 17-го—960. В этих боях был убит командир 5-го полка Гончаренко и ранен комиссар того же полка Иванин. Всего выбыло из строя до 100 лиц начальствующего состава и 500 казаков.

Героической смертью погиб помощник командира 1-й сотни 1-го полка т. Комарницкий. Во время передвижения с за-

ставы на заставу под ним убили коня. 5 врангелевских офицеров бросились на Комарницкого, желая захватить его в плен. Он выстрелами из нагана убил 3 офицеров, а последнюю пулю пустил себе в лоб.

Дивизия отошла на отдых в с. Амадань, послав отсюда делегатов на Полтавщину и Черниговщину вербовать пополнение для червонно-казачьих полков. Возглавлял эту работу один из старых червонцев т. Барон. В районе Адамани части дивизии проводили непрерывную военнополитическую учебу, ожидая прибытия добровольцев из Полтавской Харьковской, Киевской и других губерний Украины.

Командующий войсками УВО Якир И. Э.

Надо отметить обнаружившуюся в это время у всего командного состава червонцев усиленную тягу к пополнению своих военных знаний. Получив большой опыт в непрестанном единоборстве со старыми командирами белогвардейских частей, командный состав червонцев, не имевший никакого систематического военного образования, с жадностью набрасывался на каждую книжку, на каждый устав. Из-за каждой военной книжонки, которую удавалось где-нибудь «подстрелить», между командирами происходила «настоящая» война.

В этот период в состав 8-й червонно-казачьей дивизии влилась 13-я отдельная кавалерийская бригада, полки которой—5-й Алатырский и 6-й Московский—участвовали во всех кровопролитных перекопских боях. Алатырцы ценой многих жизней прикрывали 14 апреля отход пехоты, а 6-й полк своим натиском на фланг морозовской конницы сорвал атаку последней на червонно-казачьи полки. Полки эти под названием 5-й и 6-й составили 3-ю бригаду дивизии. Она показала себя достойным членом червонно-казачьей семьи.

К Перекопу перебрасывались все новые и новые красные части, так как Врангель при поддержке союзников укреплялся с каждым днем. Офицеры поговаривали о походе на Москву. Врангель зашевелился, стараясь оказать помощь Польше, предпринявшей против Советской республики свой контрреволюционный поход.

III. Война с белой Польшей.

«Когда мы наступали на Польшу победоносно, тогда вся Европа завопила, что она хочет мира, что весь мир устал от войны, что пора мириться. А когда поляки наступают, то никто не кричит, что устали от войны. В чем дело? А дело в том, что, побеждая Юденича, Колчака и Деникина, мы не могли разорвать Версальского мира, мы только обрушились на Юденича, Колчака и Деникина и отбросили их к морю, а наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту, разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений».

ЛЕНИН, том. XVII, стр. 334.

Первые схватки с белополяками.

В мае 1920 г. польские войска заняли почти всю правобережную Украину. В Киеве хозяйничали непрошенные гости. Снова потребовалось колоссальнейшее напряжение партии и рабочего класса.

Против белополяков перебрасывалась красная конница, с Кавказа—армия Буденного и из-под Перекопа—червонноказачьи полки. Дивизия, следуя тремя колоннами и переправившись через Днепр у Каховки-Бериславля на баржах, сделала марш в 800 километров. Движение широким фронтом обеспечивало питание частей и пополнение их добровольцами и конским составом. Во время марша части дивизии, изымая в селах бандитствующий элемент, провели громадную разъяснительную работу среди местных крестьян. В дивизию шли добровольцы.

В некоторых селах приход червонцев выручил захваченных местными бандитами красных бойцов. Красноармейцев, уцелевших от зверских расправ, кулаки использовывали на самых тяжелых работах. На ночь держали взаперти.

В середине июня дивизия, в которой парторганизация провела большую работу по разъяснению интернациональных задач Красной армии, прибыла в район г. Голованевска, бывшей Подольской губернии.

В. М. Примаков со своими адьютантами: 1. Б. Кузьмичев. 2. Ф. Пилипенко, 1920 г.

В районе Хмельника произошли первые стычки. 5-й полк под командой т. Демичева уничтожил 2 белопольские роты, стоявшие в с. Терешполь. Весть о первом успехе червонцев, да к тому же еще недавно вошедших в дивизию, быстро разнеслась по остальным полкам, которые стали высоко ценить своих новых боевых товарищей. Этот же успех показал бойцам, что нового противника можно бить с таким же успехом, как и прочих врагов советской республики.

Поляки укрепились за рр. Иква и Буг на линии Синява—Летичев, оградив себя проволочным заграждением в четыре ряда.

Несколько раз части дивизии пытались прорвать фронт белополяков, чтобы совершить набег на г. Проскуров. Отсутствие тяжелой артиллерии и упорство противника сделали все попытки червонцев безуспешными. 28 июня 5 батальонов крепкой польской пехоты вышли из-за проволочных заграждений и в районе Старая—Синява разметали пехоту сводной стрелковой дивизии, состоявшей всего из 700 шты-

ков. 2-я бригада червонцев стала также отходить. Тогда фланговый удар 3-й бригады смял познанскую пехоту. Много познанцев осталось на поле по нашу сторону проволоки, а 400 из них вместе с пулеметами сдались в плен. В этом бою пало до 80 казаков. Наступление же дивизии на Старая—Синяву противник, засевший в окопах, отбил. 29-го артиллерия сводной и червонной дивизии открыла огонь по польским укреплениям у сел Ивка—Месиоровка. 2 бригады пехоты двинулись на проволочные заграждения, чтобы сделать прорыв для червонцев, но перед проволокой они были остановлены артиллерийским огнем. Поляки превосходили своими огневыми средствами красные войска. Дивизия червонцев снова не смогла двинуться в неприятельский тыл.

Самойлов И. Я.— бывший командир бригады. Один из боевых командиров червонного казачества.

Тогда в ночь со 2-го на 3-е июля казаки, перейдя в новый район, встали за 60-й стрелковой дивизией, которая сражалась на участке Летичев—Бар.

К Збручу.

Вечером 3 июля броненоезда, действуя совместно с пехотой и партизанами, внезапно ворвались на станцию Комаровцы и высадили десант в 200 человек.

Десант захватил штаб белопольского полка. Пехотные части 60-й дивизии образцовым ударом очистили от противника участок в 12 километров. Ночью подошла сюда червонно-казачья дивизия. Мимо броненоездов, расстреливавших свои последние снаряды, полк за полком втянулись в брешь

червонцы. Командарм Уборевич провожал дивизию, шедшую на трудное дело. Но червонцы привыкли к трудным делам.

Дивизия была уже далеко в польском тылу, а на фронте в предрассветной мгле виднелись разрывы наших и поль-

Рейд червонцев на Проскуров.

ских гранат. Белопольские части, несмотря на прорыв, упорно продолжали борьбу.

Одиночные команды, прикрытие обозов, комендантские части нарывались на казачьи клинки. Местные крестьяне, забрав у поляков оружие, двинулись на Бар, чтобы помочь наступавшей на город пехоте.

Несмотря на то, что петлюровские агитаторы всячески распинались в целесообразности польской интервенции, подольские крестьяне враждебно встретили приход польских войск. Особенно вскипела злоба крестьян против белополяков, когда на Подолию вновь вернулись сахарозаводчики—почти сплошь поляки. Польские завоеватели разговаривали с крестьянами кратко, но красноречиво: «бабу, яйца и млеко».

На досуге.

Крестьянство питало огромную ненависть к польским панам, нещадно эксплоатировавшим не только беднячество, но и середняков села. И если кое-где эта классовая ненависть перерастала в национальные формы, и крестьяне, а также часть червонцев неосторожно применяли в слове и в деле лозунг «бей поляков», то политаппарат червонно-казачьей дивизии, как и все политорганы рабоче-крестьянской Красной армии, проделал большую работу, чтобы просветить в этом отношении классовое сознание пролетарских бойцов. Каждый боец все отчетливее начинал понимать, что борьба ведется не с поляками, а с польскими панами, одинаково враждебными трудящимся как украинцам, так и полякам.

Второй день, 5 июля, дивизия двинулась дальше. В с. Антоновцы сотня червонцев задержала легковую и санитарную

машины с чинами 6-й польской армии и членами американской миссии.

На станции Лежневка в штабном вагоне пассажирского поезда было захвачено 42 чина петлюровского генерального штаба. На этой станции казаки разрушили железную дорогу.

В Ярмолинцах один дивизион атаковал петлюровскую пехоту. В местечке Фельштин дивизион 2-й бригады гранатами выбил засевшие в каменном здании школы 2 роты пехоты, причем поляки потеряли 100 солдат убитыми. У нас было убито 10 и ранено 15 казаков.

В третий день 1-я бригада двинулась на Черный Остров, 3-я—на Проскуров, а 2-я—осталась в резерве. 2 сотни 1-го полка умелыми пешими действиями с фронта привлекли внимание польских частей, защищавших Черный Остров. 6 сотен под командой комбрига Григорьева произвели обходный маневр и ворвались в местечко с той стороны, откуда их меньше всего ожидали. Однако польские пулеметы загородили дорогу 2-му полку. Полк на галопе спешился и, выкурив противника из местечка, погнал его в поле. Здесь 2-й и 1-й червонные полки окончательно разгромили пехоту противника.

Впоследствии уже Черноостровский район в ознаменование славных побед Запорожской дивизии назван Червонно-казачьим.

Белополяков пало около 300 человек, в том числе 3 генерала. На станции стояло 300 вагонов со снабжением 6-й армии. 100 вагонов снарядов и патронов, подожженные выстрелами, горели 2 дня. Железная дорога в сторону Волочиска и Проскурова была разрушена.

В тот же день 3-я бригада ворвалась в Проскуров, подойдя к нему перед рассветом. Червонцы захватили часть штаба 6-й армии, 2 орудия и колоссальный обоз. Броневой отряд и несколько грузовых машин с установленными на них пулеметами прорвались с бешеной скоростью через ряды червонцев и ушли на Каменец и Волочиск. Командарм улетел на самолете—управление 6-й армии было разрушено.

В полночь от командарма 14-й по воздушным волнам неслась радиоблагодарность червонцам за удачную работу и ставилась новая задача—бить на Староконстантинов в тыл польским частям, готовившим удар флангу 1-й Конной армии. 7 июля червонцы выступили, оставив район Черного Острова.

Между тем 13-я польская дивизия, теснимая с фронта красной пехотой 60-й дивизии, снялась со Староконстантиновского направления и стала отходить на запад к Збручу. По-

ляки двинулись 2 колоннами, имея при себе мощную артиллерию. Им пришлось пробиваться через район, занятый червонными казаками. Казаки и их кони устали от тяжелой работы по польским тылам, да и характер местности, изрезанной балками и ручьями, был больше благоприятен для действий пехоты, чем конницы.

Червонцы, теснимые белополяками, стали сдавать. К тому же 3-я бригада была несколько часов отрезана от остальных частей дивизии вклинившейся колонной поляков. Противник наседал ночью как-раз в то время, когда конница более всего связана в своих действиях. Днем атаки белополяков были еще упорнее—дивизии пришлось отступить.

К этому времени части 1-й Конной армии захватили Шепетовку. Пехота заняла Старо-Константинов и Проскуров. 8-я дивизия прибыла в район местечка Купель, откуда связалась в Черном Острове с 60-й дивизией. Рейд закончился. Червонцы своей работой в польском тылу помогли доблестным дивизиям 14-й армии прогнать белополяков за Збруч.

В Галицию.

На Збруче в течение 2 недель происходили жестокие бои 60-й дивизии с укрепившимися за рекой белополяками. Збруч было не легко перейти, так как противник его всемерно укрепил под руководством французских инструкторов. Огонь французских дальнобойных пушек—Канне—особенно препятствовал действиям частей Красной армии, стремившихся за Збруч. Все же у с. Волчковцы, что у местечка Волочиска, нашей пехоте удалось форсировать укрепленную реку. За ней переправилась 1-я бригада червонцев. Продвинувшись в тыл Волочиска, она захватила больше 100 пленных, но польские батареи взяли червонцов под перекрестный огонь. Бригада, потеряв 30 казаков ранеными, в том числе комбрига Григорьева, и убитым Самуся, помощника командира бригады, отошла обратно на восточный берег Збруча.

24 июля попытка форсировать р. Збруч была более успешной. Пехота взяла Волочиск, а червонцы через село Токи ударили полякам в тыл. 3-я бригада разбила 2 батальона польской пехоты.

25-го дивизия вышла на линию Серета. Дважды наступала 3-я бригада на Збараж, и лишь в третий раз червонцы ворва-

лись в этот старинный город. Здесь был захвачен штаб польской бригады с секретным приказом 6-й польской армии. В самом же штабе, где был накрыт стол для польских офицеров, казаки во главе с комбригом Демичевым подкрепили свои силы, истощенные в тяжелых боях на Збруче.

Червонцев перебросили севернее 60-й дивизии, в промежуток между пехотой и Конной армией Буденного, который вел упорные бои с противником в районе г. Броды. Усилиями Конной армии и группы Якира, действовавшей к югу от Конной армии, противник был сбит и начал откатываться. Все наши армии двинулись за ним вглубь Галиции, имея задачу захватить Львов—сердце Галиции.

Стрыйский рейд.

Червонцы двигались между группой Якира и 60-й дивизией, имея задачей опередить противника на р. Золотая Липа, захватить ее, не дав полякам укрепиться на ней. 18 августа полки дивизии оставили позади себя Золотую Липу. Пройдя за день 40 километров, дивизия достигла района Бобрка и Выбрановка, пунктов, расположенных в тылу неприятельских войск.

В результате действия этого дня были разрушены железнодорожные линии Львов—Бржезаны и Галич—Львов, что лишило противника возможности производить по этим линиям какие бы то ни было переброски частей. В плен сдалось более 100 белопольских солдат. После небольшого митинга, взяв с пленных слово, что они больше не будут воевать против красных, их отпустили домой. Оставлять пленных в своих тылах не представлялось возможным, так как позади остался фронт неприятельских войск.

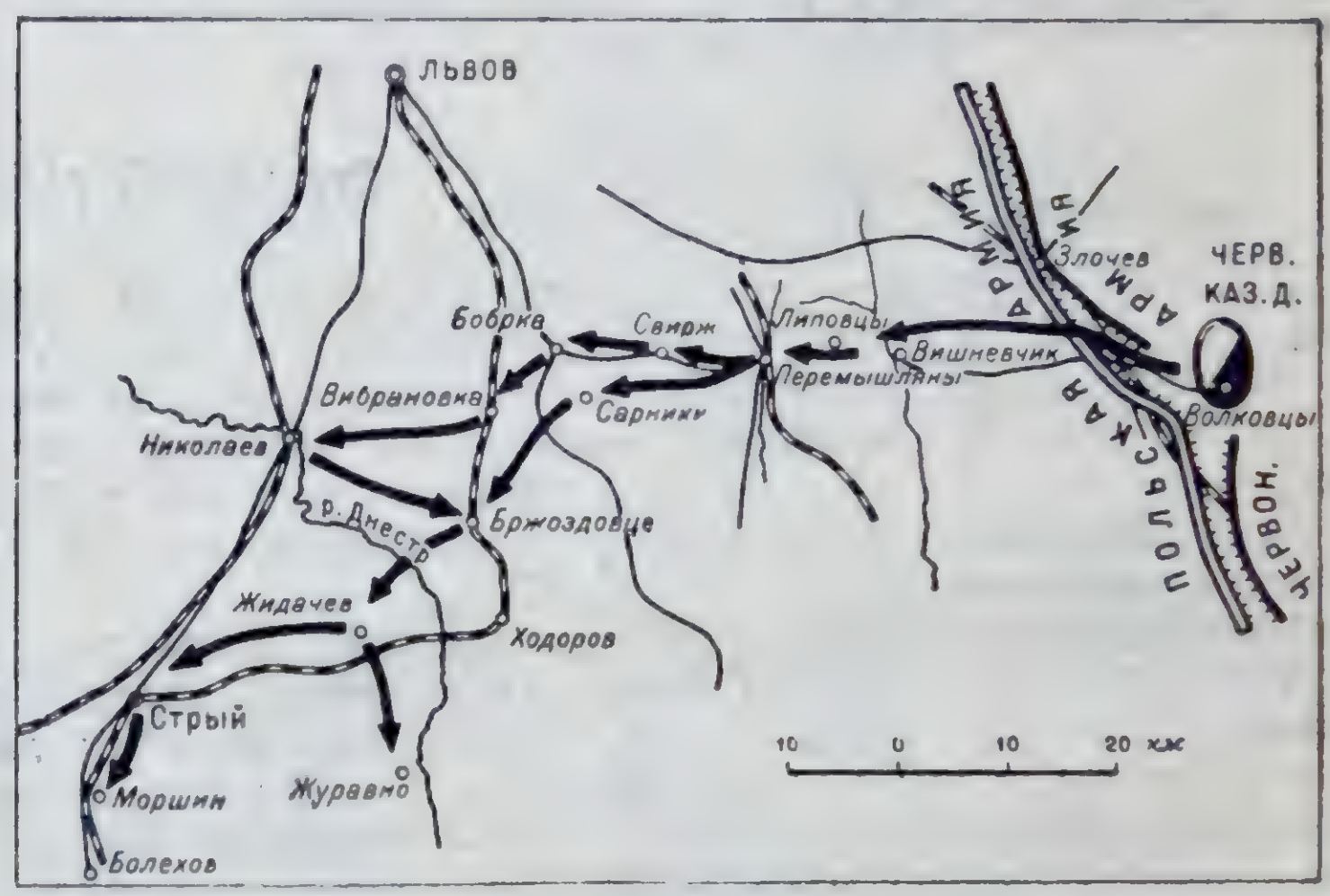
Дивизии был отдан приказ: «Полагать себя в рейде».

Червонцы решили итти на Стрый, расположенный у самых Карпат, этим движением внести расстройство в польские тылы и разобщить действия львовской и галичской групп белополяков. Червонцы выступили 19 августа в 5 ч. утра. Каждая бригада получила свою задачу с тем, чтобы по выполнении ее итти к месту общего сбора дивизии. 1-я бригада направилась на Ходоров—узловую станцию—с целью разрушить там железнодоржную сеть и уничтожить защищающие станцию силы. Пехота противника имела неосторожность выйт из-за станционных закрытий в поле. Этого червонцы только и ждали.

1-я бригада атаковала пехоту в конном строю. Остатки противника стали отбиваться из-за каменных зданий и вагонов, но и оттуда их выбили. Ходоров был очищен от белополяков. Червонцы взяли в Ходорове 200 пленных, 7 пулеметов, 1 орудие, 16 паровозов и 6 эшелонов с военным имуществом.

Из подслушанных червонцами телефонных разговоров выяснилось, что станционные коменданты всей линии, узнав о появлении конницы красных, ударились в панику.

Части 2-й бригады атаковали и взяли г. Жидачев. Наступление же на станцию было отбито польской пехотой. Червон-



Рейд червонцев на Стрый.

цы, спешившись, сбили противника, взяв 60 пленных и 2 пулемета. Подошедший бронепоезд не мог оказать полякам никакой помощи, так как червонцы успели заблаговременно испортить пути.

В это время 3-я бригада вела бой за г. Миколаев. Бригада пехоты, оборонявшая сначала город, а потом и ст. Миколаев, была смята. На станции захватили много эшелонов с ценными грузами, которые были розданы местным крестьянам. Два вагона с взрывчатым веществом червонцы продвинули к мосту через Днестр и взорвали его, разрушив таким образом еще один важный для противника путь.

За день червонцы сделали с боем 50 километров, взяли 3 города, разрушили 2 железнодорожных линии и 1 узел и захватили 300 пленных и большие трофеи.

В это время группа Якира, тесня белополяков, продвигалась на Львов.

20 августа дивизия направилась на г. Стрый. На марше колонну червонцев атаковали 2 польских самолета, но их бомбежка не приостановила движения дивизии.

Чтобы сбить противника с толку, полки стали двигаться в обратную сторону. Аэропланы, покружившись полчаса, оставили червонцев в покое.

Дивизия продолжала свой путь к Стрыю, к подножию Карпат.

С пути послали 4-й полк на Журавно для ликвидации отряда жандармерии с обозом, переправлявшихся через Днестр. Полк успешно выполнил это задание и форсированным маршем настиг колонну дивизии. Взять г. Стрый было приказано командиру 3-й бригады т. Демичеву. 1-я бригада разведывала район, прилегающий к городу, 4-й полк оставили в резерве, 3-й полк придали 3-й бригаде. Были высланы специальные отряды для порчи железнодорожных линий, дабы отрезать пути отступления польским бронепоездам и эшелонам, сосредоточенным на г. Стрый.

т. Федоренко, Вас. Гавр.—один из боевых командиров полков времен гражданской войны.

Один полк в пешем строю повел борьбу с польской пехотой за переправы через многочисленные ручьи, охватывающие Стрый сетью непроходимых препятствий. Борьба затянулась. Наступившие сумерки застали наши части в первоначальном положении.

Учитывая это комбриг 3, Демичев, направил в атаку 3 сотни червонцев в конном строю. Сотни, поскакавшие на галопе через стрыйские мосты, повторявшие жутким эхом топот более чем тысячи кованых ног, ввергли белополя-

ков в ужас. Пехота противника удрала в город. Всадники, спешившись на галопе, очистили мосты, заваленные всякими тяжелыми предметами, освободив тем самым путь в город. Солдаты запасных частей, стоявшие в городе, разбежались. Лишь один часовой, карауливший с винтовкой у какого-то склада, не шелохнулся даже тогда, когда казачий клинок был уже занесен над его головой. Этот образцовый солдат показал, что и в маленьком деле можно выявить большой героизм.

В Стрые нам досталось 300 вагонов с разным имуществом. Червонцы получили здесь без всяких завхозов обмундирование и снаряжение больше, чем на год.

Дивизия заночевала в этом районе у самой подошвы могучих Карпат. Разъезды широким веером развернулись вокруг лагеря неутомимых бойцов.

Выяснилось, что против червонцев брошена петлюровская конница и одна бригада польских улан. Так как дивизия израсходовала в непрерывных боях значительную часть своих огнеприпасов, она тронулась в обратный, уже пройденный путь и к вечеру того же дня установила связь с пехотой, безостановочно шедшей вглубь Галиции по следам белопольских частей.

Каковы же были результаты действий червонцев по польским тылам?

Дивизия сделала во время рейда более 200 километров, взяла 5 городов, разрушила 2 железнодорожных узла в Стрые и Ходорове, произвела более 20 взрывов на 5 железнодорожных путях, уничтожила продовольственные и интендантские склады и вывела из строя до 1 500 белопольских бойцов. Благодаря этому польский фронт потерял связь и железнодорожное сообщение со своим тылом, нарушилась связь фронтовых частей с командованием польской армии; противник был лишен возможности остановиться и закрепиться на рр. Золотая Липа и Буг.

Красная пехота получила возможность наносить чувствительные удары белопольским частям.

Кроме всего этого угнетенное польскими помещиками и ксендзами галицийское подневольное население убедилось в величии задач Красной армии. Галичане, которые так ликовали при виде красной конницы и всячески ей помогали, все мысли о своем грядущем освобождении связывали с именем красных бойцов.

Противник правильно оценивал значение Львова. Он подтянул сюда новые силы, которые удерживали город от атак Конной армии, группы Якира и 60-й дивизии.

23 августа дивизия червонцев получила приказ ударить по тылам противника на Комарно-Городок, чтобы тем самым оказать содействие нашим частям по овладению Львовом.

24 августа дивизия, едва успев отдохнуть от налета на Стрый, повела наступление на польские боевые линии, направляя свой главный удар 2-й бригадой на Миколаев, тот самый Миколаев, который несколько дней тому назад казаки лихими действиями вырвали из рук белопольских частей. Противник, воспользовавшись выходом дивизии из рейда, подвез к Миколаеву до 2 000 свежих штыков.

т. Хвистецкий Ив. Ф.– бывш. командир полка. Домбровский угленоп. Один из первых червонных казаков.

2-я бригада сбила передовые части противника, но вышедшие из Миколаева резервы потеснили ее на ближайшие села. Остальные полки дивизии вели в это время бой по флангам 2-й бригады, тесня белопольские части. Но так как 2-я бригада не могла сдержать натиска превосходных сил, то и вся дивизия вынуждена была начать отступление.

25 и 26 августа червонцы оказывали содействие пехоте 60-й дивизии в овладении местечком Свирж, через которое шел путь этой дивизии к подступам Львова. У с. Стоки казаки захватили врасплох польский батальон, часть которого разбежалась, скрывшись в лесах.

В течение нескольких дней шли упорные бои между белополяками и червонцами, удерживавшими местечко Свирж. Несколько раз парк на западной окраине и центр местечка переходили из рук в руки. В дело пускались гранаты, и многие стычки кончались ударом штыка. В конечном счете упорство червонцев превозмогло—местечко осталось за нами.

Между тем под Варшавой лучшие силы Красной армии переживали тяжелые дни. Конная армия спешным порядком перебрасывалась из Галиции в Польшу. Части противника,

защищавшие Львов, воспользовались этим и стали теснить 14-ю армию. Петлюровская конница вышла в тыл 41-й дивизии и заняла город Подгайце. Червонцы получили приказ перейти в этот район и ликвидировать прорыв, произведенный петлюровской конницей.

Прорыв был ликвидирован, и петлюровцы откатились обратно за Днестр.

Дивизия по приказу свыше перешла в район Рогатина, который защищался бригадой польских улан. Три полка конной атакой сбили конно-стрелковую цель улан. Противник стал все более жаться к Рогатину. 4-й полк и дивизион разведчиков атаковали следовавшие по шоссе батальон пехоты и батареи и отбили 4 орудия.

В этот же период произошло удачное столкновение червонцев с польскими уланами в районе местечка Ходоров. Спешенные кавалеристы при поддержке батареи держались против полков червонно-казачьей дивизии. Артиллерия червонцев открыла огонь по коноводам. Спешенные уланы, нервничая, стали рваться к лошадям. В это время казаки инсценировали «бегство» к противнику. Тачанка, несшаяся на запад в карьер, стала обстреливаться нашим ружейным огнем, но у самой польской батареи она повернулась «лицом к противнику» и начала поливать польские орудия метким огнем.

Сопротивление было сломлено; червонцы, подхлеснув лошадей, перешли в галоп и в результате атаки увели с собою 12 пулеметов и 350 лошадей. 1-му полку, преследовавшему польскую конницу, ворваться в местечко не удалось. Мост защищался пехотой, а по линии пыхтели и кашляли снарядами польские бронепоезда.

На другой день противник получил подкрепление: прибыла свежая польская дивизия. Красные пехотные полки, теснимые неприятелем, стали отходить. Белополяки нажимали и на червонно-казачью дивизию. Их батальон в черных шинелях—это был первый батальон львовских волонтеров—шел стройными линиями на Княгинице, как на парад. 1-й полк, двинувшийся против волонтеров, был взят под огонь артиллерии польских бронепоездов. Волонтеры успели захватить господствующие высоты, доступ на которые был затруднен не только для конницы, но и для пехоты. Полку червонцев оставалось или отступать под огнем бронепоездов, или же пойти на рискованную атаку высот, занятых львовскими фашистами в черных шинелях. Казаки выбрали героический путь: они атаковали высоту. Под отчаянным огнем волонтеров, срываясь

со склонов высот, червонцы врубились в львовский батальон. Под командиром полка—отчаянным рубакой Беспаловым—убило 2 лошадей; казаки падали под фашистскими пулями, но все-таки наша взяла. 2-й полк поддержал атаку. Командир польского батальона был убит, многих волонтеров зарубили в бою, 400 польских фашистов попали в плен.

Но у Пилсудского было много других батальонов. Бешеная национал-шовинистическая и религиозная агитация, спешно принятый сеймом закон о земельной реформе обеспечили приток в армию добровольцев и формирование новых частей из городских мещан, интеллигенции, студентов, гимназистов и представителей верхушки села.

Белополяки свежими силами жали на наши войска. У Рогатина завязались упорные бои. Два раза червонцы и стрелки пехотных дивизий врывались в город и два раза их оттуда выбивали бешенные контратаки противника, упоенного слухами об успехах под Варшавой.

Польские части захватили перед Рогатиным Чортову гору—возвышенность, похожую на сахарную голову. Несколько раз червонцы совместно с красной пехотой шли на приступ Чортовой горы. Взять ее не удалось. Здесь впервые червонцы были обстрелены снарядами так называемого «двойного действия». Снаряд, лопаясь в воздухе шрапнелью, летит на землю и дает здесь гранатный разрыв.

3-я бригада и дивизион разведчиков на рассвете незаметно для белополяков перешли через Гнилую Липу и ударили Рогатину в тыл. 1 000 пехотинцев, выступившие из города навстречу червонцам, были измяты и частично взяты в плен. Рогатин с Чортовой горой перешли к красным войскам. В этом бою смертью героя пал командир дивизиона разведчиков Глот.

Но этот местный успех не мог изменить общего соотношения сил. Противник превосходил наши войска в несколько раз. Пехотные дивизии стали отходить—петлюровская конница Тютюника громила тылы нашей 41-й дивизии. Да и у самих наших стрелковых дивизий оставалось одно лишь название. Лучшие их кадры пали смертью храбрых на галицийских полях. В полках оставалось по 200 штыков. Начавшееся отступление здесь—в Галиции—и слухи о наших неудачах под Варшавой понижали настроение наших частей.

Противник снова занял Рогатин. 8-я червонно-казачья дивизия 16 сентября 1920 г. стала перебрасываться на Подгайцы. Здесь орудовал снова Тютюник.

В этот период коммунисты провели большую работу среди казаков. Они сумели оградить червонно-казачьи части от тех настроений, которые возникают при всяком отходе. Казак так же крепко сжимал эфес своей шашки при отходе, как и при марше вперед.

Прощай, Галиция!

Красные войска, отступая, утомляли противника рядом жестоких ударов. Один из таких ударов червонцы нанесли польским войскам под Шумлянами.

Путь дивизии, спешившей на ликвидацию Тютюника, был прегражден колонной польской пехоты в 1 000 штыков и артиллерией. Белополяки с музыкой шли на восток. Их ошеломила эта неожиданная встреча. Бригада Демичева, не теряя времени, заняла ряд пунктов, выводивших бригаду на фланг польской колонны. Отсюда она выслала 6-й полк, который занял деревушки, нацеленные прямо на неприятельский тыл. Чувствуя красную конницу на своих флангах и хвосту, противник поджался, подтянул заставы и арьергард. Сосредоточенным боевым порядком он занял высоты, отмеченные цифрами «383», «375» и близлежащую местность. Он открыл отсюда огонь по району с. Шумляны, где он обнаружил остальные полки червонно-казачьей дивизии.

Белополяки спустились с высот и проникли на окраину Шумлян, но маневром червонцев были отбиты. 4-й полк, оставив коноводов на селе, стал в пешем строю карабкаться по склонам одной из высот. Противник сосредоточил все свое внимание на наступлении 4-го полка и на обнаружение им движение полков 1-й бригады. Про свой тыл он вовсе забыл, чем и не приминула воспользоваться 3-я бригада, внсевпая на тылах польской колонны.

Наша артиллерия открыла огонь по «383», а 2 сотни 6-го полка по собственному почину кинулись на эту высоту, ворвались на польскую батарею, захватили 2 орудия, но прикрытием были отбиты.

Остальные полки шли в бой с неменьшей охотой. 1-й полк, не ожидая приказа, в конном строю понесся на окопавшиеся польские линии. Но до батареи, стоявшей на «383», он не дошел. Белополяки атаку отбили. Казаки 4-го полка, в пешем строю перестреливавшиеся с частями противника, видя движение в атаку 1-го полка, тоже не выдержали, вызвали коно-

водов и понеслись в атаку с шашками наголо. Но они также не дошли к неприятельским пушкам.

Тогда наши орудия усилили огонь по «383» и по пехоте противника, выдержка которой уж и так была поколеблена хотя и неудачными, но все же напористыми атаками озлобленных червонцев. Полки, приведшие себя в порядок, двинулись снова на врага. Штурм сопровождался огневым валом из всех пушек. Казачьи шашки заблестели у самых орудий, куда скучилась вся пехота поляков. Часть их пыталась отстреливаться. Два орудия били на картечь по червонцам. Большинство пыталось искать спасения в бегстве. Но, червонцы так же быстро работали клинками, как их лошадки несли их вперед. Колонна противника исчезла, как дым. Захваченные пушки нельзя было вывести—с них были сняты замки.

Части поляков, наступавшие вправо и влево от уничтоженной колонны, замялись. Но, опомнившись и разобравшись в обстановке, они продолжали движение на восток, тем более что петлюровская конница услужливо расчищала путь наступавшим белополякам.

17-го дивизия червонцев отступала вместе с 123-й бригадой 41-й дивизии, потерявшей связь с остальными частями пехоты 14-й армии. Противник несколько раз пытался преградить или задержать движение этой последней колонны красных бойцов, возвращавшихся после трудного похода в Галицию.

Полки не всегда отступали дорогами. Большие дороги были закупорены сильными частями противника. Приходилось двигаться полем.

Однажды, несмотря на сумерки, колонну дивизии издали заметили польские батареи из пунктов, лежавших по сторонам маршрута червонцев. Батареи грянули с двух сторон и сразу дали большой перелет. Каждая батарея разрывы другой стороны принимала за свой недолет и еще больше увеличивала прицел. Образовалась своего рода огневая арка, под сводами которой червонцы совершали свой тяжелый, отступательный марш.

18-го выявилось, что петлюровцы уже находятся далеко впереди красных, приближаясь к Тарнополю. Стало известно, что Тютюник в Трембовле захватил штаб 41-й дивизии. Червонцы и 123-я бригада, имевшие впереди Тютюника, а сзади напиравшую пехотную дивизию врага, очутились в довольно тяжелом положении.

Ночью 18-го в 24 часа группа двинулась на восток.

Ночью марш дивизии, не знавшей, что ее ждет в ближай-

шие часы, был весьма напряженным. Все были настороже. Взвод казаков, высланный на Тарнополь, видел, что вслед за уходившей пехотой 60-й дивизии польские уланы занимали предместье Тарнополя. Выяснилось, что Волочиск занят Тютюником и что 60-я дивизия получила приказ отступать через Збруч на Волочиск.

К вечеру разъезды доставили в штадив пленных петлюровцев и бежавшую из петлюровского плена машинистку 41-й дивизии. Она подтвердила сведения о движении на восток польских и петлюровских войск.

Дивизия чрезвычайно устала от постоянных переходов. Нервы бойцов напряглись. Пути к отступлению были отрезаны, а белополяки наседали во-всю, тесня заставы червонцев. Патронташи казаков были пусты.

В 24 часа 20 сентября колонна снялась и решила итти на Волочиск. Подводчики, шедшие оттуда, сообщали, что Волочиск занят Тютюником. С возвышенных точек видно была колонна улан, шедшая из Тарнополя на Волочиск. Червонцы решили преградить им дорогу и решительным ударом пробиться через Волочиск, где по имевшимся сведениям уже находились части Петлюры. 3-я бригада Демичева двинулась против улан, а 1-й полк, развернув свой штандарт, что означало «к атаке», галопом ворвался в местечко Подволочиск. 20 орудий червонцев и 123-й бригады направили грозные жерла на город, готовые поддержать атаку полка.

В местечке находились части 60-й дивизии, а станцию Волочиск занимала желтоблакитная конница. Радостно встретили стрелки подоспевшую помощь. Польских же улан, спешивших на поддержку Тютюника, сдерживал Демичев огнем пулеметов.

В течение недели шли бои на р. Збруч. В конце сентября части противника перешли в наступление. 14-я армия под натиском белопольских частей отошла еще дальше на восток—на линии Староконстантинов—Проскуров.

Конница Пилсудского сделала рейд на Коростень. Червонцы получили задачу ликвидировать вылазку польских улан. Дивизия, совершив марш в 150 километров, перебросилась в район рейдирующей конницы, но к ее приходу белополяки ушли.

Вскоре было заключено перемирие. Червонно-казачьи полки получили заслуженный отдых; но отдых продолжался недолго, так как враг не дремал.

IV. Разгром Петлюры, Махно и борьба с бандитизмом.

Ликвидация Симона Петлюры.

Вскоре после перемирия с белополяками 8-ю кавдивизию перебросили в район местечко Красное под Жмеринку. Здесь полки червонных казаков отдыхали, производили военнополитические занятия, приводили себя в порядок и готовились к бою со своим старым заклятым врагом.

Петлюра, сражавшийся плечо к плечу с армией белополяков за право продать Украину польским панам, решил еще раз испробовать счастье. Этот украинский Ванька-встанька, которому неоднократно доставалось от украинских красных войск и партизан, снова вставал, накачиваемый оружием и золотом капиталистов всех стран.

В результате нежных забот польского генерального штаба Петлюре удалось сформировать 6 пехотных, 2 конных дивизии и одну кавалерийскую бригаду—всего 35 000 штыков и 5 000 сабель. С этими силами он к ноябрю 1920 г. занимал фронт от Днестра до Летичева.

Против петлюровцев стояла наша 14-я армия из 3 стрелковых дивизий, 1 кавалерийской бригады Котовского и дивизии червонного казачества, которая к этому времени выросла в корпус. Численно противник нас превосходил, но в политическо-моральном отношении наши войска стояли безусловно выше петлюровцев.

12 ноября предполагалось начало петлюровского наступления, но 14-я армия предупредила противника, двинувшись на врага раньше на день. 8-я кавдивизия получила приказ прорвать петлюровский фронт, пойти рейдом на Могилев и этим отрезать действовавшую в этом районе петлюровскую конницу.

Первый же день работы дивизии сопровождался рядом крупных удач. Утром 11-го червонцы тронулись из местечка Старая Мурафа на Шаргород. В с. Шестаковка атакованные петлюровцы бросили оружие. В плен сдалось 70 человек. На станции Ивашковцы червонцы захватили 30 пленных, обоз и 5 офицеров, в местечке Лучинец—200 петлюровцев, большой обоз и интендантские склады. В с. Куковка авангард захватил 300 пленных, 2 орудия, большой обоз и 10 пулеметов.

12 ноября 2-ю бригаду направили на Могилев. 1-я дралась с Петлюровской пехотой у сел Озарницы и Вендичаны. 3-я бригада остановилась в балке между этими селами.

По дороге из Вендичан на Могилев показалась колонна конницы с развевающимся над ней белым штандартом. Сначала червонцы думали, что противник идет сдаваться. Высланные для переговоров казаки были обстрелены. Противник построил фронт. За полковником Фроловым, выхватившим клинок, бросились в атаку на 5-й червонный полк 700 диких всадников—отличных кавалеристов, служивших в армии Деникина и отступивших под напором красных в панскую Польшу.

Белые слишком издалека поднялись в галоп и в 500 шагах от червонцев они уже потеряли всю сомкнутость и шли беспорядочной кучей. 5-й полк (6-й полк продолжал оставаться в балке), имея во главе Примакова и Демичева, стремительно бросился на атакующих всадников. Фроловцы не выдержали и, преследуемые червонными казаками, были сброшены в железнодорожную выемку. Многие из них рубились до последнего вздоха. Спустившиеся в овраг попали под пулеметы 2-го полка, а 150 всадников, бежавшие по оврагам на Могилев, напоролись на эскадроны 4-го полка. Остатки бригады Фролова подались на север, где и присоединились к своим. Часть офицеров бежала в Румынию.

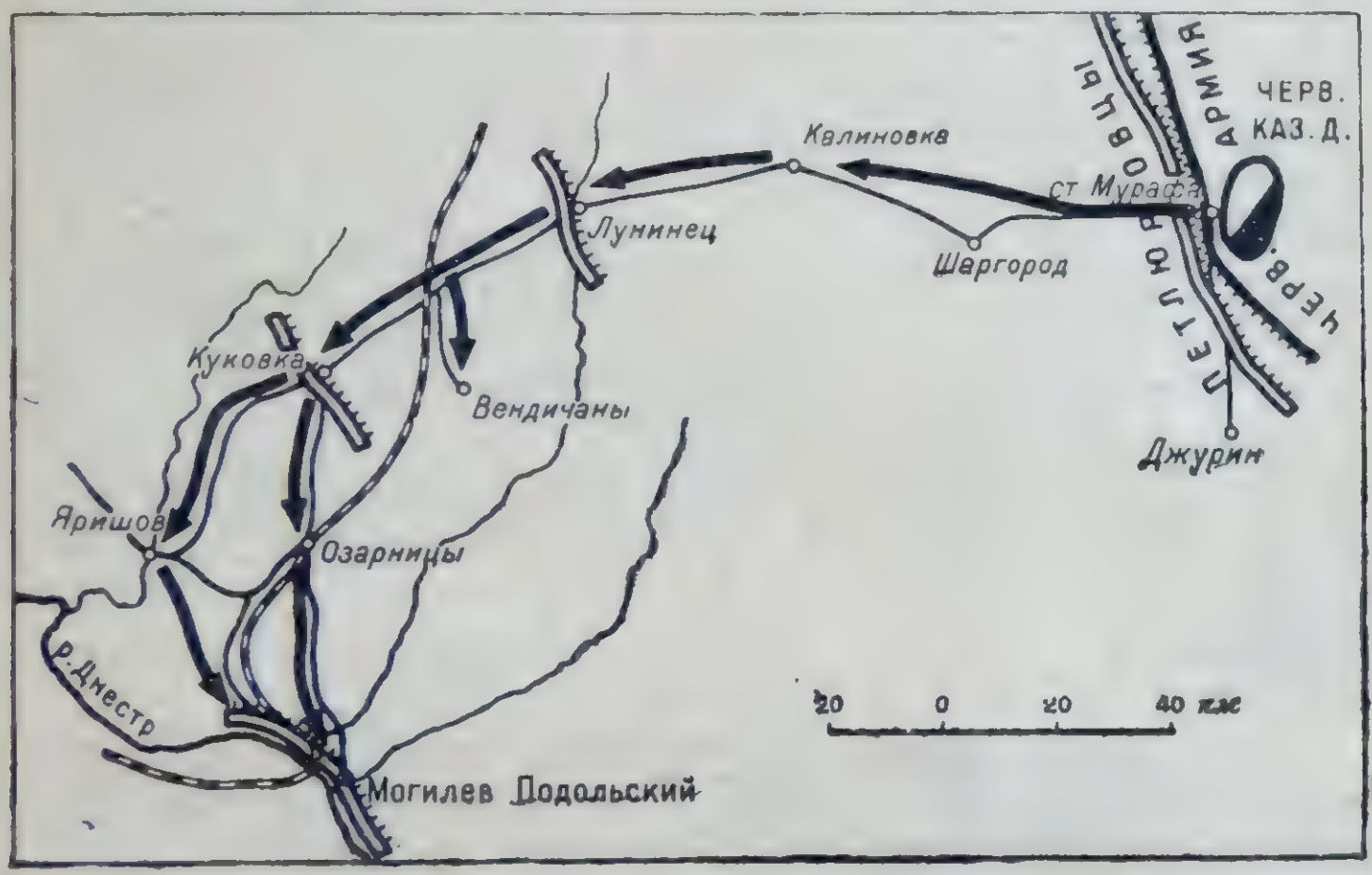
Другая группа петлюровцев в 150 сабель, шедшая позади первой, бросилась на Могилев, но нарвалась на пушки червонцев. Петлюровцы смяли прислугу орудий, но в свою очередь были атакованы сначала ординарцами штаба дивизии, а затем сотнями 6-го полка. Лишь части из них удалось спастись на Могилев. Червонцам досталось знамя Фролова, 2 орудия, пулеметы, лошадь, и до 100 пленных фроловцев.

2-я бригада заняла Могилев, захватила там 300 пленных, 20 пулеметов и много оружия. 1-я бригада в Вендичанском лесу, взяла до 200 пленных, 70 коней и пулеметы. Ночью разъезды ловили по полям и дорогам группы бродивших петлюров-

цев. Петлюровская армия панически бежала. Офицеры непрерывно уходили за Днестр, спасая свою шкуру в Румынии.

12 ноября произошло столкновение между червонцами—с одной стороны и бригадой Котовского и 41-й дивизией—с другой. И те и другие считали, что перед ними противник. Хотя в гражданскую войну из-за большой маневренности действий часто бывало, что «своя своих не познаше», но все-таки в значительной степени в этом виновата плохо действовавшая боевая разведка.

13 ноября червонцы по своей инициативе передвинулись в



Рейд червонных казаков на Могилев.

район с. Котюжаны, где своими атаками оказали содействие пехоте 45-й дивизии, ведшей бой с частями Петлюры.

Пока наши войска трепали южную группу петлюровцев, на севере конная дивизия есаула Яковлева захватила г. Литин. В местечке Деражне выгружалась дивизия генерала Перемыкина, готовая итти на захват Жмеринского узла.

Червонную дивизию бросили из-под Могилева на тылы этих 2 дивизий противника.

Дивизия Перемыкина представляла собой образец тех контрреволюционных формирований, над созданием которых так много работал эсеровский вождь Савинков. Значительная часть рядовых состояла из бывших офицеров деникинских частей, которые под натиском Красной армии отступили в Гали-

цию. Среди солдат 3 пехотных и 3 кавалерийских перемыкинских полков было много пленных красноармейцев, вынужденных силой оружия выполнять приказы белого начальства. Перемыкинские полки, скованные рамками жесткой дисциплины, которую всячески поддерживал командный состав и рядовой офицерский актив, с внешней стороны представляли собой достаточно сколоченные боевые единицы.

16 ноября произошло столкновение червонцев с солдатами Перемыкина, оказавшими довольно значительное сопротивление.

Но первый же успех червонцев решил дальнейшую участь белых дивизий. Полки начали рассыпаться, как карточные домики. Сотнями переходили на нашу сторону бывшие красноармейцы. Когда в результате последующих удачных атак червонцы «перемыкали» большое число офицеров дивизии, солдаты стали сдаваться в плен ротами и батальонами. Белая конница и артиллерия успели удрать на Михамполь и далее, поближе к Збручу.

Дивизия червонцев направилась на местечко Деражня. По пути она взяла в плен 200 петлюровцев Черноморского куреня. Местечко Деражня было занято. В районе с. Карычинцы казаки захватили еще 400 петлюровцев Херсонской дивизии. Появление червонцев в Держне в тылу жмеринской группы противника заставило последнего сдаться в плен нашим пехотным частям.

17 ноября червонцы выступили на Волковинцы. В это время конница Яковлева, сбитая 17-й кавдивизией с литинского направления, ударилась на Деражню, где учинила еврейский погром и вывела из строя наш бронепоезд у деревни Новая Гута.

18, 19 и 20 ноября 8-я кавдивизия, вместе с 17-й кавалерийской и 60-й стрелковой, двигалась на запад по пятам петлюровской конницы. 20-го был захвачен Черный Остров. Здесь телеграфисты, включившись в провод, перехватили приказ по петлюровской армии. Выяснилось, что вся петлюровская конница группируется в районе с. Войтовцы, чтобы дать бой конному корпусу. Червонцам приказали ликвидировать эту группу противника, не дав ей уйти за кардон.

Дивизия выступила 21 ноября. До этого 2-му полку сдалась сотня осетин из состава конницы Яковлева. 8-я дивизия червонных казаков незаметно подошла к селу Писаревка, набитому петлюровской конницей. Артиллерия открыла огонь по селу. Всадники заметались, бросившись к выходам атако-

ванной деревни. 3-я бригада жала во всю. Петлюровцы рассеялись. Здесь захватили 700 пленных, пулеметов и много коней.

Две сотни 6-го полка были брошены на Волочиск. Здесь уже строилась для боя бригада Котовского. Между обеими группами развернулось настоящее соревнование по овладению городом. Стоял вопрос: кто раньше будет в Волочиске—бригада Котовского или червонно-казачий дивизион? Котовский поставил было свою артиллерию на хорошую позицию, но видя, что червонный дивизион, минуя его полки, прошел на Волочиск, быстро свернулся в колонну и пошел следом за ним.

Под самым городом обе группы развернулись, ворвались в него и все, что не успело переправиться через мост к полякам, осталось у нас. Котовцам и червонным казакам достались колоссальные трофеи и остатки петлюровской пулеметной дивизии. С шашками наголо червонцы с бойцами Котовского в пешем строю дважды ходили в атаку на высокую насыпь и захватили бронепоезд «Ян Камелюк», не смогший перейти на узкую польскую колею.

В этот знаменательный день 14-я армия нанесла решительное поражение атаману Петлюре. Его армия рассеялась, как дым.

Схватка с Махно и другими бандитами.

За Петлюрой вскоре появился на сцену анархо-кулацкий батько Махно. До того, как дивизии пришлось сцепиться с ним, она, переброшенная в Киевскую губернию, в район Белой церкви, вела ожесточенную борьбу с кишевшими здесь всевозможными бандами.

Под командой атаманов Цветковского, Гризло, Сука-Сущенко, Шука, Богатыренко, Сороки, Белявского, Непытайло, Волоха и многих других банды эти до прихода червонцев чувствовали себя полными хозяевами губернии. Приход казаков вспугнул этот сброд, и Киевщина, свободно вздохнув, приступила к мирному труду.

30 декабря 1920 г. червонцев начали перебрасывать навстречу батьке Махно, перешедшему Днепр с 3 000 бандитов при 138 пулеметах и 3 пушках.

Махновщина представляет собой кровавую полосу борьбы украинского кулачества против большевиков. Враждебная партии и советской власти верхушка села в дни гражданской войны активно, с оружием в руках, выступала против Советов.

Все антисоветские элементы деревни охотно шли за Махно, ибо он вел войну с Советской властью.

Вооруженная борьба с махновской армией была не из легких. Наличие у Махно закаленного в долголетней партизанской борьбе боевого актива, а также повсеместная и постоянная поддержка кулачества обеспечили махновской банде на одно короткое время некоторый успех. Постоянная смена и захват у крестьян конского состава гарантировали банде колоссальную подвижность. Ни одна красноармейская часть на своих казенных конях не могла угнаться за бандой. Резкие, совершенно не ожиданные перемены маршрутов давали возможность махновцам избегать постоянных преследований и появляться там, где их меньше всего ожидали. Насыщенность пулеметами и тачанками обеспечивали их частям высокую сопротивляемость, боевую стойкость и возможность самого сложного кавалерийского маневра.

Махно захватывал одиночных красноармейцев, командиров, советских работников, коммунистов, охрану сахарных заводов и предавал всех зверским мучениям и смерти. Казаки были настолько озлоблены на махновцев, что в плен их не брали.

С 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г. червонцы имели ряд столкновений с Махно и все время теснили его к Днепру. Особенно интересным было столкновение при с. Зеленый Рог. Сабодаж, Пугачевка. 1 января, уйдя от преследования, махновцы расположились на ночлег в Зеленом Роге и Сабодаже, прикрышись рядом озер.

2 января полки дивизии, совершая трудное походное движение по обледеневшим дорогам, подошли к району, занятому бандой и стали гнать ее на Пугачевку. Усиленный нажим дивизии заставил махновцев развернуться и принять сражение. Развернувшись группами побригадно, на фронте в 3-4 километра дивизия пошла в атаку. Махновцы встретили червонцев также в конном строю. Во многих пунктах дело доходило до сабельных ударов. Некоторые полки совершали перестроения и шли в атаку по сигнальной трубе.

Несмотря на более чем двойное превосходство пулеметов, которыми, кстати сказать, махновцы пользовались весьма умело, червонцам удалось основательно потрепать банду.

У Канева махновцев загнали на Левобережье. Из дивизии выделили летучий истребительный отряд, который под командованием т. Котовского, бывшего тогда командиром 17-й кавдивизии (ныне 2-й червонно-казачьей), преследовал банду через все Левобережье до г. Сум.

Остальные части дивизии возвратились из-под Канева в исходные пункты. Здесь 2 сотни 1-й бригады были высланы

Штаб червонно-казачьей дивизии периода борьбы с бандитизмом. Сидят (слева,: т.т. Ермолов, Демичев: стоят: тт. Барон (начальник штаба), Евлампиев (комиссар штаба).

против ожившего Богатыренко. 13 февраля в районе Фастова они рассеяли банду, насчитывавшую 100 человек.

На Киевщине бандитизм сошел на-нет. Но на Подолии банды росли, как грибы после дождя. Они терроризовали до по

следней крайности местную советскую власть. Особенной активностью отличались банды Хмары, Лыхо, Иво, Подковы, Чуприна, Даруфы, Угоря, Орленко, Черновола и др. Вся Гайсинщина кипела бандитами.

С приходом частей дивизии в тот или иной район волна бандитизма спадала. Однако вызывал удивление тот факт, что в таком районе, где был расположен целый кавалерийский корпус и пехотные части, банды продолжали все же существовать.

Когда неурожай и голод в Поволжье сильно ударил по центральным губерниям Советской республики, Правобережье и особенно Подолия имели богатый урожай. Заготовительный аппарат энергично выполнял директивы по обеспечению голодающего населения городов и Красной армии хлебом. Этим пользовались для своей антисоветской деятельности на селе украинская, националистически настроенная интеллигенция. Бешеная шовинистическая агитация не прекращалась на Подолии ни на один момент.

Надо также отметить, что в результате разгрома вооруженной петлюровщины на Подолии осело много гайдамаков. Кроме того усиленную деятельность из-за кордона развивало так называемое «Правительство украинской народной республики (УНР)» и польская контрразведка, перебрасывавшая на советскую территорию не только деньги, оружие, но и целые банды. Вот в основном причины, объясняющие живучесть, которой отличились банды на Правобережье и особенно в ее прикордонных участках.

К 1 мая 1921 г., в результате непрестанной борьбы с бандитизмом, последний значительно уменьшился. Многие бандиты были уничтожены, многие сдались, часть ушла в другие районы и за кордон.

За это время на Гайсинщине у бандитов было взято много оружия, в том числе 1 пушка, 200 лошадей, 50 седел и много другого имущества. Выявлено частями дивизии 2 500 дезертиров и 1 250 явились сами.

Немалую борьбу пришлось вести дивизии с бандами и в районе Летичева, Деражни и в других пунктах Подолии. Пограничное положение бывшей Подольской губернии, где усилено работали агенты польской контрразведки, способствовало оживлению бандитской деятельности. Новая экономическая политика и укрепление местных органов власти имели своим последствием спадение волны бандитизма. Но все же с его

остатками полкам дивизии пришлось вести еще долгую борьбу чуть ли не до начала 1923 г.

Летом 1921 г. дивизия выделила истребительный отряд под командой т. Григорьева—ныне командира 2-й дивизии—для борьбы с Махно. Основу отряда составлял 1-й полк под командой Владимира Примакова. Отряд, переброшенный на Левобережье, дал на Полтавщине несколько боев батьке Махно, гоняя его из одного угла Левобережья в другой. В результате этих боев Махно потерял 50% своих бандитов, тачанок и лошадей.

К длинному списку боев частей дивизии надо прибавить длительную, упорную борьбу с бандой атамана Гальчевского,—наиболее живучей и деятельной бандой, которая дольше всех продержалась на Подолии в районе Литин-Летичев-Жмеринка-Ново-Ушица.

Гальчевскому удалось покрыть сетью своих ячеек всю Подолию, особенно лесистую ее часть. Но комбинированными действиями червонцев и органов ЧК, проделавших колоссальную работу по разложению и разгрому бандитизма на Подолии, карты Гальчевского были биты.

Институт заложников из кулацкой части села являлся наилучшей контрмерой против ячеек и агентуры Гальчевского. Заложники отвечали не только за появление в селе отдельного бандита, но и обязаны были всеми возможными средствами сообщать 1-й красноармейской части о появлении банды.

Истребительные отряды, непрестанно оперировавшие рука об руку с органами ЧК, не давали бандитам ни отдыха, ни срока.

В конце августа 1922 г. банда атамана Гальчевского, настигнутая истребительным отрядом 3-го полка под командою т. Щербакова, дала отряду бой и понесла большие потери. Оторвавшись от преследовавших ее червонцев, она рыскала по подольским лесам. Щербаков дважды настигал ее. Чувствуя все время червонцев у себя на хвосту, бандиты устремились к Збручу, перешли его и нашли себе приют в Польше, на свалке всех контрреволюционных отбросов.

Червонцы, руководимые боевой организацией большевиков, отстояв совместно с остальной героической Красной армией советские республики, приступили к упорной и длительной учебе, готовые каждую минуту выступить с оружием в руках на защиту СССР.

V. Партийная организация и партийно-политическая работа.

«Мы создали крепкий фундамент Красной армии... Мы создали этот фундамент работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы».

...«Наши победы стали возможны исключительно благодаря усиленной партийной и культурнопросветительной работе в рядах Красной армии».

ЛЕНИН, том XVI, стр. 27.

Партийная организация Червонного казачества.

Червонное казачество, как и вся Красная армия, было создано под руководством коммунистической партии. Донецкие шахтеры, черниговские, полтавские и харьковские батраки и бедняки составили боевой отряд непобедимых червонцев, сцементированный железной волей десятков и сотен членов коммунистической партии.

Основное руководящее ядро полка и бригады червонцев в 1918/1919 г. состояло сплошь из старых большевиков и подпольщиков: Примаков—член партии с 1914 г., Туровский—с 1912 г., Зюк—с 1912 г., Логинов и другие.

Старший и высший командный состав червонных казаков были в прошлом либо рабочими, либо представителями деревенской бедноты.

В национальном отношении командный состав червонного казачества представлял необыкновенную пестроту. Здесь были русские, украинцы, латыши, поляки, евреи, курды, тюрки, мадьяры и немцы, отношение казаков было ко всем одинаковое.

Обстановка гражданской войны на Украине обеспечила червонно-казачьим частям высокую насыщенность партийным составом, хотя и отличавшимся слабой политической подготов-

кой, но обладавшим огромной революционной зарядкой и здоровым классовым чутьем. В связи с этим комиссары червонного казачества имели возможность освобождаться от повседневного контроля над своими командирами и сосредоточивать свои силы на проведении партийно-политической работы среди масс.

Коммунисты-казаки воспитывали беспартийных бойцов в духе непримиримой ненависти к украинской и международной буржуазии, успешно разоблачая классовую сущность петлюровщины и ее предательскую роль по отношению к трудящимся Украины.

Партийные ячейки в червонном казачестве оформились, как и во всех частях Красной армии, лишь к осени 1919 г. Но еще до отступления с Украины в 1918 г. коммунистов-червонцев объединяла своя отрядная ячейка.

Партийное пополнение, явившееся в армию по кличу партии «Все на Деникина», влило новую жизненную струю в червонно-казачью массу. К ноябрю 1919 г. партийная организация червонного казачества насчитывала 100 членов партии и 150 сочувствующих. Нужно отметить, что все работники штаба, весь командный состав до камандира взводов и отделенных командиров, за единичными исключениями, были членами партии.

Если вспомнить, что вся бригада состояла исключительно из добровольцев, то при данном числе коммунистов, при высокой насыщенности партийцами командного состава становится совершенно понятной высокая боеспособность и сплоченность червонно-казачьих полков.

Значительно слабее была партийная организация 2-й бригады червонцев, сформированной из приданных червонному казачеству 2 новых частей. Она насчитывала 31 члена партии, 18 кандидатов и 51 сочувствующего. Соответственно этому, если в первой бригаде партийные ячейки были созданы во всех сотнях и командах, то во второй существовали лишь общеполковые ячейки.

Лучшим доказательством авторитетности партийной организации червонцев и влияния партии на казачью массу служат результаты партийной недели. Усиленные бои, беспрерывные походы и рейды не позволяли провести партийную неделю осенью 1919 г., т. е. тогда, когда она проводилась во всех частях Красной армии. Партийная неделя в червонно-казачьей дивизии проводилась весной 1920 г. в разгар боев с Врангелем под Перекопом.

К этому времени дивизия состояла из 6 полков, ряда технических частей и тыловых учреждений. В тот же период в дивизию влили 13-ю кавалерийскую бригаду с партийной организацией в 150 членов и до 300 сочувствующих.

Вместе с коммунистами, принятыми в партийную неделю, дивизионная организация насчитывала к 15 апреля 1920 г. 1 412 коммунистов, объединенных 68 ячейками партии.

В одну партийную неделю 600 казаков, прошедших через огонь многих боев, через знаменитые снежные рейды по белым тылам, вступили в партию, чтобы пополнить ее поредевшие в сражениях ряды.

В червонно-казачьих полках примерно каждый третий казак был партийцем. Отсюда становится вполне понятным тот небывалый героизм, которым отличались бойцы 8-й кавалерийской дивизии.

Каждый новый бой, каждая атака вырывали из червонных рядов десятки членов ленинской партии. Но число коммунистов-червонцев не уменьшалось. Беспартийная масса непрерывно пополняла выбывших из строя партийцев.

С победами на фронтах продолжала расти вера в партийное руководство и преданность идеям коммунистической партии. А победы не шли мимо червонцев, так же как и червонцы не шли мимо побед. И это было понятно, ибо один казак-коммунист вел 2 беспартийных, а вся партийная организация в целом вела всю дивизию.

Конец борьбы на фронтах не застал дивизию с поредевшими рядами партийцев. Наоборот партийная организация дивизии в феврале 1921 г. насчитывала 1 859 членов партии, 99 кандидатов и членов КСМУ.

Только последующие демобилизации, сократившие всю Красную армию больше чем в пять раз, привели к сокращению численности как всей дивизии, так и ее партийного состава. В октябре 1921 г. 8-я кавалерийская дивизия имела 525 членов партии и 157 кандидатов.

Партия двинула свои главные силы на новый, хозяйственный фронт. Партийная организация червонного казачества отрядила на этот фронт $^2/_3$ своего состава.

На долю оставшихся коммунистов-червонцев выпали задачи по организации разгрома остатков петлюровщины, по борьбе с петлюровской агитацией среди местного населения. Благодаря огромной работе партийной организации были обеспечены сочувствие и содействие населения всем мероприятиям со-

ветской власти и партии по борьбе с бандитизмом и по восстановлению хозяйства страны.

Ни один демагогический лозунг петлюровщины не нашел себе отклика среди червонных казаков. Бойцы, расположившись по крестьянским хатам, вели горячую агитацию, под влиянием которой население выдало не одного бандита и сдало государству не одну сотню пудов хлеба.

Летом 1921 г. партийная организация дивизии прошла чистку. Обстановка гражданской войны способствовала проникновению в армию и в партию чуждых людей. Момент непосредственной борьбы мог вовлечь в число убежденных борцов и немало попутчиков. Затишье, упорная мирная борьба, несогласие по вопросам внутренней политики способствовали кристаллизации этой прослойки, чуждой армии и партии. Недостаточная строгость партийного отбора также могла способствовать засорению партии. Так например в одном из червонных полков в дни партийной недели был выброшен лозунг: «Не должно быть ни одного беспартийного».

Чистка вымела из партии ненужный и вредный балласт. Партийная организация после чистки еще больше окрепла. Беспощадная борьба с негодным элементом привлекла на сторону коммунистов еще больше симпатии беспартийных казаков. Тяга в партию усилилась. Вместо вычищенных партийная организация получила смену крепких пролетариев.

Но не только в дни чистки партийная организация проверяла свои закаленные ряды. Она предъявляла к своим членам жесткие требования. Примерность коммуниста в бою, безукоризненное личное поведение партийца, безупречное отношение к местному населению и пленным—были для каждого члена партии железным законом.

Партийные ячейки проводили всю партийнополитическую и просветительную работу. На них лежали и заботы о хозяйственной жизни взводов, сотен и целых частей.

Последнее очень легко понять, если вспомнить ту обстановку, в которой протекала оперативная работа червонцев. Быстрые и длинные переходы, частая смена ночевок и районов оперативной работы, рейды по неприятельским тылам не позволяли червонцам тащить за собой большие обозы. Жизнь за счет местных запасов вызывала трения между казаками и населением. Ячейки всем своим авторитетом вмешивались в разрешение этих вопросов. Они должны были заботиться о желудках казаков и лошадей и вместе с тем делать все возможное, чтобы не вызывать недовольства селян.

Ячейки проводили политпросветработу до конца 1921 г. Только с переходом дивизии на мирное положение и после четкого оформления политаппарата частей были определены обязанности партийных ячеек.

Формами партийной работы по преимуществу были партийное собрание части и личная беседа партийца. На собраниях ставились на обсуждение вопросы международного и внутреннего положения.

Всякое важное событие в жизни дивизии в целом, всякое новое мероприятие командования, требовавшее абсолютной поддержки партийцев, выносились на обсуждение общепартийных собраний, которые проводились не строго регулярно, ввиду специфических условий жизни части. Руководство осуществлялось через политический аппарат путем постановки партийцам конкретных заданий на каждый данный момент.

Крепкую фалангу большевиков представляли собою политические работники 8-й кавалерийской дивизии. Достаточно назвать такие имена, как Пятаков и Евгений Бош. Неизменный комиссар дивизии Евгений Петровский прошел с червонцами весь их героический путь. Комиссарами полков и бригад были такие преданные делу революции люди, как Ректсин—старый большевик, как Генде—коммунист с 1905 г., как Сашко, Гурин, Гавриш, Церин и многие другие,—все они пользовались большим авторитетом и любовью. Иван Кулик, комиссар полка, умирая от ударов махновских клинков, кричал своим всадникам: «Добейте врага». У таких комиссаров части безропотно шли за комячейкой и за своим командиром.

В разгар боев под Перекопом политработники организовали школу неграмотности, а в боях под знаменитой Чортовой горой раздавали бойцам буквари. В 1919 г., когда кое-где в частях звание коммуниста было не совсем популярно, в артиллерии червонного казачества подавалась команда: «Коммунары, огонь».

«Комиссары в армии являются... прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели» (VIII съезд партии).

Этими свойствами обладал весь комиссарский состав червонно-казачьих частей. Надо отметить, что полное оформление политического аппарата и в частности назначение политкомов в подразделении частей было проведено лишь осенью 1919 г. вместе с организацией политического отдела дивизии. До этого политкомы существовали лишь в полках. Это объясняется тем,

что сплошь и рядом командиры-партийцы выполняли сами функции политаппарата. С переходом на более регулярные основы, с осложнением самой вооруженной борьбы на фронтах и в связи с новыми задачами политической работы был организован по общеармейскому принципу и политаппарат.

Политработников в основном выдвигала партийная организация дивизии из числа коммунистов, прибывших по партийным мобилизациям, а также из числа партийцев, воспитанных в червонно-казачьих рядах. Многие рядовые казаки стали впоследствии боевыми комиссарами кавалерийских частей. Из своего резерва партийная организация черпала людей не только на политическую, но и на командную работу. Многие сотники, целый ряд командиров полков и бригад начали свою службу в казачьих рядах. Партия сумела выбрать из массы наиболее способных и поставить их на командные должности. Они, опираясь в своей работе на поддержку партийной организации, отлично справлялись с порученным им делом, лишний раз доказав правильность линии коммунистической партии.

т. Сазыкин Начал службу политбойцом Был секретарем эскадронной ячейки Активно участвовал во взятии Стрыя — в атаке его мостов Демобилизовался комиссаром полка. Сейчас член правления Октябрьской дороги в Ленинграде.

Вот небольшой перечень командиров из рядовых партийцев: Никулин—лучший командир полка—был рядовым казаком, секретарем эскадронной ячейки, Казачок — командир полка — начал с помвоенкома полка, Федоров—командир бригады—с политкома полка, Спасский—бывший командир бригады—со старшины эскадрона, Петровский—бывший маидир полка—начал с эскадронного кузнеца, Потапенко—командир бригады — с политкома полка, Гендс — бывший командир полка—начал с помвоенкома полка.

Этот список командиров-партийцев, воспитанных и выдвинутых партийной организацией, можно было бы пополнить еще целым рядом славных червонно-казачьих имен.

Все руководство комиссарским составом, партийной и политпросветительной работой было сосредоточено в руках поли-

тического отдела дивизии. Повседневная политикопросветительная работа политсостава и всей партийной организации червонцев среди местного населения и казаков, помноженная на классовую ненависть бойцов к врагам революции, создали славную историю червонного казачества.

Этапы партийно-политической работы.

Партийнополитическая работа по своим конкретным задачам совпадала с этапами боевых действий дивизии. Нахождение в непрерывных боях в различных составах—отряд полка—бригада—дивизия, различная обстановка фронта, трудности строительства армии в огне гражданской войны,—вот та общая обстановка, которая соответственно каждому боевому этапу требовала от политической работы умения найти и ухватить основное звено, чтобы вытянуть всю цепь, отдельные звенья которой в своей тесной связи составляли стальную мощь дивизии. Краткому описанию этих этапов и будет посвящено дальнейшее изложение.

Первый этап, охватывающий весь 1918 г. и половину 1919 г., нами уже охарактеризован. Это было только начало гражданской войны. Об организованной и четкой работе в этот период говорить не приходится. Основная задача—внедрение в массы конкретных лозунгов борьбы с петлюровцами и оккупантами (австро-немецкими войсками) и идеи формирования червонного казачества из беднейших селян.

Вся политическая работа сводилась в бою к личному примеру, на отдыхе—к агитации, разъяснению задач партии, советской власти и Красной армии.

В период отступления с Украины и в нейтральной зоне в червонное казачество вливаются отдельные партизанские отряды, производится отбор лучших из них, ведется энергичная борьба с проявлениями партизанщины. В это время наиболее стойкие коммунисты выделяются для организации повстанческих отрядов на Украине. Дальше германская революция. Уход немцев с Украины. Волна крестьянских восстаний. Свержение гетманщины. Снова Пютлюра. Наступление Красной армии из нейтральной зоны, и Червонно-казачий полк идет «в авангарде главных сил».

Задачи партийнополитической работы—поддержать и сохранить боевой порыв бойцов до полного разгрома петлюровских войск. Присоединение мелких партизанских отрядов по

пути движения требовало их политической обработки. Нужно было внедрить в их сознание необходимость борьбы не только за свою волость, село, а за уничтожение врага по всей территории Союза. Одновременно надо было восстановить советскую власть на местах, выделяя для этого часть своих сил.

Быстрый рост полка за счет добровольцев-одиночек и целых отрядов требовал большой работы с ними. Они приносили с собой все отрицательные качества «беспризорных» частей. Это вызвало необходимость создания парторганизацией полкового Революционного трибунала. Он довершал работу коммунистов по очистке казачьих рядов от чуждых разложившихся элементов.

Бандитские устремления пресекались в корне.

Форма влияния партийца на казачью массу—индивидуальная работа и полковые собрания. Собрания ячейки проводились преимущественно открытые.

Полк, развернувшийся уже в бригаду, отступал с Украины хорошо сколоченной частью.

Партийная организация своей работой завоевала крепкий авторитет среди значительной части бойцов. Но дело политического воспитания всей массы червонцев еще далеко не было разрешено. Вопросы быта, отношения к населению оставались больными вопросами дня. Были намечены только основные вехи для их разрешения.

Следующий этап—подготовка бригады, а к ноябрю 1919 г. уже дивизии, к наступлению. Условную передышку, которую дивизия получила в период перегруппировки сил на Южном фронте, целиком использовали для подготовки. Этот период был для всей армии переломным. Партия решительно поставила вопрос о введении строгой централизации—безоговорочного подчинения частей высшим инстанциям, четкого и своевременного выполнения оперативных приказов. На ряду с этим было проведено широкое переформирование частей, сведение мелких разрозненных единиц в крупные соединения. Пополнение новыми призывами и присылка партийного пополнения, полное оформление партийнополитического аппарата, разграничение функций между командными и политическими звеньями всех ступеней,—вся эта работа подчинялась лозунгу партии «Все на Деникина», «Все на врага».

Общий перелом нашел свое отражение и в бригаде червонных казаков. От партизанских способов ведения войны они перешли к методам работы регулярной части на основе крепкой дисциплины и твердого руководства.

Партийнополитическая работа поставила себе задачей широкое использование, всемерное углубление намечающегося перелома. С этого периода начались попытки вести работу систематически: регулярно проводятся партийные и общие собрания; налаживается доставка центральных и армейских газет; создаются полковые библиотеки. Части налаживают своими силами культурную работу (драмкружки, постановка спектаклей). Во всех сотнях и командах политсостав проводит беседы. освещает текущие вопросы и положение на фронте.

Вся указанная работа обеспечила готовность дивизии выдержать любые испытания новых тяжелых боев. Не случайно комиссар дивизии в своем донесении в политотдел 14-й армии писал: «Червонцы рвутся на фронт».

Фронтовое армейское командование правильно оценило состояние дивизии, возложив на нее задачу выхода в глубокий тыл Деникинской армии. Снова наступила длительная полоса беспрерывных боев. Массовые формы политработы в этот период в основном свелись к личному примеру партийца-командира и политработника, к индивидуальным беседам, митингам, реже—собраниям.

Надо отметить, что и здесь имели место «домашние настроения»—воевать только до своего села. Правда эти настроения затронули незначительную часть казацкой массы. Шли по домам, т. е. просто дезертировали, лишь немногочисленные группы бойцов, случайно ставшие «червонцами». Основной кадр бойцов крепко усвоил свою задачу—добить врага до конца.

Новый этап—подход к Крыму—некоторое затишье, бои с небольшими перерывами и снова широкое развертывание политической и культурнопросветительной работы.

Перед партийной организацией, при ее большом росте в партнеделю, встал вопрос о внутривоспитательной работе. Нужно было «подковать» по вопросам программы и политики партии новые «молодые» кадры. В этом была достаточная необходимость и для многих «стариков» в большинстве своем кроме газет никогда ничего не читавших.

Развертывается горячая партийная учеба. Единственное пособие—«Азбука коммунизма» и газетные статьи. В перерывы между боями ведутся занятия с оживленными дискуссиями о «коммунистическом обществе», «милиционной армии» и т. д.; устраиваются беседы, собрания, чтение газет. Одновременно ведется борьба с болезненными бытовыми явлениями, пьянкой, картежной игрой, недисциплинированностью и другими отрыжками партизанщины. В это время дивизия впер-

вые принимает участие в субботниках. Казаки отчисляют пайки, собирают хлеб и грузят эшелоны с хлебом в подарок Москве. Они вспахивают поля крестьянской бедноте, помогают беднякам на полевой работе, чинят дороги, заражая своим энтузиазмом местное население.

В мае 1920 г. дивизию перебрасывают на Польский фронт. Здесь политическая работа дивизии развернулась наиболее полно и многосторонне. Партийная организация на опыте прошлого четко определила свои права и обязанности, руководствуясь при этом «Инструкцией ячейкам в армии».

Политический аппарат окреп как количественно, так и качественно. Были установлены основные формы и методы партработы. Работа развертывается более широко и систематически. Например к августу 1920 г. удалось создать 26 школ, в которых обучалось грамоте 584 человека.

Шашку, букварь, винтовку одинаково крепко держал в своих руках червонец, выбирая в своем арсенале оружие в зависимости от обстановки.

За один только месяц (15/VIII—15/IX) червонцы получили до 20 000 экземпляров различных газет и 300—400 всевозможных листовок.

Культурнопросветительные комиссии, которых в одних строевых частях насчитывалось 24, часто организовывали своими силами спектакли для казаков и населения.

Беспартийная красноармейская конференция в августе 1920 г., в разгар войны с Польшей, по докладу о ликвидации неграмотности постановила: 1) считать себя мобилизованными в грамчека (чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности); 2) все свободное время посвятить политпросветработе, занимаясь с неграмотными и политически отсталыми казаками.

Основным звеном текущего момента было сочетание всей работы с глубоким разъяснением классового характера войны с Польшей.

Когда Красная армия, разбив белополяков, подошла к Збручу и перед ней встала задача форсировать этот рубеж, являвшийся государственной границей между страной пролетариата и страной капитала, в политическом сознании значительного числа бойцов красноармейских частей появилась своего рода «заминка».

В частях возникли разговоры о допустимости или недопустимости для частей Красной армии переходить государственную границу Кое-где договорились и до красного импе-

риализма. Так примитивно понимались некоторыми задачи обороны пролстарского государства.

Политаппарат, парторганизация дивизии червонного казачества снова развернули широкую работу, использовав все свое влияние, чтобы разъяснить бойцам значение и роль Красной армии как армии всех угнетенных и порабощенных, как вооруженного авангарда мировой революции.

У самого Збруча то тут, то там происходили летучие митинги. Вспоминается длинная фигура комиссара 3-й червонно-казачьей бригады, Альберта Генде—польского пролетария: он стоял на срубе колодца и призывал казаков бригады к расправе с польской шляхтой.

Генде А. Э. — бывш. комиссар полка, бригады, дивизии червонного казачества. Демобилизовался командиром 2 полка. Теперь — директор МГЖД.

Результатом усиленной работы парторганизации дивизии был сокрушительный натиск червонно-казачьих полков на Подволочиск-Збараж и Тарнополь и разгром целого ряда белопольских частей.

С переходом боевых действий на территорию Польши вопросы интернационально-классовой борьбы встали практически перед массой. Задачей политработы было разъяснить казаку на конкретных примерах закабаления галицийского крестьянина польским паном, кто его классовый враг, разъяснить необходимость товарищаского отношения к пленным. Каждый отпущенный пленный в условиях рейда должен был стать агитатором за Красную армию, за советскую власть.

В условиях войны с панской Польшей особо трудной была политическая работа среди местного населения. В то время, когда масса гилицийского населения встретила Красную армию восторженно, часть польского и галицийского крестьянства вследствие бешеной агитации буржуазии относилась в Красной армии, как к царским завоевателям. Нужна была исключительная выдержка и хорошее отношение бойцов к населению, а также массовая политическая работа, чтобы галицийское крестьянство поняло разницу между царским национальным гнетом и политикой советской власти.

Партийные ячейки и командно-политический состав вырабатывали из каждого червонца агитатора, умеющего ориенти

роваться в обстановке сложного национального переплета. Одновременно ведется жестокая борьба со всякими проявлениями барахольства и издевательства над населением со стороны отдельных лиц. Масса резко осуждала и требовала сурового наказания всякому, позорящему честное имя красноармейца.

Политработа последнего периода гражданской войны — периода борьбы с бандитизмом—протекает в новой обстановке. Дивизия переходит на мирное положение, выделяя для борьбы с бандами отдельные отряды.

Политотдел дивизии и парторганизация сосредоточивают свое внимание на организации и укреплении органов советской власти. Налаживается мирная боевая учеба в частях. Соответственно развертывается и партполитработа.

Для отдельных частей, ведущих борьбу с бандами, условия работы остаются прежними, не считая непродолжительных передышек между операциями.

Т. Харитонов—начальник политического отдела 1-й червонно-казачьей дивизии—периода борьбы с Махно и другими бандитами (1921 г.).

Искоренение бандитизма проходит не менее успешно, чем в предыдущие действия дивизии. Борьба с бандитизмом проводится весь 1921 г. и частично в 1922 г.

Только в 1921 г. партийная организация получила возможность перейти к плановой работе. Вместе с тем политотдел и части получили возможность подвести итоги за прошедший период. Нужно было учесть и проверить выкованные в огне и проверенные в различных условиях формы и методы работы. Нужно было также проверить созданную на боевом

Для политической работы среди населения были мобилизованы все силы актива. Вот для примера краткая неполная сводка работы только по Гайсинскому уезду за май 1921 г.

Объединенных казачье-крестьянских конференций — 3, митингов-спектаклей—40, объединенных казачье-крестьянских собраний-митингов— 39, специально крестьянских митингов и сходов— 42, собраний незаможных селян — 18, организовано хат-читален — 12 и просвит—7.

Мария Дункан.

За этот же месяц вошло политработников 8-й червонно-казачьей дивизии в сельревкомы — 21, в комнезамы—13, в наробразы—5 и в просвиты—11.

Не меньшую работу червонцы провели в других районах расположения дивизии. Благодаря этому население оказывало активную помощь в выполнении возложенных на дивизию задач. Десятки сел выносили постановления о выдаче бандитов, дезертиров, петлюровцев, оружия, самогонщиков. Селянство разобралось окончательно, кто его друг и кто враг. Многочисленные протоколы сходов о продлении пребывания червонцев в селах лишний раз свидетельствовали об этом. Вхождение в местные органы власти и партийные комитеты представителей политического отдела способствовало укреплению их работы.

Прочитала объявление о старых червонцах и считаю своим долгом, как одна из тех, что когда-то проходили волынские, подольские и полтавские поля—заявить: если нужно будет, я всегда готова за призывом рабоче-крестьянского правительства стать на защиту пролетарских завоеваний.

С коммунистическим приветом

Мария Михайловна Дункан

(Мария Дункан—б. батрачка, червонный казак, ныне председ. Райисполкома. на Мелитопольщине).

Ленинский комсомол в 1928 г. Революционным военным советом СССР награжден орденом Красного знамени. Участием в гражданской войне на всех фронтах комсомол заслужил эту высшую боевую награду.

Братское родство червонцев с комсомолом Украины — нынешнем шефом червонного казачества—уходит своими корнями в период гражданской войны.

Молодые червонцы-комсомольцы были лучшими представителями трудящейся молодежи города и села. Вливаясь в дивизию по комсомольским мобилизациям, они были в рядах лучших бойцов. Подвиг и смерть в бою комсомольца Самуся — героя червонного казачества — яркий пример стойкости и мужества комсомольцев.

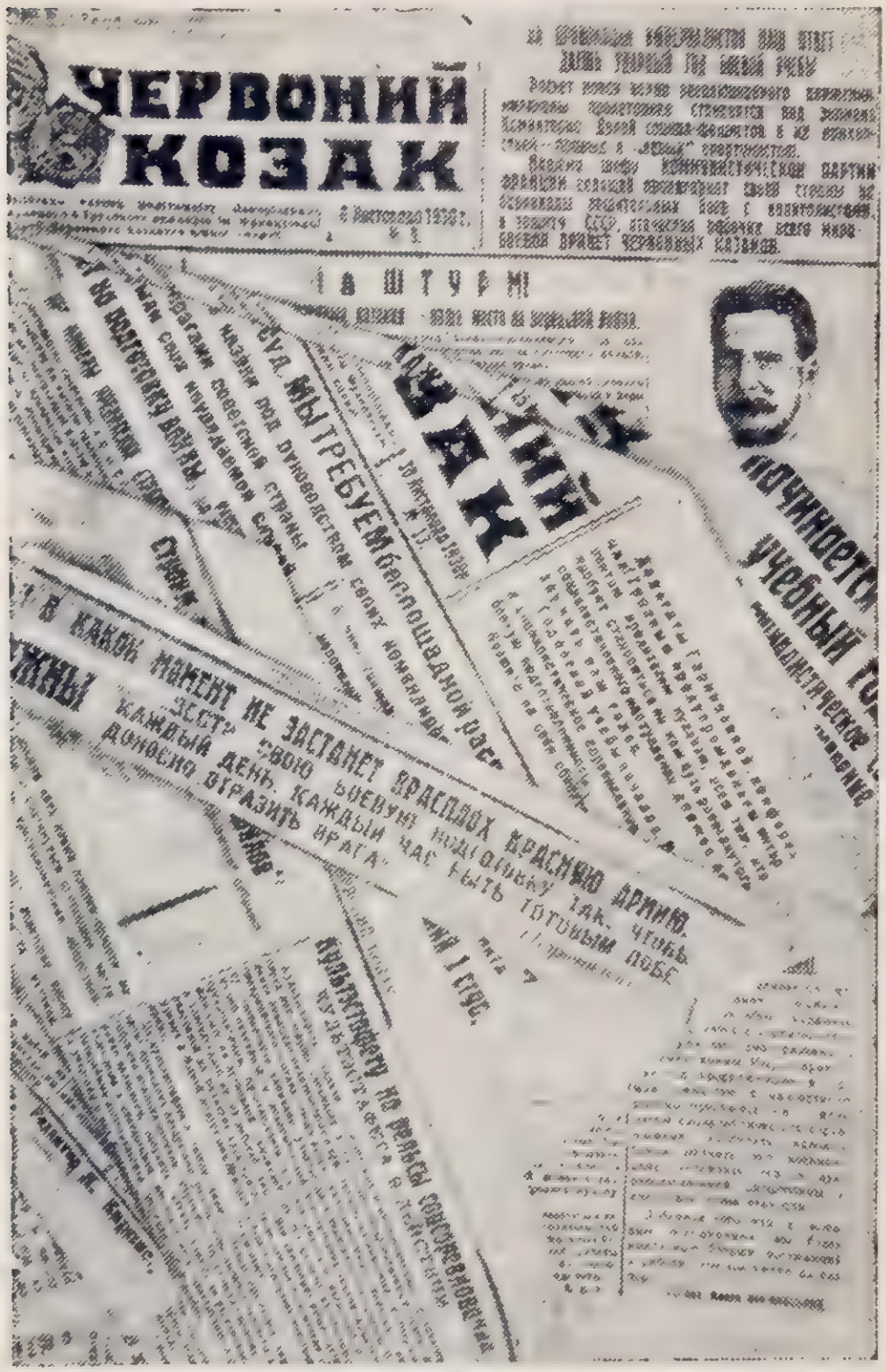
Знамя комсомола Украины, врученное дивизии в день ее десятилетия.

Организационное оформление комсомола в Красной армии произошло только в середине 1924 г. Поэтому история дивизии не сохранила документов, говорящих о боевом прошлом комсомола в дивизии, отдельно от всей массы червонцев. Но именно поэтому должно быть освежено все, что говорит о зарождении связи дивизии с комсомольскими организациями на местах. Тесная братская дружба червонцев с комсомольскими организациями установилась в 1921 г. в период борьбы с бандитизмом.

Проводя работы в Гайсинском, Брацславском и Тульчинском уездах, парторганизация дивизии столкнулась с довольно многочисленными организациями УКП (Украинская коммунистическая партия). Укописты на ряду с общей антисоветской работой особое внимание обращали на молодежь. Они создали так называемые «Комюны». Борьба с УКП началась с борьбы за влияние на юношество. Политотдел дал специальную директиву о развертывании работы в этой области. В противовес «Комюнам» были созданы комсомольские организации в Гайсинском районе—4, в Брацславе—1. Во все организации политотдел командировал по нескольку партийцев и выделил необходимые средства и литературу.

зерве, и штабные учреждения под оркестр занялись починкой дороги. Удивленные таким неподходящим для «маскалив» занятием, крестьяне только плечами пожимали: «какой же это праздник». Поняла нас баба, засучила рукава, лопату в руки—и за щорбень.

Ай да, баба... Молодец!


ЧЕРВОНИЙ КОЗАК

Дивизионная газета «Червоний Козак», начавшая выходить в 1930 г. после восьмилетнего перерыва.

В этот день у нас номера не было.

Нам нужна газета. Нам нужна типография, бумага. В частях уже беспокоились. Теребили политотдел; «Почему же нет больше «Червонного казака». Командированный в Поюж, в Харьков за типографией и бумагой, я вернулся ни с чем.

Дивизия переходила на Юго-западный фронт, на поляхов. Я нагнал ее в Бреславле... «Даешь Варшаву... Даешь»,..—день и ночь скрипел паром, перегруженный людьми, лошадьми, обозом, бороздя Днепр.

В г. Вознесенске дивизия имела трехдневную остановку. Раздобыли припрятанную кем-то сахарную бумагу, набирали, перемешав шрифты и сбив с толку печатников обеих типографий города. Выпустили четвертый и пятый номера «Червонного казака».

Через неделю мы вошли в состав 14-й армии. От Поарма получили разрешение издавать свою газету. Редактор отправил в Одессу формировать типографию. Месяц спустя вагон

с типографией: «американка», шрифты, бумага и личный состав из четырех рабочих прибыли в полевой штарм 14 в Рахны. Дивизия — в рейде, тыловые части — в Калиновке по ту сторону взорванных поляками мостов. Проделав несколько сот километров по железной дороге кружным путем, мы добрались до Калиновки.

Дивизия вышла из рейда. Тыловые части двинулись к ней—в Проскуров. Через леса и бандитские села мы на подводах догоняли подив и нагнали его только в Галиции, в Подволочиске.

Типографию решили сделать подвижной для того, чтобы наш аппарат печати мог поспевать за дивизией. Американку поставили в большую польскую санитарную карету. Этой карете выпала роль стать печатным отделением нашей типографии. Для того чтобы в ней можно было свободно работать, ее несколько перестроили: на поларшина подняли крышу. Это громыхающее пугало на колесах, которое, выбиваясь из сил, еле тащили 4 лошади, мы прозвали «чортом».

Походная типография готова. Шестой номер «Червонного казака» выпустим на ближайшей остановке в своей типографии,— так решили мы, выезжая из Подволочиска в глубь Галиции. Не проехали 3 километров, как узнали, что и на хороших галицийских шоссе нашему «чорту» могут встретиться препятствия. Он стукнулся лбом в «ферму» железнодорожного моста, под которым мы проезжали и чуть не потерял всю свою надстройку. На другой день нас постигло еще большее несчастье. По какому-то недоразумению подив ткнулся в местечко Подкамень, что у Почаева, оставленное по неизвестным нам соображениям нашими частями. Назад к своим пришлось ехать через глухие, давно неезжанные дороги. И вот на гребне холма, где дорога ковыляла через камни, рвы и остатки старых окопов, «чорт» сломал себе «ногу»,—у печатного отделения поломалось колесо. Подив уехал. Мы решили снять машину с «чорта» и перегрузить ее на подводу. Темнело. У «чорта» остались караулить два печатника с одной винтовкой. Двое отправились в село за подводой. Ночью наш разъезд с опаской подъехал к чудовищу на колесах, сообщил, что впереди в долине поляки, а наши части позади километрах в двух.

Утром, когда приехали подводы, у «чорта» уже никого не было. Машина стояла разобранной, части ее были разбросаны по полю, польский разъезд добрался до машины и «поработал» над ней.

Шестой номер «Червонного казака» мы выпустили в г. Кре-

менце, в частной типографии и когда собрались печатать седьмой, наша машина вышла из починки.

В роскошных аппартаментах брошенного помещиком фольварка, на земляном полу крестьянской хаты, а когда и в клуне, в течение нескольких часов мы разворачивали свою типографию. Не было еще в истории печатного дела таких гигиенических наборных помещений: при тихой погоде под открытым небом, а при ветре или в дождь—в клуне устанавливались кассы на складных (изобретение редактора) реалах.

Газета выходила в своей типографии!

Страница самокритики.

История червонного казачества не знает случаев неповиновения высшим инстанциям, не может отметить случаев измены, предательства, не знает саботажа в выполнении боевых и мирных задач.

Тем не менее на протяжении всей жизни дивизии имелся ряд случаев, которые легли черными пятнами на героические страницы истории червонных казаков. Червонцы перечисляют свои черные пятна прошлого, чтобы лучше уметь с ними бороться в настоящем и будущем.

В суматохе гражданской борьбы, когда конница не ночует там, где она останавливается днем, и не днюет там, где она ночует, трудно следить с достаточным вниманием за воспитанием бойцов. Наступающая армия в гражданской войне, а особенно победоносные ее части, притягивают к себе огромное количество новых людей.

Червонцы решительно боролись со всякими проявлениями насилия, издевательства.

В марте 1918 г. 2 червонца изнасиловали женщину. По обычаям того времени они без всякого суда были расстреляны, как только выявилась их виновность в этом недостойном для казака проступке.

В Галиции сотник Мозговой изнасиловал работницу какого-то польского пана. Сотник был тут же расстрелян перед фронтом полка.

В июле 1918 г. группа червонцев, следуя через ст. Козлов, с оружием в руках выступила против заградительного отряда, который вел изнурительную борьбу с морем мешочников. Казаки не стали на защиту законно действовавшего правительственного отряда, а вздумали заступаться за тех, кто своими

действиями срывал продполитику власти и дезорганизовал работу железнодорожного транспорта.

Истолковывая по-своему лозунг «экспроприация экспроприаторов», часть казаков по своему личному почину производила обыски и отбирала от населения всевозможные вещи. Все эти явления беспощадно пресекались. Так, сотня, состоявшая из партизан атамана Бреусенко, продолжала своевольничать по старой привычке, как это ими делалось еще до влития в червонно-казачьи ряды. Сотня насиловала и грабила население сел и местечек. Пришлось эту сотню раскассировать, наиболее злостных расстрелять, часть предать суду, а основную массу распределить по остальным червонно-казачьим сотням.

Надо сказать, что болезнь барахольства была наиболее хронической болезнью червонцев. Особенно этому благоприятствовал характер работы дивизии. Рейдируя по тылам, полки захватывали обозы, эшелоны богато снабженных польских частей и бегущей буржуазии. Глаза разбегались от невиданной раскоши. На ряду с парой до-зарезу нужных сапог, брали массу ненужных вещей, перегружая ими не так себя, как лошадь.

Барахло перекочевывало в обозы. Здесь за известную мзду его хранили обозные и кашевары, наполняя брюхо походных кухонь всевозможным добром. Верховые лошади, отягченные вещами, насилу шли, а порыв казака, становившегося собственником, значительно падал. С барахольством велась борьба. Однажды у Стрыя Примаков пропустил мимо себя всю дивизию. беспощадно развьючивая казачьи седла от лишних вещей. После рейда военкомдивом было созвано совещание политработников для обсуждения мер борьбы с этим злом.

Если в период рейдов барохолили за счет бышей буржуазии и войсковых обозов, то после, когда это явление вошло в привычку, нашлись отдельные группы бойцов, которые пробовали грабить жителей местечек и мирных селян. В октябре 1920 г., после разгрома петлюровцев у Могилева, сотня 6-го полка расположилась на несколько часов в Могилеве. Через несколько минут после ее появления в городе, в разных концах слышны были крики о помощи. Сотня, выступившая из города в новых фраках, суконных подбитых мехом пальто и с узлами, была неузнаваемой. В момент присоединения сотни к полку казаков «разоружили» от награбленных вещей, а виновных спешили и направили в штаб дивизии для предания суду Ревтрибунала.

Отношение к пленным было также не всегда на высоте.

Быть может это объясняется инерцией первых дней борьбы, когда пришлось воевать с противником, сплошь состоявшим из убежденных белогвардейцев. Партийная организация и политический аппарат рядом мероприятий, неустанной работой добились того, что казаки изжили эту болезнь.

Не особенной строгостью отличались некоторые казаки и в отношении потребления спиртных напитков.

В Галиции, в г. Бобрка, где был разбит спиртоводочный завод, казаки 2-й бригады напились пьяными. Сам вридкомандира полка Барсуков до того напился, что приказание о взрыве железнодорожных путей было им выполнено крайне небрежно, чем и воспользовались на другой день польские бронепоезда, обстрелявшие своим огнем колонну дивизии.

Одно из характерных для червонцев отрицательных явлений было освященное неписанными законами право командира на физическую расправу с виновным бойцом. Считалось незыблемым—и казаками это принималось за должное,—что боевой заслуживший своими подвигами доверия казаков командир имеет право наложить на бойца и привести в исполнение то или иное количество ударов. Эту отвратительную традицию суровыми карательными мерами удалось вырвать не только из практики, но и из сознания командного состава. Наблюдалось еще и такое явление: считалось за лихость, если тот или иной командир сманит на свою сторону конных разведчиков того или иного стрелкового полка. Целые взводы, пулеметные подразделения, хоры трубачей дезертировали из своих полков и шли в червонно-казачьи полки. Но такой метод комплектования был палкой о двух концах. Усиливая себя, мы ослабляли наших соратников, боевую силу наших пехотных полков.

Яд антисемитизма проникал в казачьи массы. С ним велась решительная и успешная борьба.

Червонное казачество было создано, росло и крепло под руководством коммунистической партии, и только благодаря этому руководству оно побеждало. Партийная организация—один из боевых отрядов коммунистической партии—стальными звеньями скрепляла боевые части дивизии. В первых рядах червонного казачества сражались сотни коммунистов, которые своим героизмом увлекали в бой всю массу червонцев. Они своей стойкостью укрепляли веру в победу и беспощадно боролись со всем, что чуждо званию бойца-червонца.

Самоотверженной, кропотливой, повседневной, глубокой политической работой среди червонцев партийная организация обеспечила победу червонно-казачьих частей.

VI. Трудовой фронт.

«Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть на-чеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы».

ЛЕНИН, том XVII, стр. 404.

«Военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность».

ЛЕНИН, том XVII, стр. 405.

В казармах.

Нельзя провести резкой отчетливой линии между военными и мирными днями частей первой дивизии. В то время когда большинство полков Красной армии расположилось уже в казармах в пунктах мирных стоянок, червонцы продолжали стоять в деревнях у крестьян. В то время когда почти вся Красная армия приступила к мирной учебе, червонно-казачьи полки рыскали по лесам, ярам и трущобам Киевщины и Подолии, выкуривая из них шайки бандитов и петлюровских агентов.

Лишь постепенно, по мере восстановления довоенных казарм и построек, полки стали переходить на более или менее нормальную жизнь.

1922 г.—богатый стычками с многочисленными крупными и мелкими бандами—был годом перехода частей дивизии на городскую стоянку.

В Проскурове дивизии достались старые, полуразрушенные, негодные казармы, где могли поместиться лишь два полка. Остальные части стояли в Меджибоже, оборудовав под стоянку старинный меджибожский замок.

В 1922 и 1923 гг. страна не могла еще дать армии все необходимое для устройства казарм и конюшен, что отражалось конечно на учебе, на сбережении конского состава, на настроении бойцов. К тому же в первое время им было чрезвычайно трудно привыкнуть к казармам, где вся жизнь идет по сигнальной трубе.

В частях закипела работа по восстановлению казарм. Вперемежку с учебой казаки занялись оборудованием помещений. В то время не было денег на приобретение необходимых материалов. Приходилось собирать беспризорную доску, палку и гвоздь.

Непрерывные демобилизации и нечеткость работы местного военного аппарата по призыву в армию молодых контингентов ставили части дивизии в тяжелые условия работы. Лошадей было в несколько раз больше, чем людей. Некому было смотреть за конским составом.

Выход командно-политического состава на уборку коней стал обычным явлением. Командиры чистили по 3—4 коня и нередко носили дневальство на конюшнях и в казармах.

Были и такие случаи, когда командир полка, чтобы дать отдых обозным, садился с командирами на козлы вместо ездовых и направлялся в Деражню за очередной партией груза.

Е. МИЛЛЕЙ (Франция).

Я расскажу всем французским рабочим.

Как делегат французской компартии я посетил празднование 10-летия дивизии червонного казачества Украины. Я убедился, что червонные казаки—преданные защитники завоеваний Октябрьской революции. Они представляют собою могучую армию пролетариата, того пролетариата, который всесторонне заботится о них, который теперь занят выполнением пятилетнего плана социалистического строительства.

Я посетил казармы, клубы, залы для игр, библиотеки, столовые, кино, спальни, кухни. Я увидел, что красноармейцев кормят лучше, чем французских солдат. Все в казарме хорошо упорядочено, везде чисто.

Этот замечательный праздник, этот энтузиазм, который проявили рабочие и бойцы—уже свидетельствует, что цель построения социализма будет достигнута.

Да здравствует большевистская партия!

Да здравствует славная дивизия червонного казачества!

Мало-помалу, усилиями всего состава червонно-казачьих полков, при помощи местных властей червонцы оборудовали сносные помещения для себя и лошадей.

По мере роста благосостояния республики дивизия стала получать все больше и больше сумм на оборудование. Постепенно переводились в казармы артиллерия и остальные части дивизии.

Несколько шеренг корпусов пересекают своими прямоугольниками территорию военного города. Новенькие конюш-

Детский сад дивизии—будущие червонцы наблюдают за мертвыми петлями

ни, число которых растет с каждым строительным сезоном, гарантируют бережное сохранение казачьих коней.

Казаки проделали большую работу по украшению казарм.

Город имеет свою электростанцию и водопровод. Дивизия потратила очень много средств и труда на устройство ленинских уголков, клубов и особенно Дома Красной армии. Проскуровский Дом Красной армии является культурным достижением запорожской дивизии. Посетитель Дома может получить в нем все, начиная с обеда в столовой и кончая возможностью послушать курс тех или иных дисциплин в организованных при Доме кружках.

Работа по дальнейшему усовершенствованию дивизионного жилфонда ни на миг не прекращается.

Это является гарантией успеха военнополитической учебы и воспитания бойца. Нынешний живописно раскинувшийся военный городок запорожской дивизии—результат затрат не только материальных средств, но и большой творческой энергии командования дивизии, начсостава и казачьих масс.

Дивизия не сразу перешла с военного положения на мирное. По окончании военных действий ее перебросили в Киевскую губернию, в районы, покрытые сетью сахарных заводов. Производство сахара—основа промышленной жизни Правобережья. Благосостояние значительных слоев населения связано с деятельностью сахарных заводов. Годы гражданской войны сильно ударили по сахарной промышленности. Кроме целого ряда причин, отражавшихся на нашей общей промышленности, здесь были и свои, специфические, способствовавшие разрушению сахарных заводов.

Местные сахарные заводы часто подвергались нападению и разграблению со стороны многочисленных банд. Ответственные работники — коммунисты — безжалостно истреблялись бандитами.

С размещением частей червонцев по заводам работа сахарных фабрик ожила. Сюда потянулись бесконечные колонны крестьянских подвод.

Петлюровские агенты развивали на Подолии бешеную агитацию против сдачи селянством продналога. А петлюровские бандиты громили склады упродкомов, разгоняли подводы селян, везущих на сдачу зерно, спуская под рельсы составы, груженные хлебом для голодающего Поволжья, для армии, городов и центральных губерний. Бандиты особенно жестоко расправлялись с агентами, работавшими по сбору налога.

Все вместе взятое ставило местных продовольственных работников в невыносимо трудные условия жизни. На полки дивизии была возложена задача обеспечения безопасной и бесперебойной работы продовольственных органов.

И на этом фронте червонцы имели потери. Бандиты не миловали казаков, захваченных на продработе. Здесь, как и везде, червонцы не щадили своей жизни для выполнения поставленных им советской властью задач.

Запорожская дивизия приняла немалое участие в восстановлении хозяйственной жизни занимаемого ею района.

1922 и 1923 гг. являлись годами топливных кризисов. Хозяйственный аппарат гражданского ведомства, особенно при-

граничных районов, каковым является и Проскуровский, долго не мог приладиться к новым требованиям хозяйственной жизни.

Дивизия и здесь показала присущую ей энергию и проявила максимум организаторской деятельности.

Очень долгое время она занималась делом лесоразработок на Подолии, помогая тем самым разрешению топливного вопроса большого района. Лесоразработки дали работу и хлеб большому количеству безработных крестьян.

Но еще больший успех запорожцы имели в деле восстановления разрушенного бандитскими налетами старого проскуровского сахарного завода, не работавшего несколько лет. Опять возродилось заброшенное было во время гражданской войны свеклосеяние. Опять замелькали в заводских воротах фигуры рабочих, опять задымила заводская труба.

Умелая эксплоатация такого важного предприятия дала дивизии миллионную прибыль. Это позволило ей оборудовать казармы всем необходимым и создать все условия для культурной жизни бойцов. Кроме того из этих же средств дивизия смогла поддержать свою боевую сестру—2-ю червонно-казачью дивизию. Лучшим документом, характеризующим работу запорожской дивизии на хозяйственном фронте, является ниже помещаемая грамота.

1-й ЗАПОРОЖСКОЙ
имени Французской компартии червонного казачества кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса имени ВУЦИК и ЛКСМ.

Мы, рабочие и служащие проскуровского сахарного завода, расставаясь с дивизией после трехлетней совместной работы на почве возрождения советской сахарной промышленности на Проскуровщине, считаем нашим пролетарским долгом преподнести мощной, покрытой неувядаемой славой в боях на поле брани, настоящую искреннюю, идущую от пролетарского сердца, грамоту и выразить глубоко волнующее нас чувство восхищения перед не менее славной работой дивизии на хозяйственном фронте—на фронте строительства социализма—и чувства признательности и благодарности за доброе, искреннее пролетарское отношение к нам, сахарникам. Вы бездействующий консервированный сахарный завод оживили, дав возможность жить и вкладывать свои «кирпичики» в общее социалистическое строительство сахарникам. И в тот момент, когда мировая буржуазия провоцирует нас на кровавую войну, мы, сахарники, спокойны, уверенные в силах и мощи нашей славной Красной армии.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1-я ЧЕРКАЗДИВИЗИЯ 1-го КОННОГО КОРПУСА!

Председатель заводского комитета (подпись).
Секретарь ячейки ВКП(б) (подпись).

В основном мирные дни червонцев заполнены учебой. 2 года боевой подготовки превращают сырую рабоче-крестьянскую молодежь в крепких бойцов.

Казак, умеющий только стрелять или рубить, еще не казак.

Правда в дни гражданской войны мы имели сплошь и рядом бойцов, умеющих с грехом пополам лишь сидеть на коне. Это не мешало иметь червонцам целый ряд ярких побед. Но тогда и противник был не особенно силен в боевой подготовке. Для будущей войны нужен всесторонне подготовленный воин.

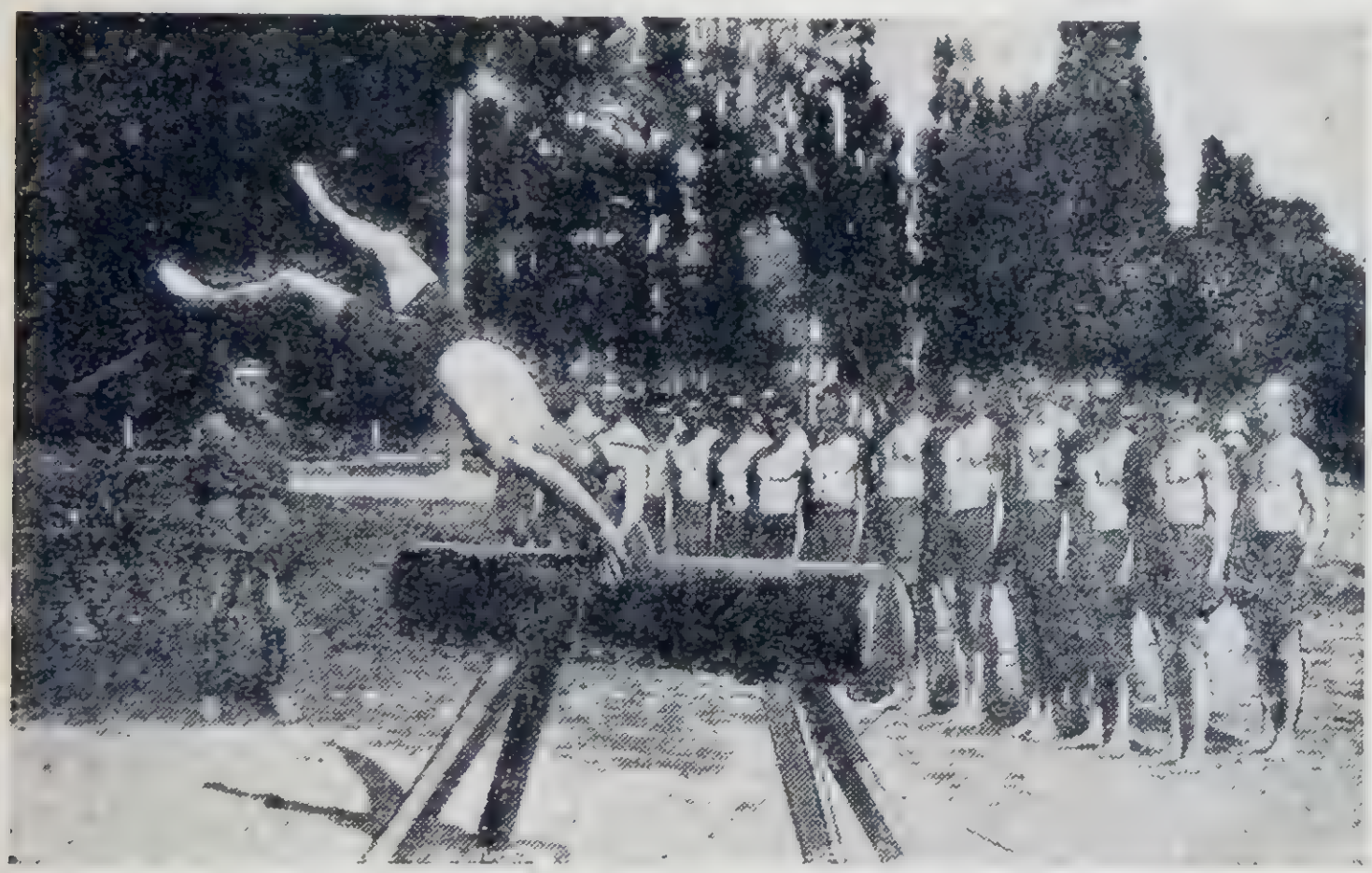
Эту задачу — выковывание всесторонне обученного бойца — и выполняют части дивизии.

В основном казак обучается лишь один первый год. Второй год он привлекается для исполнения разных хозяйственных работ в карауле, наряды и командировки. Остающееся время идет на дальнейшее совершенствование и закрепление знаний, полученных в первом году.

Несмотря на это, части дивизии выпускают ежегодно несколько сот вполне подготовленных стойких бойцов, военизаторов деревенской и заводской молодежи и преданных проводников идей коммунистической партии в трудящиеся

массы. В военное время значительная часть рядовых казаков может быть использована как младший командный состав.

Ежегодно в дивизию прибывают и старые командиры времен гражданской войны для переподготовки. Со всех концов Украины слетаются в запорожскую дивизию испытанные бойцы революции, занятые сейчас работой на хозяйственном фронте. Здесь они вспоминают забытое, знакомятся со всеми



новинками в усовершенствовании военного дела, чтобы в случае новой войны с крепкими знаниями повести на последний решительный штурм рабоче-крестьянские взводы, эскадроны, полки.

Вся мирная жизнь запорожцев протекает под знаком учебы.

Как и на фронте социалистического строительства, с тем же энтузизмом, который характеризует работу пролетариата на производстве, червонные казаки, руководимые своей парторгапизацией, через ударничество и социалистическое соревнование, показывают высокие темпы боевой подготовки.

Ударничество, захватив сначала одиночек-бойцов, отдельных красноармейцев, через небольшой отрезок времени внедряется в массу казачества. За отдельными ударниками стали возникать ударные отделения, взводы, эскадроны, полки.

Первым в марте месяце сего 1930 года объявил себя ударным 4-й Харьковский кавполк. 1-й Мелитопольский кавполк

стал ударным 1 мая. В период подготовки к XVI съезду вошел в строй ударных единиц 3-й Криворожский. А 2-й Бердянский полк и технические части дивизии — в день открытия партийного съезда.

Каждый боец, небольшие подразделения, эскадроны, полки и вся дивизия в целом, перешли в наступление по всему фронту боевой учебы. Результаты социалистического соревнования, ударничества нашли свою оценку в обращении командующего войсками тов. Якира.

Дорогие товарищи, бойцы 1-го Червонно-казачьего корпуса!

На этих днях Вы празднуете 10 лет жизни Вашего славного корпуса. Как вся страна наша в трудовом порыве, напрягая все свои силы, строит и в городе и на селе наше социалистическое отечество, и мы, Красная армия, все сделаем для того, чтобы упорной учебой и воспитанием создать крепкие, политически сознательные, военно-технически подготовленные части. Большие, ответственные задачи возложены на нас, товарищи, и еще большие на Вас, товарищи червонные казаки, ибо Красная армия должна и сумеет оборонять великую стройку в нашей стране, а Вы в Красной армии —один из первых авангардных пограничных корпусов. Все ли мы с Вами сделали, чтобы по-честному сказать себе: «Я выполнил возложенные на меня страной рабочих и крестьян задачи».

7 дней я смотрел на результаты Вашей работы, ибо наилучший способ увидеть результаты, это—поле и маневры. Очень многого, несомненно, добились Вы. Огромные шаги сделаны Вами и в политическом росте и в боевой подготовке. Однако из того, товарищи, что Вам передавали Ваши начальники на разборах, Вы слышали, что далеко не все нами сделано и что еще много труда и упорства все мы, бойцы Красной армии, приложить должны, чтобы быть готовыми бойцами первой в мире рабоче-крестьянской Красной армии.

А Вы, товарищи-червонцы, больше чем кто-нибудь другой, имеете основания к тому, чтобы быть готовыми на все 100%, ибо Вы—дети 1-го Конного корпуса, дивизиями своими вписавшего много прекрасных страниц в историю нашей борьбы на фронтах гражданской войны.

10 лет 1-го Конного корпуса — славнейшей части Красной армии—это праздник для всех трудящихся Украинской советской страны, да и для всего Союза. Порасспросите снова Ваших командиров и политработников, и они развернут перед Вами историю червонцев, историю героической их борьбы. Памятуя традиции Ваших частей, близость Вашу к границе и ответственность Вашу перед страной Советской, перед РВС Союза, приложите все Ваши молодые силы к тому, чтобы, водимые славными командирами и политработниками, еще больше расти политически, еще лучше знать военное дело,

быть действительно могучим, сколоченным авангардом, способным бить и разбить врагов наших.

Пусть здравствует боец, командир и политработник славного корпуса червонных казаков!

Командующий войсками Украинского военного округа ЯКИР.

Вслушиваясь в слова обращения своего командующего, червонные казаки не упиваются достигнутыми успехами, они знают, *что далеко не все нами сделано, «чтобы быть готовыми бойцами первой в мире рабоче-крестьянской Красной армии».*

Червонцы делают дальнейшие шаги по пути к достижению большевистских темпов учебы.

Молодняк, только что прибывший в казарму с фабрик, колхозов, пока еще не коллективизированных сел, уже втягивается в ударничество и соцсоревнование.

Старики не запугивают молодых «ужасами» казарменной жизни. Они берут на буксир молодняк, помогая ему ориентироваться в новых условиях учебы и быта. Ударники 3-го года пятилетки зажглись новым током большевистского энтузиазма, выдвигая свои повышенные встречные планы боевой подготовки.

О. И. Городовиков—командир корпуса червонного казачества.

Сейчас на фоне процесса «Промпартии», перед лицом интервенции, которую готовят против нас империалисты всех стран, наметился новый подъем, новый порыв бойцов червонного казачества, разворачивающих все силы, весь разум, все свое умение, чтобы поднять еще на большую высоту боевую мощь червонно-казачьих полков.

За время мирной учебы дивизия выпустила уже несколько запорожских дивизий. Эти резервные полки запорожцев тесно связаны с боевыми знаменами славной червонно-казачьей дивизии. Будучи лучше подготовленными в боевом от-

Витошкин—комэскадрона, ударник.

Т. Махнатко—ударник артиллерийского дивизиона, колхозник.

ношении, нежели казаки времен гражданской войны, они в грядущих схватках с международной буржуазией будут не менее стойки, чем старое поколение червонных бойцов.

Мы понесем отсюда желание упорной борьбы.

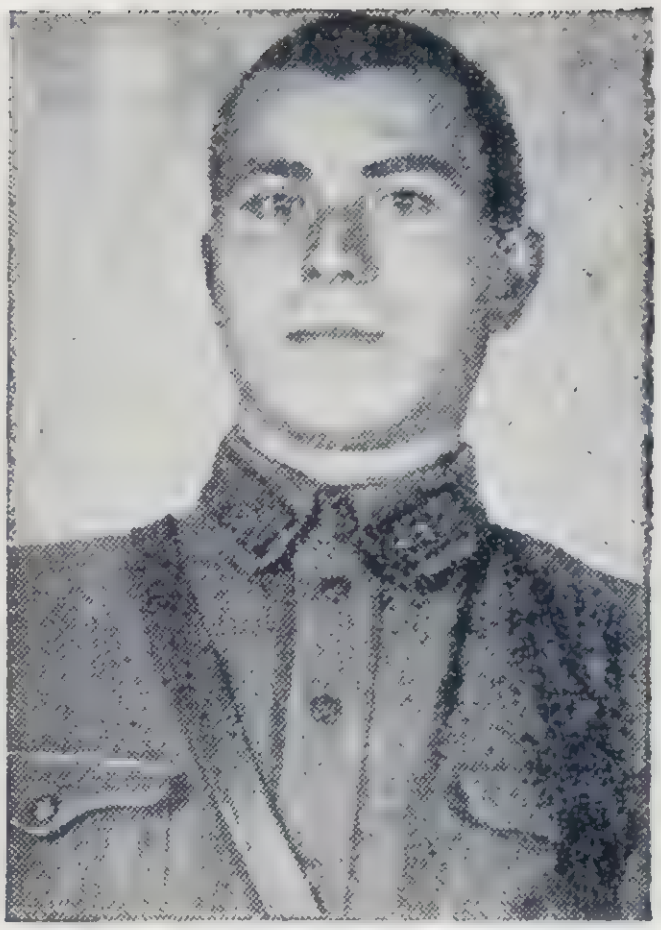
Наше посещение 1-го червонно-казачьего корпуса дало нам уверенность, что СССР сумеет разбить контрреволюционные силы, организованные империалистическими державами, в первой шеренге которых стоит французский империализм.

Мы понесем отсюда желание упорной борьбы против нашей собственной буржуазии, чтобы обеспечить победу для СССР.

Да здравствует Красная армия и диктатура пролетариата.

Член Исполкома Коминтерна МОНМУСО.

Шнейдер—политрук-ударник 4 полка.



Савиди—ударник 1-го полка, досрочно окончил полкшколу.

Строкашь—колхозник 3-го полка, буксирует молодых казаков.

Баклубенко—ударник сапэскадрона, секретарь партячейки.

Партполитработа.

Красная армия—школа боевой подготовки. В нашей стране не может быть успешной боевой подготовки без политического воспитания. Красная армия выковывает не только бойца, а бойца-гражданина. Укрепление боеспособности своей части, ее постоянной готовности к защите диктатуры пролетариата — основная задача партийной организации.

Партийная организация дивизии принимает в свои ряды все наиболее стойкое, активное из ежегодного пополнения: рабочих, батраков, бедняков и лучших середняков.

Главный помощник партийной организации, главный резерв ее роста — ленинский комсомол.

Роль червонно-казачьей комсомолии как помощника партийной организации полка и дивизии неизмерима. В боевом социалистическом соревновании, в проведении общеполитических кампаний, в развертывании самокритики, всюду и везде, казак-комсомолец идет впереди.

Лучшие комсомольцы идут в полковые школы, откуда они выходят воспитателями и учителями молодых казаков. Подавляющий процент младших командиров червонно-казачьей дивизии — комсомольцы.

В дивизии каждый десятый боец—партиец, каждый пятый — комсомолец. С первого дня прибытия червонец-пополненец приступает к своей политической подготовке. Если раньше ликвидация неграмотности проводилась ударной кампанией, то теперь к 1 Мая каждого года среди червонцев уже нет ни одного неграмотного. Ликвидация неграмотности — часть плановой работы 2-летнего политического воспитания бойца.

Дивизия в своей повседневной жизни тесно связана с жизнью всей страны. Тысячи писем идут от червонного казачества на село.

Во время ежегодных весенних и осенних посевных кампаний, во время перевыборов советов, уборочных кампаний бригады добровольцев выезжают в окрестные села для помощи бедноте.

Умелая эксплоатация такого важного и сложного предприятия дала дивизии миллионную прибыль. Это позволило с окрестными селами укрепляют культурные походы-доклады, спектакли, концерты, митинги.

Трудящиеся проскуровщины тесно связаны с дивизией прошлыми боями и мирными днями. 81 казаков и командиров являются членами горсовета Проскурова.

Рабочие-шефы, посылая часто свои многочисленные делегации, знают, что, что дивизия выполняет возложенные на нее задачи и растет в своей боевой мощи из года в год.

Связь червонцев с комсомолом Украины развернулась в шефство всего многотысячного комсомола над червонно-казачьим корпусом. В 1922 г., когда был брошен лозунг — «комсомолец, на коня», из одного Донбасса влилось в червонно-казачьи ряды 1 600 лучших комсомольцев-рабочих. 22 окружных организации комсомола шефствуют над частями дивизии.

По воздушной цели.

Интернациональное воспитание бойца-червонца — одна из основ его политической подготовки. Идеей интернациональных задач Красной армии пронизана вся его военнополитическая учеба. Конкретная интернациональная связь с рабочим классом капиталистических стран осуществляется через французскую компартию — шефа дивизии.

Приезд представителей французской компартии в 1928 г. превратился к мощную демонстрацию единства червонных казаков с международным рабочим классом. Эта встреча на многие годы запечатлелась у всех бойцов.

Особенно должно быть отмечено могучее орудие политического воспитания червонного казачества—печать.

Трудно, да и невозможно в кратких словах изложить всю работу партийной организации, все стороны политического воспитания и общественнополитической жизни бойца-червонца. Слишком она многогранна и обширна. Нет ни одной стороны жизни дивизии, где бы не осуществляла своего руководства и влияния партийная организация. Все, из чего слагается боевая мощь дивизии, основано на четком и твердом понимания задач Красной армии как вооруженного отряда мировой революции.

О работе парторганизации лучше всего расскажут многотысячные кадры, прошедшие свою боевую и политическую подготовку в рядах червонно-казачьей дивизии. Разбросанные по городам и селам Советского Союза, они в нужную минуту вместе со старыми бойцами гражданской войны — старыми червонцами — вернутся в ряды дивизии, чтобы вписать новые героические страницы в историю червонного казачества и всей Красной армии.

Коммуны червонного казачества.

Одной из величайших заслуг Запорожской дивизии на фронте социалистического строительства является безусловно, ее работа по подготовке кадров для реконструкции села.

Запорожская дивизия, как и вся Красная армия, есть школа сельского актива. Ежегодно дивизия выпускает сотни стойких, подкованных ленинскими знаниями работников сельсоветов, кооперации, трактористов, колхозников, осоавиахимовцев и милиционеров. Они помогают партии и власти поставить село на социалистический путь.

В 1929 г. отправились в бессрочный отпуск на село несколько сот активных работников, значительная часть которых пошла в колхозы, в кооперацию на руководящую работу и т. д.

Отпускники в районе дивизии организовали две коммуны, в которые ежегодно вступают демобилизованые казаки. В этих коммунах имеются партийные и комсомольские ячейки. Непрерывно поступают заявления от селян, желающих вступить в члены червонно-казачьих коммун.

Красноармейцам и начсоставу червонно-казачьей дивизии.

Чтобы отметить ваш великий 10-летний юбилей, батраки, беднота и середняки села Хлоповки организовали артель им. червонного казачества.

Батраки, бедняки и середняки, вступившие в артель, бросивши свои мелкие хозяйства, которыми занимались еще ихние деды, начинают строить свою жизнь на социалистических началах.

Назвавшись артелью им. Червонного казачества, мы даем присягу, что не запятнаем вашего славного имени.

Мы так же, как и вы, на фронтах в борьбе против помещиков и капиталистов будем проводить борьбу в поле за лучший урожай, за облегчение труда, за раскрепощение женщины от кухни, за экономическую победу над нашим внутренним врагом—кулаком и за ликвидацию его как класса.

Да здравствует славная непобедимая червонно-казачья дивизия!

Да здравствует союз Красной армии с селом!

Да здравствует коммунистическая партия—вождь и организатор рабочего класса и крестьянства.

Председатель сельсовета (подпись).

Председатель артели им. червонного казачества СКРИПНИЧЕНКО.

(Письмо от коммуны, организованной бывшим сотником червонного казачества тов. Скрипниченко).

VII. Героические красные знамена и краснознаменные герои.

«Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, такая война вызывает энергию и способность творить чудеса».

ЛЕНИН, т. XVI, стр. 383.

Награды частям дивизии

ПРИКАЗ № 373

РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА СССР.

29 ноября 1929 г.

г. Москва.

30 ноября с. г. исполняется десять лет существования доблестной 1-й Запорожской им. Французской компартии червонного казачества кавалерийской дивизии.

С первых дней своего существования, 1919 г., 1-я Запорожская бьется на полях Украины за дело Советов, громит контрреволюцию. Незабываемые страницы вписаны Запорожской дивизией в боевую историю Красной армии под Орлом, Кромами, Харьковом, Бердянском, Юшуньскими позициями.

В годы мирного строительства дивизия продолжает укреплять дело обороны неустанной работой над боевой подготовкой на основе растущей политической сознательности, активности и инициативы красноармейского и начальствующего состава.

В ознаменование славных подвигов дивизии Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в и л ко дню десятилетия наградить 1-ю Запорожскую ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

Революционной Военный Совет Союза поздравляет красноармейцев, командиров, политработников, а также всех боевых ветеранов Запорожской дивизии с десятилетним юбилеем.

Та высокая награда, которой Правительство Советского Союза отметило боевое прошлое дивизии, налагает на нее новые ответственные обязательства.

Революционный Военный Совет Союза уверен, что дивизия приложит все силы к повышению своей боеготовности, достигнет еще большей классовой сплоченности, политической сознательности, будет всегда готова выступить на защиту пролетарского государства.

Да здравствует доблестная первая Запорожская им. Французской компартии червонного казачества кавалерийская дивизия.

Слава ее бойцам, павшим в годы гражданской войны за дело социализма.

Народный комиссар по военным и морским делам
Председатель РВС СССР ВОРОШИЛОВ.

1. За взятие города Александрии 1-й полк получил почетное знамя Александрийского совета. Главная улица города переименована в улицу Червонных казаков.

2. Первую годовщину полка червонного казачества украинское правительство отметило вручением знамени с надписью: «Славним червонним козакам—Тимчасовий робітниче-селянский Уряд Україні.

3. В заседани своем от 7 марта 1921 г. ВУЦИК постановил наградить 1-й полк орденом Красного знамени.

4. За успешные бои с белой армией под Орлом в 1919 г. бригада червонного казачества получила почетное знамя от ВЦИКа и от Петроградского совета.

5. 2-й полк червонного казачества получил знамя от Реввоенсовета 14-й армии за дела в райдах против деникинцев.

6. Бывший 5-й, ныне 3-й полк получил знамя от ВЦИКа за набег на Тюп-Джанкой в Крыму.

7. Летотряд 3-го полка, разгромивший банду Гальчевского, награжден знаменем Летичевским исполкомом.

8. Получено знамя от ЦИКа СССР к 10-летию Красной армии за боевые заслуги дивизии на фронтах.

9. К 10-й годовщине Красной армии комсомол Украины вручил дивизии знамя.

10. Харьковский окрисполком, Горсовет, Окружный профсовет к 10-летию дивизии вручили ей знамя.

11. К 10-й годовщине ЦИК СССР наградил дивизию орденом Красного знамени и

12. ВУЦИК—орденом Трудового Красного знамени.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Отмечая исключительные боевые заслуги в гражданскую войну 1-й Запорожской им. Французской компартии кавалерийской дивизии червонного казачества перед трудящимися Украины и Союза советских социалистических республик, в боях с врагами советской власти на всех фронтах и активное участие красного казачества на участке мирного труда и социалистического строительства,—II сессия Всеукраинского центрального исполнительного комитета XI созыва п о с т а н о в л я е т:

Наградить первую Запорожскую им. Французской компартии кавалерийскую дивизию червонного казачества наивысшей наградой Украинской социалистической советской республики—орденом Трудового Красного знамени.

Председатель Всеукраинского центрального исполнительного комитета Г. ПЕТРОВСКИЙ.

Секретарь Всеукраинского центрального исполнительного комитета М. ВАСИЛЕНКО.

Харьков, 25 ноября 1929 года.

Полки Запорожской дивизии.

Основу запорожской дивизии составляют ее славные победоносные полки.

1-й Мелитопольский полк.

1-й Мелитопольский полк имени Евгении Бош вырос из 1-го отряда червонных казаков. Он же послужил ядром формирования Первой бригады дивизии. Начиная с декабря 1917 г. по настоящее время, полк бережно хранит свои боевые знамена. Об этом лучше всего свидетельствует орден Красного знамени, полученный полком за боевые заслуги.

Шеф полка—Мелитопольский окрисполком.

2-й Бердянский полк.

2-й Бердянский полк был выделен из состава 1-го полка в августе 1919 г. Чувствуя с ним неразрывную связь, спаянную двухлетней боевой работой, 2-й полк не раз приходил на помощь своему старшему брату. Под Юшунью, когда 1-й полк оказался под ударами белых, бердянцы, жертвуя собой, отстояли его.

Бердянский полк в ногу с другими полками, смертью и героизмом своих лучших бойцов делал историю запорожской дивизии.

Шеф полка — Мариупольский окрисполком и Бердянский райисполком.

3-й Криворожский полк.

Полк под названием Алатырского был сформирован в июле 1918 г. в городе Алатыре Симбирской губернии. Весной 1919 г. участвует в боях с деникинцами на Луганском направлении. Здесь он теряет до 70% своего состава. В ноябре командиром Алатырского полка назначается т. Демичев, бывший в то время помощником командира этого же полка.

Полк через замерзший Сиваш совершил очень удачный налет на Тюп-Джанкой, за что получил знамя от ВЦИКа. Весною 1920 г., под Перекопом, он входит в червонно-казачью дивизию. Здесь боевые заслуги ставят его на один уровень с прочими старыми червонно-казачьими полками. В 1922 г. полк разгромил банду Гальчевского.

Шеф полка — Криворожский окрисполком.

4-й Харьковский полк.

Ядром полка послужила 1-я Чортова сотня, сформированная в г. Харькове в январе 1919 г. Полк участвует в боях с белыми и в январе 1920 г. входит в состав червонно-казачьей дивизии.

Им был проделан весь тяжелый путь дивизии. Он сражался под Перекопом, в Галиции с поляками, с Петлюрой и вел борьбу с бандитизмом. В боях он потерял убитыми 2 своих командиров — Новикова и Карачаева.

Шеф полка — Запорожский окрисполком.

I Конноартиллерийский дивизион.

Дивизион берет свое начало от взвода артиллерии, сформированного при червонном казачестве 18 августа 1918 г. из захваченных у немцев 2 трехдюймовок.

Взвод помогал червонцам во всех их боях и схватках с немцами и гайдамаками. В октябре 1918 г. он развернулся в батарею. Вместе с горной батареей, сформированной в начале 1919 г., у червонцев образовался артдивизион.

Дивизион участвовал с дивизией во всех рейдах и боях Немалую помощь и поддержку оказали червонцам их боевые орудия.

Об убитых червонцах.

Червонное казачество на фронтах гражданской войны потеряло убитыми 3 550 человек: в лесах нейтральной зоны под немецко-гайдамацкими пулями; в мрачные дни отступления

под ударами белой армии; в упорных боях под Орлом; в снегах и метелях Льговского и Фатежского рейдов, громя отборные белогвардейские части; под Перекопским валом в ожесточенных схватках с войсками Врангеля; на победном пути от Днепра к Карпатским горам; в борьбе против самостийников-врагов украинского пролетариата.

Пали они, отстаивая жизнь и независимость советских республик. Рядом с ними, проливая свою кровь и отдавая свои лучшие силы на защиту пролетарского дела, сражались тысячи других верных сынов необъятной Советской страны.

Немногие знают их по именам. Многие имена позабыты.

Но их коллективное имя — имя червонного казака, смертью и кровью заплатившего за победу революции — будет жить в грядущих веках.

Имена: Ганжа, Коропец, Чуприна, Самусь, Гончаренко, Новиков, Святогор, Логинов, Еломистров, Мурашко, Непомнящий, Кулик и тысячи других неизвестных, но не менее славных имен будут гореть ярким призывом к новой борьбе.

Ганжа, Чуприна и Коропец пали в бою с немецким батальоном под Воробьевкой. Все они — выходцы из пролетарских рядов. Немецкая пуля пробуравила голову Ганжи, 8 пуль изрешетили Коропца, и смертельный удар штыком прервал жизнь Чуприны.

Летом 1920 г., при форсировании Збруча пал смертью храбрых **Данило Самусь.** В дни подполья он был арестован в Киеве деникинцами и спасся из-под самого расстрела. 6 пуль пронизали тело комсомольца Самуся, но он остался жив. Палачи ушли, а Самусь ползком добрался до одного из убежищ. С приходом красных частей он поступил в ряды червонного казачества и проделал с ними их героический путь. Под Збручем снаряд из пушки Канис, посланный поляками, впился своими осколками в тело Самуся, и сердце бойца-революционера перестало биться.

В бою с врангелевским десантом пал **Гончаренко**. Бывший унтер-офицер старой армии, он командовал 5-м полком червонных казаков. Ведя свои эскадроны в атаку, он был разорван белогвардейским снарядом.

Ворвавшись в польские проволочные заграждения, погиб от пули белополяков командир полка **Новиков.** Рвавшийся неудержимо вперед, прозванный за свои вылазки белыми «бешеный», он нашел свою смерть в славном бою.

Командир дивизионных разведчиков **Глот** был убит, смело атаковав 2 сотнями 3 батальона поляков.

Командир полка **Корочаев** — общий любимец казаков — был смертельно ранен при атаке пулеметных тачанок Махно.

Кулик, военком 1-го полка, летом 1921 г. был тяжело ранен махновцами, и его последнее желание разгромить кулацкого батьку было немедленно исполнено червонными казаками 1-го полка.

Руками бандитов, напавших из-за угла, убит командир полка **Святогоров,** ушедший в Красную армию 18-летним добровольцем из крестьянской семьи. Гражданская война, которую он провел в первых рядах бойцов за пролетарское дело, пощадила его, но рука бандита не пожалела одного из лучших бойцов Красной армии.

Самусь Данило—пал смертью храбрых на Збруче.

Старый большевик **Логинов,** оставив пост начальника штаба Украинской советской армии, пошел в красноармейскую массу. У червонцев он работал в штабе дивизии и носил вполне заслуженное имя «большевистского Мольтке». Сгорая от туберкулеза, он работал в боевой обстановке до истощения всех сил, отказываясь от лечения. Он умер от чахотки, отдав все свои знания и способности червонно-казачьей дивизии.

Политрук **Еломистров,** дважды раненый в одном из перекопских боев, остался в строю и в тот же день, несясь с обнаженным клинком впереди сотни на офицерскую роту, получил пулю, которая вывела его из казачьих рядов навсегда. Его последняя просьба была о коне. Он рассчитывал снова вернуться в строй и просил за ним посмотреть.

Сотник **Мурашко,** бывший старшина, постоянным участием в боях и аккуратным несением службы завоевал всеобщее уважение казаков полка. Незадолго до смерти, он был назначен

на сотню. Ведя ее в атаку под Рогатином, он был смертельно ранен в лоб пулей белополяка.

З броневика огнем своих пушек преградили дорогу червонцам на г. Суджу. Сотник *Непомнящий* увлек сотню через адский барьер из деникинских бомб в атаку на белых. Белые дрогнули и побежали, но это стоило жизни бесстрашному сотнику.

Тысячи других убитых казаков, имена которых канули в вечность, пали не менее героической смертью. Их кровь, как цемент, спаяла ряды червонного казачества и могучее здание нашей великой страны.

Краснознаменные герои.

СПИСОК ПОЧЕТНЫХ КАЗАКОВ

1-й Запорожской имени Французской компартии червонного казачества кавалерийской дивизии.

Фамилия, имя и отчество	В какой части
Сталин Иосиф Виссарионович	1-го кавполка
Калинин Михаил Иванович	1-го конартдива
Петровский Григорий Иванович	1-го кавполка
Фрунзе Михаил Васильевич	3-го кавполка (умер в 1925 г.)
Якир Иона Эммануилович	2-го кавполка
Скрыпник Николай Алексеевич	3-го кавполка
Затонский Владимир Петрович	1-го кавполка
Бубнов Андрей Сергеевич	4-го кавполка
Рыков Алексей Иванович	2-го кавполка
Буденный Семен Михайлович	4-го кавполка
Каширин Николай Дмитриевич	1-го кавполка

Виталий Маркович Примаков — организатор и командир червонных казаков с 1917 г. по 1924 г. Он родился в 1897 г. в Черниговской губернии в семье сельского учителя. С 1913 г. принимает участие в политических кружках. В 1914 г. примыкает к большевикам. За работу среди солдат он был арестован и посажен в тюрьму. На заседании Киевского военного суда Примаков заявил: «Да, мы распространяли прокламации и вели агитацию против войны, но ставим это себе не в вину, а в заслугу и честь перед народом».

Туровский С. А.

После суда его выслали в Красноярский округ, где Примаков работал молотобойцем, столяром в волостном правлении, откуда он доставал для организации бланки паспортов. В начале Февральской революции он вместе с другими ссыльными разоружает местную власть, затем уезжает в Россию.

До августа Примаков работает в Киеве членом парткома, журналистом и агитатором. После этого он по приказу партии вступает в 13-й пехотный полк, от которого и избирается делегатом на 2-й Всероссийский съезд советов. Попав в Петроград в Октябрьские дни, он организует отряд из рабочих Речкинского паровозостроительного завода и участвует с ним в бою под Пулково против казаков. Всероссийский съезд советов избрал 20-летнего Примакова членом ВЦИКа, который и посылает его на работы на Украину.

В Харькове партия поручает ему разоружить 2-й Украинский полк, часть которого послужила кадром для формирования отряда червонных казаков.

После работы в червонно-казачьей дивизии Примаков был начальником Высшей кавалерийской школы, командиром 1-го стрелкового корпуса, военным атташе в Афганистане, а сейчас

военным атташе в Японии. За боевые отличия Примаков награжден двумя орденами Красного знамени.

Михаил Афанасьевич Демичев—командир и комиссар 1-й Запорожской кавалерийской дивизии. Родился в крестьянской семье. В старой армии он служил в 14-м Драгунском полку. В 1918 г. тов. Демичев вступил в Красную армию взводным командиром и быстро выделился своими способностями, знанием дела из общей массы командного состава. Спустя некоторое время его назначили помощником командира, а потом и командиром 5-го Алатырского полка, который в начале 1920 г. под Перекопом входит в дивизию червонных казаков. На польском фронте он принял 3 ю бригаду, а с назначением Примакова командиром корпуса становится командиром 1-й дивизии, которой и командует с конца 1920 г.

Григорьев П. П.

Этот молчаливый человек с вечной трубкой во рту, в поле, в бою и на маневрах так же спокоен и хладнокровен, как и у себя дома. Короткими, но исчерпывающими указаниями Демичев целиком охватывает разворачивающуюся перед ним боевую обстановку, решительно передвигает в нужную точку и в нужное время червонно-казачьи полки.

Под его командой знамена червонных казаков не раз видали успех.

За боевую самоотверженную работу на фронтах т. Демичев награжден 2 орденами Красного знамени.

Петровский Евгений Иванович — первый комиссар 8-й кавалерийской дивизии. Студентом вступил в Октябрьские дни в компартию. За участие в подпольном ревкоме немцы приговорили его к 8 годам каторги. После ухода немцев он работает

председателем Губревкома в Чернигове. В августе 1919 г. т. Петровский назначается политруком тогда еще бригады червонных казаков. С этого времени, вплоть до ухода на должность командира бригады, он руководит политическим воспитанием червонно-казачьих полков.

В ту горячую пору комиссар, олицетворявший партию в части, первый показывал пример отваги и самопожертвования. До боя — речью, а в бою — клинком. Комиссар был первым бойцом в части. Таким был Петровский — комиссар 8-й чер-

Багинский А. В.

Потапенко П. Р.

вонно-казачьей дивизии. Во всех тяжелых боях и походах казаки всегда видели рядом с собой фигуру Петровского. Когда деникинская бомба с аэроплана контузила его, первыми словами Петровского были: «Ишь, сволочи, даже бомб бросать не умеют».

Сейчас Петровский работает в Штабе военно-воздушных сил РККА.

Савко Николай Аркадьевич — помощник командира дивизии по политической части и начальник политотдела. Уроженец. г. Вильно, рабочий-слесарь. В партии с мая 1917 г. В ав-

густе 1917 г. вступил в красногвардейский отряд в Москве, с которым и участвует в октябрьских боях. В 1918 г. работает в немецко-гетманском подполье на Украине по подготовке восстания. В качестве партизана дерется с войсками немцев и гетмана. В конце 1918, начале 1919 г.—организатор ревкомов на Екатеринославщине. В марте 1919 г. с маршевой бригадой уходит на фронт.

Дальше — политком батальона во 2-й Украинской дивизии. Помвоенком 46-го кавполка, военком полка 42-й дивизии, 46-й дивизии, 1920 г. — пом. затем военком кавполка 7-й кавдивизии III кавкорпуса. С 1922 г. по 1926 г. учится в Толмачевской академии. По окончании академии — зам. начподива 4-й кавалерийской. С осени 1927 г. начподива 1-й кавалерийской.

Н. А. Савко.

Туровский, Семен Абрамович, бывший начальник штаба червонно-казачьего полка, бригады и дивизии и ближайший помощник Примакова, родился в Чернигове. Большевик с 1912 г., он уже в 1914 г. высылается в Вятскую губернию за революционную деятельность. Революция застала его на партийной работе в царской армии. Он принимает активное участие в Октябрьской революции, а в январе 1918 г. командует сербским красногвардейским отрядом в Киеве. С августа 1918 г. он начинает свой путь с червонцами, являясь после Примакова первой организаторской силой червонно-казачьей дивизии. Все идеи и замыслы Примакова осуществлялись через планы, составляемые его начальником штаба, и претворялись в жизнь дружным коллективом червонных казаков. За отличие в ряде боев он награжден орденом Красного знамени. Ныне он командует стрелковой дивизией в г. Ленинграде.

Григорьев Петр Петрович, бывший чернорабочий. В 1913 г. его призывают в армию, в рядах которой он провел всю империалистическую войну. С первых же дней революции он занимает ряд выборных армейских должностей.

Начал службу в червонном казачестве рядовым казаком. Последовательно был полусотником, помощником командира полка, командиром полка и бригады. Сейчас командует 2-й червонно-казачьей дивизией.

Его храбрость и отвага обеспечили ему любовь казаков и быстрое выдвижение на наиболее ответственные командные должности. Тов. Григорьев был неоднократно ранен. Под его командой 1-я бригада червонных казаков имела ряд удачных боев. Командуя истреботрядом червонцев в 1921 г., он ликвидировал банду Махно.

Никулин И. Е.

Багинский Андрей Васильевич, или «ружпульпарк», прозванный так за обилие полученных ран, с 18 лет вступает на путь революционной борьбы. На Дону он начинает работать вместе с червонцами. За боевые отличия получил орден Красного знамени. За свою отвагу, простоту пользовался в дивизии всеобщей любовью. Гайдамаки, мстя ему, выжгли глаза его сыну. Сам инвалид без руки, он ушел из дивизии лишь после гражданской войны. Ныне он учится в Толмачевской академии.

Потапенко Пантелеймон Романович, бывший кузнец, один из самых старых казаков, командует и теперь бригадой в дивизии За участие в революционном движении просидел на каторге несколько лет, оттуда был освобожден революцией. Начал он службу в червонном казачестве в 1918 г. старшиной. В августе 1919 г. он уже командует 2-м полком. Потап, как его называют казаки, участвовал во всех боях дивизии. Раненый однажды поляками, он остался в строю. Потап пользуется

искренней любовью всего состава дивизии. За отличия имеет орден Красного знамени и ряд других ценных наград.

Дубинский Илья Владимирович, уроженец Полтавской губернии, бывший студент. В 1918 г. вступает в подпольную организацию КП(б)У и повстанческий отряд. В 1919 г. поступает в 42-ю дивизию, а оттуда под Перекопом переходит в дивизию червонного казачества.

С дивизией участвовал во всех ее боях, выполняя в разное время обязанности комиссара, командира полка и бригады.

Дубинский И. В.

При ликвидации банды Палия был тяжело ранен. Награжден орденом Красного знамени, часами. Казаками 7-го червонного казачьего полка награжден серебряной шашкой.

В последнее время был начальником штаба 1-й Запорожской дивизии.

Никулин Иван Ефимович, уроженец Черниговской губернии. Окончил сельскую школу. В июле 1917 г. дезертирует из армии. В мае 1918 г. поступает в Красную армию добровольцем. В декабре—в червонно-казачью дивизию. Здесь, начав с секретаря эскадронной ячейки, т. Никулин, пройдя должности помощника и командира сотни, получает полк. Вместе с казачеством проделывает весь его путь. В 1920 г. он получил два ранения. Тов. Никулин член КП(б)У с 1917 г. За боевые отличия награжден орденом Красного знамени. Сейчас т. Никулин командует 4-м Харьковским червонно-казачьим полком.

Казачек Сергей Борисович, уроженец Черниговской губернии. Ремонтный рабочий железной дороги. Член КП(б)У с 1918 г. Вел подпольную работу против немцев и гетмана. До-

броволец Красной армии с 1917 г. Участвовал в боях против немцев, Деникина, поляков, Петлюры, Махно и других банд.

В червонном казачестве с июня 1920 г. Тов. Казачек за боевые отличия награжден орденом Красного знамени.

Тов. **Федоров,** уроженец г. Ленинграда. Бывший кузнец. Член КП(б)У с 1920 г. В Красную армию поступил добровольно в апреле 1918 г. Тов. Федоров участвовал в боях против Краснова. Деникина, Врангеля, поляков, Петлюры и пе-

Казачек С. Б.

Федоров Н. Ф.

тлюровских банд. Ранен в бою с деникинцами и бандой Гальчевского. За отличие в боях с бандой Гальчевского награжден серебряными часами.

В червонное казачество влился вместе с Алатырским кавалерийским полком. Тов. Федоров в 1919 г. был эскадронным кузнецом в Алатырском полку, сейчас он командует этим полком.

Несмотря на то, что ордена выдавались в дивизии с величайшим разбором и надо было неоднократно показать себя на

деле, чтобы получить эту высочайшую награду героев, несмотря на то, что одно время червонцы вовсе отказывались от получения в награду орденов, полагая, что и без них можно выявлять отвагу в борьбе за рабоче-крестьянское дело, — все же этот высокоценный боевой знак украшает грудь многих червонцев.

Этот список краснознаменцев червонного казачества далеко не полон. Те дни, когда решалась участь Октябрьских завоеваний, были слишком горячими, чтобы можно было аккуратно записывать пером историка все то, что делалось шашкой бойца. Надо полагать, что грядущие бои прибавят к этому списку немало славных имен. Быть может и твое имя, читатель, будет красоваться на одной из этих славных страниц!

VIII. Боевые воспоминания.

«Перший курень червонного козацтва».

И. Ю. Кулик.

Мы с В. М. Примаковым ночевали в той комнате, где помещалась касса Народного комиссариата. Это были первые недели существования советского правительства Украины, и выполнение членами ЦИКУКа (Центрального исполнительного комитета Украины) обязанностей простых караульных отнюдь не было редкостью. Вообще любопытное было время. В Харькове находилось советское правительство, а рядом продолжали существовать органы мелкобуржуазной Центральной рады, выходила шовинистическая газета, даже оставались вооруженными воинские части Рады. Понятно, что такое положение не могло быть долго терпимо.

В этот памятный вечер, 27 декабря 1917 г. по старому стилю, Виталий сказал:

«Ты лучше не раздевайся, предстоит интересное дело ночью».

«А что, уж не готовится ли нападение на кассу»?

«Нет, на этот раз мы пожалуй сами нападать будем».

Меня это несколько удивило. На Дону в это время шла вооруженная борьба с корниловцами, в Харькове поэтому находился штаб наркома по борьбе с контрреволюцией т. Овсеенко-Антонова. Но сам по себе Харьков был в достаточной мере уже очищен, корниловских банд поблизости не было... На кого же мы собираемся нападать? О возможности вооруженного столкновения с Центральной радой я не думал. На этом участке гражданской войны обе стороны держались выжидательной тактики, хотя до нас уже доходили слухи о мелких стычках в Одессе, Екатеринославе, о бесчинствах гайдамаков в Киеве.

Виталий разрешил мое недоумение: будем разоружать 2-й Украинский полк. Меня очень обрадовала весть о предстоя-

щем разоружении этого полка Центральной рады, так как в последние дни приходилось все чаще слышать сетование на промедление в этом деле. Знал я, что т. Примаков уже довольно продолжительное время ведет работу по разложению и расслоению полка, что есть у него там «свои ребята». Поэтому поразительно простым и легкоосуществимым показался мне развитый им план разоружения.

Примаков рассуждал: 9-я и 11-я роты совсем наши: мы значит пройдем в помещение 9-й роты, арестуем дежурного офицера, раздадим солдатам патроны, затем то же самое проделаем и с 11-й ротой. Сопротивление можно ждать только со стороны 1-й пулеметной роты. Но мы из окон помещения 9-й роты обстреляем пулеметчиков и сразу терроризуем их.

— А офицеры?

— Офицеры будут спать, либо пьянствовать после спектакля, который сейчас закончится в полковом клубе.

— Но ты говоришь, что только две роты наши: справимся ли мы со всем полком, в случае если сопротивление все-таки будет оказано?

— Ровно в 1-м часу ночи придет военный комендант города Войцеховский с бронемашинами — он будет руководить разоружением. А до его приезда руководство операциями возложено на Шарова. Оба они и разработали этот план.

Около полуночи мы, захватив с собой т. Эрлихермана (тогда бывшего левым эсером), втроем отправились на Москалевку, в казармы 2-го Украинского полка. Все мы были в серых шинелях и форменных фуражках.

— Часовой наш?—справились мы у т. Примакова.

— Нет, не знакомый. В случае чего — свяжем.

Однако обошлось благополучно. Часовой дремал и не заметил выглядывавших из-под солдатской шинели штатских брюк Эрлихмана. Мы прошли в помещение 9-й роты. Примаков разыскал знакомых солдат; мы собрали их в кружок и беседовали, обсуждая с ними план действий. Затем собрали всю роту, роздали винтовки, патроны. Настроение солдат было решительное и уверенное. И все они ставили лишь одно условие: чтобы по окончании операции из них была сформирована советская украинская часть.

Вскоре солдаты поволокли испуганного дежурного офицера, арестованного и обезоруженного. То же было проделано и в 11-й роте. Во всем этом нам помогал приехавший из города Шаров. Но поведение его нам не нравилось. Держался он трусливо и подозрительно, о чем-то шептался тайком от нас

с наименее выдержанными из солдат и т. п. Когда я обратил на это внимание Примакова, он резко ответил: «Раз на него возложено командование, наш долг подчиняться». А потом добавил более спокойным тоном: «Мы с тобой не будем оставлять его ни на минуту; если во время операции заметим что-нибудь подозрительное, попросту пристрелим его. А я попытаюсь забрать инициативу в свои руки».

Я невольно залюбовался Примаковым: уже в эти минуты в нем чувствовалась железная воля. Однако время шло, а приступать к разоружению остальных рот и к обстрелу пулеметчиков мы не могли, так как все это должно было по полученным нами директивам начаться лишь с момента приезда Войцеховского. Очевидно что-то задержало его. Была уже половина второго ночи. Солдаты стали нервничать и проявлять опасение за счастливый исход предприятия. Поведение Шарова становилось все более подозрительным. Один лишь Виталий не падал духом, подбодрял солдат и постепенно подчинил их своему влиянию. Все уже смотрели на него как на начальника, Шаров же стушевывался и бледнел в их глазах.

2 часа ночи... Минуты тянутся мучительно долго. Неужели неудача? Вдруг у ворот казармы послышался шум, захрипели моторы бронемашин, затрещали отрывистые выстрелы. Приехали. Пора начинать и нам.

Шаров стушевался совершенно. Командовать стал Примаков. По его команде все мы бросились к окнам помещения 9-й роты, чтобы из них обстрелять казармы пулеметчиков, дали несколько залпов и... И тут-то обнаружилась любопытная вещь. Только в тот начальный период гражданской войны возможно было нечто подобное! Оказалось, что окна помещения 9-й роты выходят в сторону, противоположную расположению казармы пулеметчиков. Мы следовательно стреляли впустую.

План вырабатывали Войцеховский и Шаров, а мы были все столь увлечены мыслями о предстоящем выполнении этого плана, что не подумали даже проверить заранее возможность его осуществления. Но Примаков и здесь нашелся. Выстроив 9-ю и 11-ю роты, он быстро вывел нас во двор. Там, в темноте, шла беспорядочная стрельба. Расположения зданий никто из нападавших не знал. Стреляли куда-попало. Обстреливая все окна и выход, мы таким образом очутились под перекрестным огнем.

Среди солдат началось вновь брожение: «Чтож они, разэтакие, по своим стреляют». Только уверенный начальниче-

ский тон Примакова, да находчивость и правильность его приказаний вновь успокоили солдат. Вытянув отряд цепочкой вдоль стен, Примаков вывел нас на позицию, откуда мы могли обстреливать пулеметчиков. И вскоре наши оглушительные, нервные, но организованные залпы присоединились к хаотической стрельбе бронемашин.

Впрочем стрелять пришлось не слишком долго. Как мы и рассчитывали, полк был сразу же терроризован неожиданным нападением. Сопротивления совершенно не было оказано. Офицеры почти все скрылись, оставив нам в качестве трофеев массу наскоро оторванных золотых погон. Двор казармы расцветился факелами, фонарями. Из дверей выходили заспанные группы солдат, без возражений складывавших оружие в кучи, у которых караулили красногвардейцы. Забрезжил рассвет. 2-го Украинского полка Центральной рады уже не существовало. Зато проходил по городу заново сформированный из бывших солдат 9-й и 11-й рот Перший курінь червонного козацтва.

Партизаны.

А. Прималенный.

Оттуда, где шла борьба с немцами, поступали тревожные сведения. Бахмач и Ромодан были заняты немецкой армией. Пришлось отступать из Лохвицы. Вместе с червонцами ушел и наш Лохвицкий отряд. Командовал им т. Прилипин, в военном деле понимавший очень мало. Впоследствии Примаков сменил его, вначале же мы держались от червонцев почти обособленно. Многие, и я в том числе, до самой Ахтырки даже не видели атамана червонцев —Примакова.

Наш отряд представлял довольно беспорядочное сборище крестьянских молодых парней. Военному делу учились, отступая в борьбе с немецкими войсками. Воинская дисциплина держалась только на сознании, что на наши села идет беспощадный враг, что нужно с оружием в руках противостоять его напору. По пути к нам вливались добровольцы. Их ни о чем не спрашивали. Хочешь сражаться — на тебе винтовку, доставай лошадь. Многих сражавшихся бок-о-бок, рядом с нами, мы даже не знали ни по фамилии, ни по имени, и только уже впоследствии все участники отряда перезнакомились друг с другом.

Ночь... На станцию прибывают новые и новые партизаны: одни — по железной дороге, другие — пешком или на лоша-

дях. У вагонов неумолчный шум, говор, крики. Иногда ночную тьму прорывает выстрел: солдаты еще не научились обращаться с оружием.

Утро, день — мы двигаемся дальше на Зеньков. Бесконечные обозы обывательских подвод. Красногвардейцы идут пешком около подвод, изредка помогая «дядьку» вытащить воз из ухаба. По мере удаления от родных мест растет ненависть к наступающему врагу... По временам слышатся проклятия по адресу немцев, приправленные «добрым» русским словцом.

Лошади, тяжело дыша, тащат пулеметные двуколки и возы с котомками солдат. По пути заходим на какую-то экономию и располагаемся на отдых; уже вечереет. Догадливый человек распорядился приготовить ужин. В двух огромных кухонных котлах борщ, и его наливают всем, не жалея, с излишком. Однако некоторые хлопцы так устали за дорогу, что, не ожидая ужина, улеглись на нарах и сейчас же захрапели. Тело ноет. Ноги одеревенели. Грязные сапоги висят тяжелым грузом. Оружие под боком.

Не помню, долго ли мы спали, как вдруг в помещение влетает один из партизан и командует: «Поднимайтесь, немцы близко!». Несмотря на усталость, солдаты, как угорелые, вскакивают с нар и, на ходу одеваясь, выбегают во двор. Некоторые взялись запрягать волов. Ярма были вместо железных колец на веревках и неисправны. Волы бодались и никак не хотели впрягаться. Да и непонятно, для чего их собирались запрягать: ведь на волах далеко не уедешь.

Выехав за экономию, партизаны большей частью бросили своих «иноходцев» и пошли пешком. Добрались до Зенькова. Улицы кишмя-кишат солдатами. Они ходят взад и вперед, ища своих. Сюда собрались партизаны всяких отрядов. Мы поместились в женской гимназии на центральной улице города.

К вечеру на второй день нас назначили в заставу. Мы расположились по хатам на краю деревни—названия ее не помню—и поставили пост у ветряка. Я встал на пост в 12 час. Земля немного подмерзла. Только я успел оглядеться, вдруг слышу, в степи раздался топот, а через некоторое время и говор. Я зарядил винтовку и впился глазами в ту сторону, откуда доносились звуки. Ко мне подбежал товарищ и с растерянным видом сообщил, что немцы уже в деревне. Они зашли с тыла. Бросились мы к хате, но там уже никого не нашли из наших. На улице уже мелькали немецкие всадники. Я на-

нас отправили в Ростов. Высадились в Ростове, оседлали коней и двинулись на Нахичевань. В Нахичевани расположились в одном из хуторов по дороге к Новочеркасску. Военных действий еще не происходило. Лишь иногда высылались в сторону противника разъезды. Через несколько дней походным порядком двинулись дальше.

У Аксайского станичного правления пополнили наши запасы пик; брал кто хотел—их там была масса. Рядом с нами двигался партизанский отряд анархистов: кто ими командовал—не знаю. Нам сообщили, что слева идет Нежинский кавалерийский отряд.

Беспечно с ружьями наперевес, пешком, чтобы не изнурять лошадей до боя, шли мы вперед. Вдали уже заблестели главы церквей Новочеркасска. На порядочном расстоянии от нас то показывались, то исчезали группы белых казаков. Они обнажали шашки и поднимали их вверх. Шашки сверкали на солнце.

Перевалив через возвышенность, мы спустились в лощину. Вдруг слева начали показываться всадники. Мы сочли их за своих нежинцев, но после оказалось, что это была жестокая дорого нам обошедшаяся ошибка. Это были враги. Они начали изредка стрелять. Пули ложились впереди нас, поднимая пыль и никого не задевая. Без команды мы открыли ответную стрельбу по всадникам. Заработали пулеметы. Червонцы один за другим ложились в межи, чтобы не быть задетыми шальной пулей. Беспорядочная стрельба продолжалась недолго.

Из балки с фланга и почти с тыла выскочили красновцы и, обнажив шашки, бросились на нас. Заварилась каша. Мы никак не могли сообразить, что делать. В довершение всего откуда-то нас начали осыпать орудийные снаряды. Попадания были меткие. Раздалась команда: «По коням!» Наш сотник Алексеенко хладнокровно скомандовал: «Стройся по три!» Но враг был уже настолько близко, что нечего было и думать выполнить эту команду.

Все бросились врассыпную. Пеший партизанский отряд анархистов сорвался и дал тягу. Пулеметчики, вместо того, чтобы стрелять, спешно тащили пулеметы с курганов и почти бросали их в повозки. Вскакивали на повозки сами и неслись в долину...

Враг, превосходивший нас численностью раза в три, все теснее окружал, заходя к нам в тыл. Анархисты и пехотинцы падали, пораженные саблями врагов. Мы пытались броситься

наперерез, но увы! снаряд попал как-раз в нашу конную цепь и тем остановил наше движение. Лошади, как бы чувствуя опасность, рвались вперед. Пули со свистом пролетали мимо. Я уперся ногами в стремя и, положив на левую руку ружье, стрелял, выбирая тех, кто следовал за мной.

Белые настигали нас по пятам. Уже слышу, как храпит лошадь преследующего меня красновца... Преследователь ругался на чем свет стоит, исступленно махая шашкой. Однако, видимо не суждено было помереть мне от красновской шашки! Красновец, лошадь которого выбилась из сил, начал отставать. Я заскочил в балку, добрался до речки и переправился на тот берег.

Здесь уже собрались все наши силы и решили принять бой, но ограничились тем, что вырыли небольшие окопы. Пехота осталась на месте, а мы поехали в Аксай, чтобы переночевать и раздобыть сена коням. Ночь, проведенная в Аксае, была не из особенно приятных. Все думали—вот-вот нагрянут красновцы на спящих, но обошлось благополучно, и на заре мы на конях направились уже по дороге к Новочеркасску.

**
*

Подъезжаем к Новочеркасску. В городе бой. На окраине расположены кирпичные заводы и домики городской бедноты и рабочего люда. Седые старики и женщины с ребятами умильно встречают нас. У некоторых на глазах слезы радости. Кое-где по улицам слышится перестрелка. Вокзал в наших руках. На станции получили новые шашки. Каждый из казаков не без удовольствия примеривал портупею.

За станционным депо лежали засыпанные шлаком трупы—жертвы белогвардейской расправы. В Новочеркасске червонцы несколько дней отдыхали, приводили в порядок вооружение и водили лошадей для ковки.

Отсюда пошли на Кривянку. Туманное утро. По дороге лежат в разных позах убитые. Подступы к Кривянке для нас неудобны. Расположившиеся на возвышенности красновцы обстреливали нас, а мы, двигавшиеся по открытой равнине, являлись для них весьма удобной мишенью. Переправились вместе с пехотинцами через мостик. Пехотинцы, держа лопатки у лба, пулей срывались с моста и укрывались за соломенными и глиняными заборами. Дальше они двигались огородами и садами, а червонцы—по улицам, придерживаясь забора.

Целый день мы держались в станице против превосходящего нас силами врага. Только уже к вечеру видим—белые казаки все больше и больше наводняют станицу. Откуда они только берутся? Проскакав на край станицы, где происходила переправа, червонцы заняли опорный пункт у церковной ограды, чтобы обеспечить себе дорогу к отступлению. Только успели засесть у церковной ограды, как со всех сторон стали показываться красновцы. Завязалась перестрелка.

Отдельные удачные попадания красновцев выводили из себя наших казаков. Полусотник и адъютант Примакова т. Ганжа перескочил церковную ограду и дал по красновцам несколько выстрелов. К нам подъехал красновский казак. как-будто для переговоров.

— Кто вы такие?—спросил он.

— Мы—революционные войска, отряд т. Примакова. А вы?

Не помню, что ответил красновец, мы сели на лошадей и отступили с тем, чтобы завтра утром отбить станицу. Бои под Кривянкой продолжались несколько дней. Мы то занимали станицу, то опять под натиском красновцев оставляли ее.

Я ехал вместе с казаком Зевакиным—типичным партизаном. Несмотря на жару, он носил высокую баранью шапку. Воротник у куртки никогда не застегивался, и грудь у Зевакина была кирпично-красного цвета. На поясе у него висело несколько бомб, шашка и револьвер, за плечами—винтовка. Отправились мы с ним на рысях к левому флангу. Почти все червонцы уже выбрались из горящего села. Остановились у деревянного выделявшегося среди остальных дома какого-то кулака. Зевакин решил поджечь этот дом. Не обращая внимания на мои просьбы убираться по-добру по-здорову, он соскочил с лошади и забрался через окно в хату. Стою я—минуты кажутся вечностью,—а Зевакина все не видно. Мы рисковали попасть в лапы красновцев. Однако один уходить не хочу—нельзя покинуть товарища в одиночестве, да и лошадь опасно оставить одну. Сорвет повод—и Зевакин останется пешим.

Спустя довольно продолжительное время, из окон повалил белый дым. Задыхаясь, вывалился из окна и сам Зевакин. Я был рад, что наконец мы можем дать ходу. Но не тут-то было. Зевакину захотелось сжечь и конюшню. Долго он чиркал одну спичку за другой. Я сидел на седле, как на иголках, но чувство товарищества и тут удержало меня,—в случае драки лучше умереть с таким человеком, как Зевакин.

Зевакин сел на лошадь, и мы поспешно начали удаляться. Я радовался, что все обошлось благополучно. Вдруг Зевакин закричал: «Плетки нет, там осталась... поеду, возьму плетку. Как, чтобы моя плетка пропала!» Напрасно я упрашивал бросить эту затею, суля ему подарить свою плетку. «Мне твоя плетка не нужна»,—сказал Зевакин и, повернув лошадь, поскакал обратно.

Пришлось и мне последовать за ним. Долго он провозился у горящей конюшни, разыскивая там свою плетку. Все-таки отыскал ее, и мы стрелой понеслись по улицам, охваченным пламенем горящих хат.

Добрались до переправы благополучно, приехали в Новочеркасск.

Нейтральная зона.

М. Барон.

В то тяжелое время, когда волна реакции захлестнула Украину, когда в Киеве «воцарился» Скоропадский и на улицах замелькали штыки обманутых немецких и австрийских солдат, а на селе засвистела нагайка наймитов буржуазии—гайдамаков, истомленный и сильно потрепанный в донских боях отряд червонного казачества в эшелонах прорвался из-под Таганрога и через юго-восточную часть РСФСР пробрался в Москву.

Пять дней прожили червонные казаки в Москве. На 6-й день распоряжением Народного комиссариата по военным делам отряд направили в г. Почеп на отдых, на переформирование и для несения караульной службы.

Ожили казаки, узнав, что их направляют в смежные с Украиной местности. Зачуяли они запах пороху, потянуло их опять к боям за освобождение оккупированной Украины—и усталости как не бывало.

В период оккупации Украины существовала между границами РСФСР и занятыми местностями так называемая нейтральная зона.

Червонным казакам не по душе была караульная служба, невмоготу было им спокойно выжидать разложения германской армии, и потихонечку стали они просачиваться вглубь нейтральной зоны для организации повстанческого движения, для создания революционной власти на местах и для группировки вокруг себя всех беженцев из Украины.

Слава, заслуженная червонными казаками в предыдущих боях, их настойчивость в преодолении поставленных задач благотворно действовали на местные организации и даже на молодые, только-что сколоченные красноармейские части РСФСР.

Скоро в отряд червонных казаков влился взвод легкой артиллерии; из Мурманска прибыли английские велосипеды и мотоциклы. Смоленск дал винтовки и патроны, Брянск—пулеметы, а из Зерново, где обосновался Центральный повстанческий штаб в составе тт. Затонского, Бубнова, Пятакова, Коцюбинского и Аусема, стали поступать снаряды, амуниция, снаряжение, седла и деньги.

Революционно настроенное селянство нейтральной зоны живо отозвалось на призыв червонных казаков сорганизоваться в отряды и итти громить гайдамаков. В мае 1918 г., едва солнышко пригрело поля, побросали селяне полевые работы и сотнями стали вливаться в ряды червонных казаков.

К июлю от былой усталости не осталось и следа. В Хильчичах и Кринидовке уже существовали 2 батальона червонных казаков под командованием тт. Туровского и Довнар-Запольского, имелась конная сотня, которой непосредственно руководил т. Примаков, под руководством тт. Багинского и Зюки была сформирована 1-я батарея трехдюймовых орудий в селе Гремяч.

Вправо, в Унече, формировался Богунский полк под командованием т. Щорса, влево—в с. Юриновке—т. Барон формировал и приводил в порядок 2-й Таращанский полк.

И так же, как и с самого начала формирования червонного казачества, на ряду с организационной работой шла и боевая. В дремучих Брянских лесах и на топких болотах бассейна р. Десны затакали пулеметы, загудели орудийные выстрелы, очищая дорогу на Украину революционным войскам.

Могучим эхом отозвались эти выстрелы в сердцах пролетариев Украины. Терроризированные рабочие и крестьяне почувствовали, что они не брошены на произвол разнуздавшейся гайдамачины и что скоро пробьет час их освобождения. Широкой волной восстаний откликнулись они на Нежинщине и Киевщине на первые успехи червонных казаков. Запылали помещичьи усадьбы и бесследно стали исчезать гайдамацкие гарнизоны, посылаемые на усмирение охваченных повстанческим движением сел.

Заволновалось немецкое командование, увидев, что ему приходится выдерживать серьезные бои с всюдесущим и неуло-

вимым противником, появляющимся всегда неожиданно и наносившим короткие, но чрезвычайно чувствительные удары.

На ряду с действиями богунцов в районе Клинцов и таращанцев в районе хутора Михайловский-Ямполь, червонные казаки стали давать себя чувствовать Новгород-Северску, Семеновке и Костобобру, где были сконцентрированы крупные соединения войск атамана Балабачана и немцев. Река Десна находились под постоянным обстрелом червонцев, и ни один вражеский пароход не мог пройти по реке безнаказанно. В один прекрасный день червонные казаки обогатились флотом за счет захваченного у «незалежных» пассажирского парохода и двух барж.

Смелые и неожиданные налеты казаков сопровождались неизменным успехом. Доведенные до отчаяния гайдамаки свирепо расправлялись с населением, но ни разу им не удалось захватить в плен живого червонца, и только в одном случае, когда червонные казаки налетели на с. Воробьевку, где были расположены крупные немецкие и украинские силы, на поле сражения остался один тяжело раненый червонный казак. Озверевшие гайдамаки повесили его на дереве за ноги, прежде чем умертвить его, и долго издевались над ним.

Сторицей отплатили червонные казаки гайдамакам за эту смерть. как и за смерть первого сотника конной сотни, т. Ганджи.

В декабре 1918 г. в с. Мирополье Суджанского района, червонные казаки вошли в состав 2-й украинской дивизии и перешли от партизанских действий к регулярной войне уже в качестве 1-го конного полка червонного казачества.

Матрос Грива.

Л. Полярный.

Товарищ Грива—матрос, партизан-рубака. Не раз он смотрел в глаза смерти. Это один из тех, про которых говорят, что он прошел огонь и воду. И действительно, т. Грива купался в Дунае под обстрелом румынских пушек; с яростью отбивался от германских карательных отрядов, лавируя под градом пуль германских пулеметов, и ушел из петли. Грива—храбрец и герой, которому ничто не страшно.

Вот один из его многочисленных подвигов. По Десне, между Черниговом и Новгород-Северским курсировали пароходы, перевозившие вооружение и войска. Часто они громили

прибрежные села, терроризировали крестьян. Тов. Примаков решил захватить один из этих пароходов, навести панику и этим прекратить дальнейшее пароходное сообщение. Был выработан дерзкий по смелости план захвата. 12 дюжих партизан во главе с матросом Грива отправились на охоту за пароходом.

Партизаны добыли лодку, нагрузили ее рыболовными снастями, сели и поплыли. Под видом рыбаков миновали они город, немецкие сторожевые посты и засели в камышах. Ждать парохода долго не пришлось. Скоро, разбивая волны мерными ударами широких лопастей, шумя, точно захлебываясь в воде, к камышам подходил пароход «Рассвет» с пассажирами и грузом. Когда он поровнялся с засадой, лодка плавно выплыла из камышей.

— Эй, там, возьмите нас на борт, — закричали наши рыбаки.

— А вы кто такие?

— Свои!

Капитан, почуяв недоброе, в ответ усилил пары.

— Врешь, не уйдешь!—закричал Грива, наваливаясь на весла.

Меткий выстрел из лодки свалил капитана... На пароходе поднялась паника. Многие из пассажиров ложились прямо на палубу, другие бросались в каюты, все суетились, кричали, бегали, сбивая друг друга с ног, женщины бились в истерике. Команда растерялась. Только рулевой, лежа на палубе, продолжал править пароходом, намереваясь выкинуться на немецкий берег. Лодка партизан уже подплыла к пароходу. С ловкостью кошек, хватаясь за выступы, обшивку, люки и свешивающиеся канаты, забрались партизаны на борт.

— Ни с места! Руки вверх! Иначе потоплю весь пароход... У меня динамитные бомбы,—рычал взлохмаченный Грива, махая свертком бумаги, в которой конечно никакого динамита не было. Команда и пассажиры были обезоружены. Из числа пассажиров были взяты заложниками 13 человек богатых буржуа, а всех остальных отпустили.

Обрадованные легкой победой партизаны постановили объявить пароход достоянием Украинского повстанческого комитета. Но недолго продолжалась их радость. Партизаны устроились было на пароходе и уже развели пары, чтобы съездить по реке на страх врагам, но немцы навели на «партизанский флот» свои тяжелые батареи... Несколько выстрелов угодили по борту, а чемодан попал в палубу и потопил судно. Повстанческий комитет остался без флота.

Подвиг Гривы и его товарищей пропал, если не считать 13 заложников и потопленного парохода. Однако и заложники принесли кое-какую пользу партизанам. Взбешенные немцы снарядили генеральную экспедицию против повстанцев. В каком-то припадке буйства свирепствовали карательные отряды. В порывах злобы они выжитали целые районы.

На немецкие зверства партизаны отвечали также ударами. Когда и это не помогло, т. Примаков решил ударить буржуазию по слабому месту. Повитовому старосте Жолкевичу был послан ультиматум: «Если вы не прекратите бесконечных поджогов и казней, то 13 буржуев, сидящие у меня в залоге, захваченные на пароходе «Рассвет», будут повешены на деревьях около города».

Угроза подействовала. Схваченные за живое буржуа забили отбой, засуетились, выносили постановления, обивали пороги германских повелителей, желая спасти своих родных и однокашников. И это подействовало—немцы прекратили свои бестолковые поджоги.

Это—один из подвигов Гривы, и таких заслуг у него сотни, и таких как он героев, незаметных, безыменных, неоценимых—тысячи.

Стояла лунная, светлая ночь. Мы с сотником Павловым, собрав сотню, пошли на сборный пункт. Я был полусотником. Мне совместно с т. Никулиным—он тоже был полусотником—поручили отправиться на ст. Кигичевка, разбить ее, взорвать стрелки и вернуться в с. Андреевку, где присоединиться к полку. Сам т. Примаков с остальными частями пошел взрывать железнодорожный мост. С двумя взводами, с шестью подрывниками и «максимом» мы двинулись на станцию, до которой еще оставалось верст десять. Чтобы попасть до рассвета, пошли на рысях.

По дороге заглянули на хутор и под видом белых стали расспрашивать, где какие части расположены. Мне сказали, что в 7 километрах от станции расположен офицерский полк.

Уже стало рассветать, когда мы окружили станцию. Там нас совсем не ждали. На платформе грелся самовар для коменданта, а сам он гулял вдоль платформы. Завязался бой. На полном ходу, держа в одной руке наган, я быстро сорвал с седла брезентовое ведро и надел его коменданту на голову. Мне хотелось взять коменданта—он был в чине поручика—обязательно живым. Часовые на станции подняли тревогу, но были быстро уничтожены. Одного из них я пристрелил из нагана, а второго зарубил взводный Гроздин.

Услышав выстрелы, комендантская сотня белых, которая была расположена в 200 шагах от станции, стала удирать в степь. Никулин принялся было их догонять, но они, придя в себя, стали стрелять по нас залпами.

Подрывники принялись взрывать стрелки, а я с двумя «льюисами», и взводом пошел с левого фланга на ударивших. Много их спряталось во ржи, много было порублено. На станции осталось 11 трупов, а сам комендант с ведром на голове сидел в пулеметной тачанке.

Мы двинулись назад. Не проехали и ста шагов, как стрелки и телеграфная станция полетели на воздух. Приказ был выполнен. Казаки весело посмеивались над комендантом. В 10 час. утра мы прибыли в полк, успешно выполнив задачу. Живого коменданта с приказами и документами, оказавшимися у него, я сдал т. Примакову.

На Льгов.

М. Медянский.

Вечер. Каганец еле-еле освещает большую залу в доме сельского попа. На полу раскидана солома—здесь приготовился ночевать штаб 8-й червонно-казачьей дивизии. Командование и штабные сотрудники отдыхают после трехдневных боев с деникинцами около с. Николаевка, Фатежского у., Курской губ. Чистится оружие, чинится платье, проверяется ковка лошадей. Счастливцы достали из «библиотеки» попа журнал «Паломник», «Жития святых» и глотают их от корки до корки. Другого печатного слова нет, а убить время чем-нибудь да нужно. Другие занимаются более продуктивным делом—истребляют у себя насекомых. Скучают 3-й день.

Из частей кроме «все спокойно» ничего нет. Телефон частенько гудит, но это—поверка линии. Легли спать. Кругом тишина, слышны только шаги по скрипучему снегу казака-часового да фырканье коней дежурных ординарцев. Вдруг—топот. Должно быть что-то важное... Дежурный по штабу выскакивает навстречу прибывшим ординарцам из штаба латдивизии.

«Срочный оперативный пакет из Штарма. Тов. дежурный, будите Примака». Оперативный приказ из Штарма поднимает, вернее вскидывает всех на ноги. Куда подевалась лень, овладевшая всеми за эти 3 дня стоянки. Достали у попадьи смалец для новых каганцов. Больше свету. Все к Примаку.

— Что за приказ?

— Ура, хлопцы, завтра итти в рейд на Льгов. Телефонист, передавай телефонограмму о вызове командиров частей.

По всем направлениям заработал телефон. Заработали и штабники. Машинка застучала оперативный приказ по дивизии. Наштадив т. Туровский, вооружась цветным карандашом, водит им по карте и диктует текст приказа.

3 часа ночи, до выступления еще часа 3, но уже подтягиваются пояса, подправляют оружие. Начинают съезжаться командиры. Каждый влетает. Горят глаза. Наконец кончилось отлеживание боков, есть задание—скоро в новый бой.

Приказ написан. Тов. Примаков собирает вокруг себя всех командиров и объясняет задачу. Вместе с приказом зачитывается записка командарма т. Уборевича: «Не посрамите армии и себя, не отстаньте от частей Буденного. Не позже 13-го я должен получить донесение о захвате г. Льгова».

— Сегодня 10 ноября,—говорит Примаков,—не оскандалимся, товарищи,—на 13-е будем ночевать во Льгове. С рассветом выстроимся всем полком на шоссе Дмитревск—Фатеж, превратившись, по примеру Пронырского рейда, в «шкуровское пополнение» —в золотопогонников. Чтобы все было в порядке. Через 2 часа я буду на шоссе, а теперь по частям галопом.

В штадиве шуму стало меньше; его главная задача выполнена. Части получили приказ. Штабисты сидят и тянут «собачьи ножки», поглядывая на часы и ругаясь, что так медленно ползут стрелки. Не то делается в частях. До выступления всего 1½—2 часа. Полковой сигналист играет подъем, уборку и сбор командиров. Командир полка—главный хозяин, он должен все предусмотреть, с него весь спрос.

Овса не жалеть, чтобы кони были сыты. Патрон по 250 штук и полные патронные двуколки. Ни одной лишней повозки. Чтобы все были в погонах. Через час седловка.

И как всегда вся тяжесть пала на комвзвода. Прилетел во взвод—уже ждут, пришли за распоряжениями. Рассказал, приказал, надо проверить и исполнение. Бежит по хатам—смотрит, есть ли овес у коней, есть ли патроны у казаков. Надо скакать к сотнику, и здесь вопросы: «Товарищ командир, как наган прицепить?». «Товарищ командир, куда кокарду прибить?» «Какой я вам товарищ,—ваше благородие». «Ты прибей к носу, а ты пришей к спине. Идите к старым солдатам, они вам сделают все»—и бежит дальше, пристегивая на ходу золотые погоны с тремя звездочками, но у него не ладится что-то дело, не привык возиться с этой дрянью.

Казаки, задав корму своим боевым друзьям, спешат в хаты одеться и выпросить у хозяйки на дорогу стакан молока. Старые казаки учат молодежь, как одевать погоны, как отвечать офицерам и как становиться во «хрунт». Хоть и не выспались, но кругом смех и говор.

Вдруг ночную мглу прорезал звук сигнала—седловка. А через 18 минут—сбор. Конец отдыха—начало новых боев. Начинает светать. Желтые лучи скользнули с востока на запад, задели развернутый строй полка. Блеснуло золото с плеч командиров. Выехал комполка. Поздравил с новым походом, осмотрел, все ли в порядке. Лучшего желать нечего. Все в порядке, только с «окраской» неважно.

«Товарищ команд... виноват, ваше... высокородие, погон не держится». «Товарищ военком... виноват, ваше... а как дальше». Хохот по всему строю.

Кое-как улажено и с этим. Пора выступать. Вот и солнце. А на юге затрещали пулеметы: то соратники-латыши готовят нам поход. Вдали кавалькада... Примак едет. Примак едет! Ура! Уррааа! Сотни глоток посылают привет своему вождю. Галопом подъезжает т. Примаков.

— Здорово, казаки! Поздравляю с новым походом! С вами надеюсь выйти победителем!

Дивизия тронулась. Впереди Примаков на «Мальчике» завернулся в бурку. Шаловливый порыв ветра—и из-под бурки показывается кончик генеральских погон. За ним поручики, капитаны, полковники. Теперь все серьезны. Идет пополнение к генералу Шкуро. Все «белогвардейцы». Нет шуток—будто всегда ходили в погонах. Подходят к фронту. На шоссе шпалерами стоят латыши—провожают своих друзей в тыл противнику. Многотысячное «ура» понеслось по снежным равнинам. Ура, золотопогонники. Ура, дорогие товарищи. Полетели на воздух казачьи папахи и кэпи стрелков.

Немая отвага.

Из-за белой, словно вымазанной сметаною, насыпи торчал зеленый конус михайловской церкви.

Цепи, перебирая сотнями напористых ног, ставили на хрустящем снегу колонки печатей. На насыпи они залегли, уминая животами свеже выпавший снег.

Казаки, приподымая осторожные головы, целились глазами в шпиц колокольни. Оттуда белый пулеметчик лениво

колотил в свою колотушку. С колокольни бежали стремительные нити острого свиста. Нараставший свист приближавшихся пуль терялся в свирепом гудении телеграфных столбов.

Командиры эскадронов давали взводам задачи. Казаки от безделья жались друг к дружке и угощались махрой. Цепь разбилась на кучки. Между кучками—пулеметы. Казаки, держа обмерзшие винтовки под ручку, как барышень, время от времени бросали взоры через рельсы на юг.

Командиры взводов, поворачиваясь на животе, объсняли казакам задачи, тыкая пальцами в сторону белой цепи. Деникинцы прятались за выступами михайловских хат, ожидая нашей атаки.

Пройдя с фланга на фланг по цепи, я забрался под мост железной дороги. Отсюда тянулась длинная, покрытая кустами, глубокая балка. Затаившись за выступом стенки, стоял казак, оперевшись на ручной пулемет.

— Не иначе, как крадется кадюк,—сказал, обращаясь ко мне, пулеметчик. Не переставая гвоздить глазами припудренные снегом кусты, казак стал медленно подымать за ремень свой пулемет.

В одном километре, мелькая по экрану молочного снега, двинулся быстрым отрывистым шагом человек. Он часто останавливался. Голова его поминутно поворачивалась назад.

Неизвестный приближался. Казак прилаживал диск.

— Товарищ комиссар,—сказал пулеметчик,—пущай идет, мы его пропустим, а который за ним, наверно, дозор, то мы его труханем.

Фигура шла прямо на мост. Она даже не пряталась за кусты. По мере ее приближения стало отчетливо видно, что она безоружна.

В пятистах шагах из-за куста шарахнулся в сторону заяц. Неизвестный, вытянув руки и ноги горизонтально земле, бухнулся о земь. Заяц, одумавшись, вернулся в свой куст. Человек поднялся и еще более твердо пошел вперед. Он уже был в 100 шагах. Пулеметчик как-будто его не замечал, и жадно устремил свой взор через балку в кусты. Он ожидал дозора, подняв пулемет.

Неизвестный в последний раз обернулся назад и подошел прямо ко мне. Он был в тонких летних штанах, заправленных в лапти. Рукава пиджака опускались чуть ниже локтей. На лоб был надвинут картуз.

Дуя на посиневшие руки, он произнес:

— Я пришел к вам.

На насыпи выросли стебли цепей. Группы растянулись резинкой, образовав сплошной невод штыков. Пулеметы остались на прежних местах, смотря на белых через верхушки цепей. Часть пулеметов потянулась вперед.

Кадеты умолкли. Даже их пулемет с колокольни прекратил навязчивый токот. Слышен был лишь хруст под ногами казаков и еще более сердито гудели провода.

Неожиданно на окраине Михайловки вспыхнуло пламя. Вся опушка села стала пускать смертоносные зайчики. Каждая вспышка огня сопровождалась резким ударом. На север полетели снаряды, сотрясая воздух. Гранаты впивались в мерзлую землю.

Я двинулся к насыпи.

— Ну, так как же?—робко спросил неизвестный парень, идя вслед за мной.

— Теперь не до тебя,—бросил я и, обернувшись в пулеметчику, сказал: Кто пойдет в сторону белых—стукни.

— Понимаю,—ответил казак.—Будьте покойны.

Цепь залегла. Белые снаряды рвали землю и калечили людей. Снежная скатерть покрылась черными и красными язвами. От цепи назад к насыпи тянулись пунктиром алые нити.

Наши пулеметы бесились. Пушчонка ставила резкие точки по опушке села. Но перекричать белых мы не смогли. Круглые спины казаков зашатались в перебежках назад.

Деникинцы сорвались с опушки и стали продвигаться к железной дороге. В просветах колокольни быстрее замелькали фигуры. Снаряды перешагнули через оставленную нами позицию и стали плясать по шпалам дороги. Над казаками лопался пузырь за пузырем. Из них вырывались боевые фасоли.

Одна фасоль ударила в провод. Провод оборвался и, падая, рассеивал в воздухе снежный пушок. Оставшиеся провода застонали.

Обходя цепи, я подошел к правому флангу. Здесь, прикрывая выступ дороги, стучал пулемет. Казак-пулеметчик обвязывал себе палец старым бинтом.

Вытянувшись на умятом снегу и упираясь локтями в землю, лежал михайловский парень. Обхватив обнаженными по локоть руками ручки «Максима», он влип в пулемет. Около «Максима» выросла куча стреляных гильз. Впереди дула в виде треугольника лежал обожженный порохом снег.

— Что ты тут делаешь?—спросил я пулеметчика.

Парень, не отрываясь от пулемета, деловито сказал.

— Товарищ комиссар, как по-вашему, бить вон по тому пулемету, или вот по этой цепи?

Не ожидая ответа, он сам продолжал:

— А мы, товарищ комиссар, по очереди и тех и других.

Его синие руки вросли в пулемет. Тело пулемета дрожало.

Часа через 2 мы вышли в резерв. Я вызвал парня к себе. Он стал рассказывать свою биографию. Он—сын рабочего из Петрограда. Голод забросил его вместе с матерью в Елецкий уезд. Сейчас он работал у одного кулака. Узнав о приближении красных, он решил поступить добровольцем в красную часть.

Его твердые ответы не вызывали сомнения. Около нас собралась кучка бойцов.

— А он не кадет?—спросил неуверенно один отделком.

Раненый в палец пулеметчик протолкнулся вперед и, рассекая воздух своей перевязкой, бросил тоном, не допускающим никаких возражений:

— Бьет здорово, парень хоть куда, нам такие ребята нужны.

— Раз с Питенбурга, должен быть свой,—авторитетно заметил Весенин—штабной коновод.

Парень остался на службе в полку.

Прошло 5—6 недель. Мы успели измерить на север не один десяток километров. Не раз мы сходились с белыми на дистанцию ружейного выстрела и удара клинка.

Петька-кадет, как называли нового бойца казаки, стал любимцем полка. Ему дали лучших коней и лучший пулеметный фургон. В партийную неделю он просился в партию. По его возрасту—приняли в комсомол.

Белая армия разбилась о московский гранит. Крупными и мелкими осколками она покатилась на юг. Выжимая последние соки крестьянских лошадок, деникинцы старались оторваться от красных частей. Полки мобилизованных крестьян таяли ежеминутно. Офицерские батальоны, отступая, дрались, как львы.

Мы шли следом за марковским офицерским полком. Загоняя лошадей, эскадроны полка старались вцепиться в белых когтями. В Харьковской губернии полк вышел кадетам во фланг. Мы ночевали с белыми в смежных поселках. Полк был столь изнурен тяжелым переходом, что нечего было и думать об атаке деникинских сил. Мы закупорили дороги пробками взводных застав.

Застава № 2 ближе всех подходила к противнику. Взвод, занимавший ее, усилили 2 пулеметами. Наводчиком одного из

них был Петька-кадет. Взвод расположился в доме лесничего. Впереди, к стороне белых, врос в землю полевой караул. Казаки заставы грелись у печки, курили самосад лесничего.

Время от времени морозный воздух лопался пузырями винтовочных выстрелов. Начальник заставы выходил наружу прикладывать «ухо к земле». Каждый час настороженные дозоры выступали в обход. С одним из дозоров вызвался пойти и Петька-кадет.

Дозор прошел опушкой заснувшего леса, повернул по залитому тишиной бесконечному полю и вышел на полевой караул. Казаки караула, сидя на мерзлой земле, покрытой охапкой соло́мы, рассказывали по-очереди длинные страшные сказки. Впереди силуэтом, словно вбитый в землю, торчал часовой.

Дозор присел отдохнуть. Петька-кадет пошел к часовому.

По дороге, из-за леса, показалась колонна. Она ползла по мерзлой дороге, хрустя сотнями отчетливых ног. Полозья обоза резали ночной воздух пронзительным свистом. Часовой вытянулся во весь рост. Подчасок побежал на караул.

Колонна деникинцев прошла в расстоянии километра. Нагоняя ее, неслись по стонущей дороге всадники, повозки, шли одиночные люди.

Застава бегом вышла к измятой дороге. Дорога была утыкана тысячами точек острых шипов. Ее разукрасил желтыми пятнами конский навоз.

Со стороны кадетов донесся пронзительный скрип. Спускаясь с горбатого моста, рысью приближались сани. Казаки подняли винтовки.

— Стой, кто едет? — крикнуло сразу несколько глоток.

— Да это ж я, — раздался из саней голос Петьки-кадета.

Сани остановились, как вкопанные.

— Слезай, приехали,—крикнул Петька, сталкивая с саней двух пассажиров в черных погонах марковского полка; на рукавах у них белели череп и кости. Марковцы вылезли, боязливо озираясь кругом. В санях, уткнувшись носом в крестьянский сундук, дремал пулемет.

Начальник заставы занялся расспросом двух пассажиров, а казаки обступили Петьку:

— Как?

— Когда ты вспел?

— От чорт!

Хлопая его по плечу, шумно орали.

— Ай да Петька!

— Ай да комсомольчик!
— Ай да кадет.

Застава вернулась в дом лесника. Попрежнему торчал в поле казак на часах. Петька-кадет продолжал свой обход.

Вдруг за горбатым мостом стал взвизгивать утоптанный снег. Дозор придвинулся ближе к мосту. По той стороне речки шла артиллерия белых. У моста она круто повернула и шла на юг по битым следам.

Петька-кадет решительно двинулся в сторону белых.

— Куда? —спросили его казаки дозора.

Обернувшись на секунду, он бросил:

— Я привез пулемет, сейчас притащу целую пушку.

По снегу заскрипели его молодые ноги.

С рассветом мы выступили. Полк шел мимо дома лесника и далее по свежим следам. На горбатом мосту, в сторонке, возле перил, лежал человек. Кони, проходя мимо него, шарахались в сторону. Он был в одних исподних штанах. Одна рука зарылась в снег.

Пулеметчики бережно подняли тело Петьки-кадета. Сняв шубу с захваченных ночью саней, они тщательно завернули в нее тело комсомольца Петра. Словно хотели уберечь его от простуды. На его месте, у перил горбатого мостика, они оставили двух пленных пассажиров с саней.

Неуязвимая мишень.

И. Дубинский.

Соленый туман Сивашского озера непроницаемой завесой опутал село. Тонкая певучая сигналка штабтрубача заиграла нежные мелодичные звуки. Трубач, задрав голову кверху, объезжал тревожно сонные улицы и щедро разливал в густом тумане свою прекрасную музыку. Казалось, что это играют где-то в театре. Не хотелось верить, что трубач зовет в бой, зовет под Перекоп.

Все знали, что рассвет начнется новым наступлением. Все знали, что бой будет особенно тяжел.

Казаки седлали коней. Какое-то томительное сосущее чувство чуть-чуть пьянило голову, а руки покрывались легкой испариной. Казаки особенно нежно гладили своих лошадей, кормили их сахаром и засохшей коркой казенных хлебов.

Дорогой шли молча. Все много думали, но никому не хотелось шевелить языком. Лошадь Демичева — командира полка — шла впереди, осторожно ступая по пыльной дороге.

Как будто кто-то невидимый стал снимать с лица земли ее огромную темносерую фату. Перед взорами раскрылись неясные контуры сонной степи.

Из-за Сиваша шел рыхлый столб света от прожектора, который стал шарить по небу и по притихшей земле. Долго указывал светящий палец на начинавшую тускнеть звездную сыпь. Будто гигантским брандсбоем прожектор обдавал светом мертвые пушки. Окончив свой обыск, лучи оборвались. Их остатки растаяли в дым.

Вправо темнел Преображенский оазис. У самой дороги выделялась небольшая высота, служившая командным пунктом начальника группы. Влево серели воды Сиваша. Впереди за безмолвной стенью зловеще затих Перекоп.

Степь молчала. Но она была достаточно населена, чтобы вмиг заговорить. У командного пункта выравнивались одна за другой 3 линии пехоты. С нашим приходом они молча, как грозные тени, покатились вперед. Это была третья волна. Впереди было еще два вала латышских стрелков.

Вся степь как бы в нарочитом беспорядке была усеяна несчетным числом батарей. Пушки дремали. Люди покуривали «козьи ножки», сидели на снарядных лотках. Они натянуто шутили и каждую минуту готовы были броситься к пушкам. Проходивший полк привлек их внимание. От батарей стали доноситься радостные голоса: «Казаки, казаки, сегодня наша возьмет!».

Полк молча следовал дальше. Лишь левофланговые кони стали нервно поводить ушами, шарахаясь в сторону. В воздухе кружилась и на что-то жаловалась черная птица. Внизу, беспечно растянувшись на твердой земле, приник человек. Он лежал на спине с согнутой в колене правой ногой. Руки его были раскинуты. От левой ноги под спину тянулась обмотка. В предрассветном тумане он казался человеком, мирно отдыхающим после тяжких трудов.

Далекий пулемет взорвал тишину. Словно по команде замерли эскадроны полка. Скрипела лишь кожа на седлах, да позванивали, касаясь друг друга, казачьи стремена.

Шквал пулеметных выстрелов все нарастал. Белые и красные орудия были немы. Сурово молчали латыши, остервенело ворвавшиеся через обрывы турецкого вала в белый Перекоп. Рослые латышские стрелки, следуя за своим командиром, работали штыками, как детской игрушкой. Их почерневшие от времени и выстрелов винтовки, загорелые руки и расстегнутые рубашки покрылись заплатами белогвардейской крови.

За ними пошел второй вал и могучей волной захлестнул гребень перекопских высот. Третий вал шел бегом к Перекопу, чтобы своим напором поддержать натиск впереди идущих стрелков. Бойцы и начальники слились в одну молчаливую грозную массу. Густые цепи словно нагоняли друг друга. Степь гудела под ударами сотен бегущих человеческих ног.

Раздалась тихая команда «Сссадись», и Демичев коротким шагом повел полк к Перекопу. В ожидании атаки замирало сердце бойцов. Кони, как бы чуя настроение всадников, все подобрались. В сердце не было страха, и только томило странное ощущение неудовлетворенного голода.

Вдруг со склонов турецкого вала стала скользить наша пехота. А в линии бесстрашных латышей ходили взад и вперед белые бронемашины. Латышские стрелки, шедшие всегда стоя в атаку, припали к земле. Жалобным стоном застонали винтовки и пулеметы в их уставших руках. А мнимо убитые пороли штыками покрышки белых машин.

Атака замерла. Не было нового подъема, чтобы ее снова начать. Белые броневики прорвались через густые цепи и стали их обдавать с тыла дождем своих пуль.

Рассвело. Пехота откатилась на линию командного пункта. Латыши, эти большущие крепыши, разминали в своих мелких руках облупившиеся винтовки, некоторые из них плакали, как малые дети.

Вылазка бронемашин ободрила белую пехоту, и она стала вылезать из своих бетонированных нор. Красные полки приводили себя в порядок. Алатырцы растянулись на предперекопской площадке, принимая на себя удары золотопогонных частей: в степь на Перво-Константиновку торопливо уходили полковые обозы.

На командном пункте сновали деловые фигуры взад и вперед. Ежеминутно подлетал к подножью новый всадник и, спешиваясь, лез на гору. Здесь, снимая фуражку, вытягивал из-под подкладки белый пакет. Из ям высовывались телефонисты и звали к аппарату штабных командиров. Вниз, вверх, вправо, влево и во все стороны тянулась от командного пункта прорезиненная паутина проводов. По ним текла сверху вниз воля одного человека, которая была законом для тысяч копошащихся на перекопском плацдарме людей.

С перекопского плацдарма снизу вверх на командную точку неслись слова реляций, сводок, просьб о помощи от имени тысяч людей и откладывались в виде хода шахматных фигур

в голове одного человека. Один человек должен был помнить о всем, но не имел право помнить о жалости.

В Перекопе ударили в чугунные барабаны. Над командным пунктом стали рваться тюки белой ваты.

Командиры дивизий—Козицкий, Калнин, Примаков и Микулин бросили завтрак. Остались недоеденными густо посыпанные сахарным песком куски черного хлеба.

Ординарец поднес к стремени ногу. Вмиг он грохнулся вместе с конем. Комиссар кавбригады Рыжиков с растерянным, побледневшим лицом обернулся к Микулину. Сквозь стиснутые зубы вырвался стон. Просачиваясь через сукно его галифе, нагоняя друг друга, стали срываться на землю крупные капли крови.

Снаряды стали падать по всей площади страшными головками адской капусты. Короткие вспышки фонтанов рвались из недр земли. Казалось, что, покрытая страшными нарывами, лопалась степь.

Один снаряд залетел под лафет тяжелого орудия. Носатое чудовище задрало вверх свой длинный хобот и, опрокинувшись, стало качаться, как уставшая лошадь, на своей круглой спине. Торчавшее вверх одно колесо медленно крутилось, бегая тенью своих спиц по трупам убитой орудийной прислуги.

За такой артиллерийской стрельбой ждали контратаки белых частей. Пехоту отвели к самому командному пункту. Эскадроны алатырцев вытянулись двумя эшелонами в затылок друг другу. Сотни легких и тяжелых орудий открыли огонь по Перекопу.

Пушки высовывали на метр свой огненный язык и каждый раз подпрыгивали, словно от удовольствия. Артиллеристы, скинув рубахи, голые по пояс, передавали друг другу снаряды, словно малых детей. Около курносой гаубицы батарейный пес резко взвизгивал после каждого выстрела. У шестидюймовок люди возились, как муравьи. В воздухе стоял сплошной гул.

День был жаркий, и от орудийных выстрелов казалось, что солнце еще больше пекло. Перекопский вал и стены перекопских построек украсились короной вспышек огненно-черных костров. Артиллерийский поединок шел с нарастающей силой, а под сводом из сотен и тысяч снарядов стояли, как вкопанные, конные монументы Алатырского полка.

Белая пехота не вылезала. Быть может и она выжидала повторной атаки.

2-й эскадрон алатырцев раскинулся в гребень. Всадники расходились полуоборотом от середины, стараясь разомкнуться на больший интервал. Кони, чуя тревогу, не желали отдаляться от строя и жались друг к другу. Впереди гигантский Матюхин на огромном коне, помахивая обнаженной шашкой, уверенно вел к Перекопу свой эскадрон.

Турецкий вал притих и молчал. Звенел лишь раскаленный воздух, да неудержимо гудела земля.

К этим дрожащим звукам прибавилось острое жужжание, родившееся над Перекопом. Подпрыгивая в воздухе, как стрекоза, появился над эскадроном небольшой самолет. Сделав 2-3 круга на большой высоте, он вернулся к месту подъема, низко опустился и снова стал набирать высоту. В течение дня он несколько раз снижался над расположением белых, бросая вниз вымпела.

Вслед за разведчиком из белого стана поднялись 2 ширококрылые птицы и хищно набросились на эскадрон. Щедрой рукой посыпались на головы всадников боевые орехи. Пулеметы захлебывались в зловещем ритме своих рычагов.

Матюхин продолжал продвигаться вперед. Гребешок эскадрона не отставал, прочесывая своими зубами ожившую степь.

Пилоты стали спускать смертоносные груши. С нарастающим свистом, сверля атмосферу, скользили вниз, будто по стальному канату, огромные бомбы.

Бомбы падали в заболоченную полоску, по которой шел эскадрон. Зарываясь глубоко в расступавшуюся мягкую землю, они вылетали на поверхность в виде фонтанчика из огня и воды. Осколки звенели дрожащей музыкой, как камертон.

Самолеты сбросили все, что могли и, как будто изверившись в возможность остановить широко раскинувшуюся цепь всадников, пролетели низко над их головами, попрощавшись еще одной пригоршней остроконечных пуль.

Орудия продолжали надрываться изо-всех сил. Над Перекопом уже стояли языки белого пламени. А дым пожара подымался высоко вверх вертикальной стеной. Пробиваясь через эту стенку, снова показались летающие серые точки. Миновав передовой эскадрон, они стали кружиться над кустами орудий, плотно забивших весь предперекопский плацдарм. Голая степь не давала прикрытия от белых пилотов. Стрельба из пушек не прекращалась. Бомбы разрывали вокруг орудий большущие ямы, а артиллеристы еще с большим остервенением запихивали в жадные орудийные рты трехдюймовые порции.

Из общей стаи оторвался один самолет и стал забавляться над обозом. Одна бомба угодила в повозку с хлебом, убив хозяина и разбросав широким кругом залежавшийся хлеб. Обозы стали метаться. По гребню холма, идущего бесконечной дугой от Перво-Константиновки на Преображенский фольварк, носились обозы.

Подводчики гнали лошадей от самолета. Каждую минуту оглобли смотрели в обратную сторону. Но от самолета было трудно уйти. Над холмами поднялась густая черная пыль.

С тыла подлетела новая птица. Кружась под куполом неба, она стала падать стрелой на белых пилотов. Короткие очереди пулеметной стрельбы чередовались с бешеным ревом мотора. Белые самолеты, оставив в покое обозы и батареи, жадно набросились на смельчака. Каждый из них старался иметь его под собой. Птица кружилась, плевалась горячими пулями, забирала высоту и стремительно, словно парализованная, падала вниз.

Тысячи людей, бросив свое дело, вцепились беспокойными глазами в небо и следили за ходом ужаснейшей схватки. Обозы тоже затихли. Подводчики о чем-то спорили, тыкая в небо длинными кнутовищами крестьянских кнутов.

Один из белых самолетов захромал на крыло. Красная птица устремилась за ним.

Внизу, на земле, прикрытой кисеей раскаленного воздуха строгими часовыми стояли алатырцы на боевом посту.

Нельзя было помышлять об атаке Перекопа в конном строю. Но волею с командного пункта полк выдвинулся к самому валу. Хотели дать пехоте полный покой. Надо было дать ей налиться свежими силами для нового штурма.

Как видно, устали орудия. Они замолкли. Быть может заодно с людьми берегли для нового дела глотки орудий. Свод из неприятельских снарядов сократил свой размах. Снаряды стали врываться в ряды кавалерии. После трехчасового стояния верхом на коне, на виду у противника, новое испытание для всадников было чересчур тяжело.

Бойцам показалось на миг, что они стоят на горячей земле. Что-то потянуло двинуться с места. Инстинктивно, без всякой команды, они тихо тронулись вперед, к Перекопу. Но это было бессмысленно, так же как и движение назад было бы малодушным поступком. Гранаты летели попрежнему, вырывая у ног алатырцев черные огромные ямы. С каждым разрывом бойцы закрывали глаза, а кони дрожали дрожью струны.

Линии алатырцев, окруженные грядкой артиллерийских разрывов, продолжали стоять. И нервы людей и животных

были натянуты до последней возможности. Инстинкт требовал движения. Хотя бы вперед. Хотя бы на пулеметы. Хотя бы на верную смерть.

* * *

Из-за вала вынеслись 2 бронемашины. За ними следом выполз и танк. Смело покатились белые броневики.

Белые изумлялись непоколебимости застывших перед Перекопом бойцов. Они считали, что это коммунистические эскадроны, или же высокооплачиваемые отряды немецких солдат. Многие из них полагали, что позади эскадронов стоят с пулеметами китайцы и латыши.

Шаршаков—матрос, малого роста, коренастый, командир пулеметной команды несся вскачь, нахлестывая нагайкой коня. Под серой смушковой шапкой трепыхался огромнейший запыленный чуб. За ним скакали 2 бешеные тройки, устремившись прямо на броневик. Не выдержали белые бронемашины, посыпаемые быстрым горохом беспокоящих пуль, и повернули на Перекоп.

Беспощадный враг продолжал сеять снарядами. Какой-то всадник двигался мимо цепи с фланга на фланг. Вдруг что-то зашипело и его лошадь, на минуту замявшись, продолжала свою мелкую рысь. Она была без головы. Где-то в стороне разорвался обезглавивший лошадь снаряд. Лошадь, сделав десять-двенадцать шагов, плюхнулась о земь.

Страшная жажда мучила уставших бойцов. Нагревшаяся за день привозная вода осталась где-то в тылу. Нечего было и думать, чтобы за ней посылать. О пище все позабыли. Никто не дотронулся до хлеба, который ссыхался в кабурах, забитых овсом. Никто не отделялся от строя. Каждый полагал, что одно движение одного всадника в тыл сорвет стойкость всех эскадронов.

Танк продвигался тихим хозяйским шагом по целине. Пройдя сто-двести шагов, он останавливался и выпускал в сторону алатырцев сто-двести пуль. Он шел, качаясь спереди назад, рассекая тупым рылом воздушную гладь. За ним волочились две глубоко вдавленные в землю маслянистые полосы. У рвов он останавливался на дыбы, громче стучали его глухие цилиндры и, навалившись всем телом вперед, он продолжал неумолимое шествие. Под косыми лучами заходящего солнца его защитный купол казался грозной каской гиганта-бойца.

Танк подползал все ближе и ближе. Никто не шевелился, хотя желание броситься вспять нарастало все больше и больше.

Демичев сосредоточенно рассматривал надвигающийся танк. Чудовище также не оставило его без внимания. Оно остановилось, повернулось к нему, и с борта затрещала хлопушка. Острая пуля впилась в тело командира полка.

Молча, как всегда, он повернул лошадь и стал отходить на шагу. Бойцы видели его побледневшее лицо. Это был момент когда всадники были готовы, забыв свое только-что проявленное мужество, оставить позиции и броситься вскачь. Но глаза раненого командира полка смотрели спокойным железным взглядом, как и всегда. В этом взгляде светился бессловесный приказ. Бойцы остались на своем адском посту.

Белые пушки продолжали косить ряды непоколебимых алатырцев. Солнце наполовину окунулось в Черное море, посылая прощальные лучи герою-полку и распростершемуся на носилках его героическому командиру.

Переломный момент остался позади. Теперь каждый новый снаряд словно гвоздем приколачивал алатырцев к развороченной твердой земле. Каждая новая граната вливала в бойцов новую уверенность и на каждом лице красовалось героическое упорство: «Врешь, теперь не уйдем!».

Через полчаса уже эскадроны, повернув лошадей на сто восемьдесят градусов, по приказу свыше отходили в резерв, назад. На месте осталось много-много всадников, ушедших в бессрочный резерв. В виду Перекопа они остались вечным памятником героических тяжелых, бессмертных времен. Солнце давно уж нырнуло в недра Черного моря. Полк устало двигался в сумерках уставшего дня.

Белые пушки не унимались. Они шаг за шагом, как злые собаки, неотступно сопровождали отход героя-полка. Старшина замыкающей сотни закачался в седле. Его огромный вороной конь растянулся на еще неостывшей земле. Взвалив себе на плечи седло, старшина ушел к пулеметным тачанкам. Его вороной поднял голову и тихо заржал.

Медленно отходила последняя линия. Всадники мерно качались в седлах взад и вперед. За последней линией, в двадцати шагах, на обычном месте старшины эскадрона, ковыляла старшинская вороная лошадь на трех дрожащих ногах. Ее четвертая окровавленная конечность болталась в такт хода на одном ремешке. Крупные слезы катились из глаз лошади и, увлажняя ее длинную бархатную морду, горячими каплями

падали на угрюмую степь. Ни у кого не поднялась рука, чтобы ее пристрелить.

Вечером 14 апреля 1920 г. соленый туман Сивашского озера вновь окутал своими сетями кровью вспоенную степь.

«Симферопольцы».

Е. Петровский.

Поздней ночью от заставы к штабу 6-го полка, расположенного на хуторе Преображенко, на полном карьере прискакал казак с донесением. Не оглядываясь, вбежал в помещение штаба.

— Тов. командир, от Перекопа наступают деникинцы... Есть кавалерия, пехота и кажется артиллерия,—слышно, как гремят колеса.

— Адъютант, полк собрать по тревоге.

Через несколько минут полк был в сборе.

Но не успел командир полка выехать из штаба, как к нему подлетела группа вооруженных кавалеристов-деникинцев в полной форме, в сопровождении наших 2 казаков.

— Мы—солдаты Симферопольского полка, за нами идет весь полк. Переходим на вашу сторону. Из Перекопа в погоню за нами выступила конная бригада Морозова и уже настигает нас. Если хотите спасти—помогите, иначе полк будет изрублен.

— Сколько вас?

— Четыреста.

— Все вооружены?

— Да, с нами еще пулеметная команда.

— Проходите в тыл.

Наш полк выдвигается вперед, в сторону Перекопа. По дороге показывается голова пехотного деникинского полка. С какой целью они идут? Не обман ли это, не ударят ли с тыла? Может быть лучше сразу броситься на них и перебить всех? Но если они говорят правду, какую злую штуку сыграем мы с ними, поставив их между двух огней. Времени для размышления нет. Нет возможности даже разоружить белых. Вперед к Перекопу. Несколько резких выстрелов разорвало воздух где-то далеко впереди. Сразу стало легче. Бьют впереди—значит бьют по отставшим солдатам Симферопольского полка. По нашим рядам прокатилось «ура»; симферопольцы не врут; симферопольцы не ударят с тыла.

С удвоенной энергией бросились казаки навстречу наступающей конинце Морозова. Бой был короткий. Морозовцы дрались вяло; все равно добыча ушла.

Через несколько дней я встретил командира полка. На голове у него серебрилось несколько волосков.. «Знаете,—говорил он,—никогда не трусил в боях: но в те минуты, когда я пропускал в тыл вооруженных деникинцев, не зная еще обстановки, мне было жутко. Я мог повести на гибель весь полк. До сих пор не понимаю, как я мог в ту минуту решиться на такое безрассудное дело.

Что же заставило командира полка поверить в честность своих недавних врагов? «Легкомыслие»,—скажут некоторые. «Верный классовый инстинкт»,—ответят те, которые знают гражданскую войну.

Школа под огнем.

Е. Петровский.

В разгар борьбы червонно-казачьей дивизии с Врангелем я пробыл несколько дней в Армянском базаре и случайно остановился на квартире у учителя гимназии. Учитель, седой старик встретил меня любезно и радушно. О червонных казаках он отзывался с восторгом. Когда я спросил, как сложилось у него такое мнение о казаках, он рассказал мне следующий случай.

«Я—старик, многое на свете видал, но то, что пережил я несколько дней назад здесь в школе, я уже до смерти не забуду. Еще накануне военком полка Рекстин предупредил меня, что предполагается открытие казачьей школы для неграмотных. Признаться мне не верилось, что школу эту на позициях с усталыми казаками откроют. «Это очередной красивый жест»—думалось мне. На утро я уже окончательно решил, что открытие школы не произойдет. С рассветом началась жаркая стрельба. Видел я, как на-рысях пролетело несколько сотен.

Решил я поэтому вечерком поскорее ложиться спать. Вдруг стук. Входит казак и очень вежливо просит зайти в школу, где меня якобы ждут.

— Какая школа, неужели сегодня будут заниматься?

— Ждут уже,—говорит.

Иду в школу. Сначала я не мог разобраться, что тут происходит. За скамейками расположились казаки в полном во-

оружении, в руках винтовки, и казалось мне, что они еще не остыли от выстрелов. Им о чем-то говорил т. Рекстин. По-видимому к моему приходу он уже кончил, потому что он медленно обратился ко мне: «Товарищ учитель, открытие уже произведено, приступим к первому уроку».

Признаюсь, мне стало страшно. Эти непривычные дула винтовок у парт, эти суровые загорелые лица взрослых людей, еще несколько часов назад разгоряченные озлоблением боя... Начинаю речь и чувствую, как десятки глаз казаков с напряженной пытливостью вглядываются в меня. Слова точно поглощаются этими задумчивыми сосредоточенными людьми. Я считаюсь хорошим учителем, но такого хорошего урока я вероятно никогда еще не давал. Меня подчинила себе эта напряженная, суровая масса, властно требующая знаний.

И на этом уроке я понял весь великий смысл того дела, за которое вы боретесь. Я понял, что будущее принадлежит тем, кто может после напряженного боя, не остывши от жаркой борьбы, так слушать первый урок грамоты».

Седой учитель кончил и задумался. Я почувствовал. что говорил он искренно. Такого урока в самом деле забыть нельзя.

Танк.

П. Спугнутый.

Это было под Перекопом в апреле 1920 г. Южная весна разослала в степи ковер алых маков. Теплый морской ветер и жаркое солнце ласкали молодую траву. Степные солончаки оделись зеленью: курганы походили на большие лохматые шапки, затерянные в степи стародавними богатырями. Армия генерала Врангеля запряталась в Крыму. Стучится в двери Крыма—Перекоп Красная армия, но барон упорно защищает вход в осиное гнездо.

14 апреля. Солнечный весенний день. Войска Врангеля: 2 полка пехоты, 9 конных полков, 2 танка и аэропланы вышли из-за вала в степь и ударили на хутор Преображенку. Наша пехота отошла за конницу и устроилась на высотах к северу от солончака Кур-Азис. Перед врагом осталась черноно-казачья дивизия. Жмутся казаки: страшновато—никогда не видели «таньку», а тут вот тебе, целых два ползут и из орудий стреляют, а за ними пехота и конница идет.

Выстроилась дивизия в степной балке, батареи стали на позицию, впереди заставы стреляют и отходят к Преображенке: туда же подходят и танки с пехотой, а хутор большой. каменный с господским дворцом, со службами и парком. Займет его пехота—трудно будет выбить.

Вызывает начдив охотников «таньку» пощупать, посмотреть из чего она сделана, да и собой какая. Выезжают охотники, скачут в Преображенку. Набралось двести казаков во главе с Потапенко—батькой 2-го полка. Засели охотники за каменными сараями, за дворцами и в парке, а танк к хутору подходит и по улицам начинает ползти. Приложился Потапенко, из карабина ударил, и, как по команде, затрещали винтовки: пробуют охотники броню чудовища, щупают «таньку». Одни по танку бьют, другие по пехоте—задержалась пехота, на кладбище залегла и бьет по хутору из винтовок...

А танк все ползет по хутору, из пулеметов бьет и на стенки наваливается—ломает... За углом каменного сарая бегает люйсист-пулеметчик, а за ним подручный казак Калиниченко. Бьет пулеметчик-люйсист по танку «тарелку», в борт выпустил почти в упор—не берет. Пропустил танк, сзади ударил—не берет. Осерчал парень за свой пулемет, ругается на чем свет стоит, а танк нарочно возле самой стенки проходит.

Вспомнил Калиниченко, что танк на десять шагов не поражает, вышел из-за стенки, идет рядом с танком, по стенке бомбой стучит—кричит: «Открой... я тебе брошу!»

Молчит английская прислуга, не открывает. Притихли и казаки, из-за стенок высматривают. По-настоящему Калиниченко «таньку» щупает, будет дело, а Калиниченко задор берет — полез парень на танк, хочет верхом сесть. Совсем было взобрался, да уронил бомбу, разорвалась она у его ног и ранила его: упал на землю и на чем свет стоит ругается, всякими словами «таньку» честит. Отошел танк, подбежали казаки, подобрали и увезли Калиниченко, а уж работает казачий радиовестник: все полки знают, как Калиниченко щупал «таньку», и все казаки решили, что не страшен танк,—вроде быка безрогого, только заборы ломает.

Вышли танки из хутора, ползут на дивизию. Вылетела вперед гибкая лава, трещит винтовками, бьет возле танка. Заработали казачьи батареи, удачный снаряд подшиб танк, пополз он назад, выпускает черную полосу масла. Подъехал казак к полосе, плюнул: «Тьфу, чего наделала, землю только гадит'» А батарея Лозовского вылетела вперед в лаву, бьет по уходящему танку.

Первый полк под командой Никулина в шашки ударил и рубит пехоту. Конница противника изготовилась к атаке, но и наши готовы. Аэропланы бомбят наши полки. Что же, ближе к противнику, перестанут бомбить. Дивизия ударила в шашки. Долго длилась рубка, сходились и расходились полки, звенели сигнальные трубы, гудела земля от кованых копыт. Далеко вокруг слышен был крик атакующих. Но вот последняя атака—1-й полк и с ним резерв начдива врубились в центр противника, в полки синих и желтых кирасир, сабли сверкают в клубах пыли, огнем пышут разинутые пасти лошадей, огнем горит красное знамя. Покраснели шашки от крови, дрогнул враг, бежит за вал.

А все Калиниченко виноват—показал казакам, какая цена «таньке», и осрамил ее перед всей дивизией.

С шашкой на броневик.

Старый казак.

Бой 14 апреля 1920 г.

На широкой степи, между Черным морем и Сивашем, столкнулись две стены: червонные казаки и конница ген. Морозова. Конница опиралась на пехоту. Сводный офицерский полк засел на кладбище к югу от х. Преображенка в 200 метрах. Ушли в Перекоп подбитые нашими батареями танки. Броневые машины, пехота и кавалерия вступили в бой с червонцами.

Сначала нужно было выбить пехоту, и 4-й полк с 1-м полком были посланы в атаку. Наша артиллерия засыпала кладбище дождем снарядов, и от рзрывов рушилась стена кладбища, ломались кресты, и пехота противника закапывалась в землю старых могил, ставших для нее могилой. Ураганом налетел 4-й полк на кладбище и начал рубить. До 200 офицеров зарублено, остальные положили оружие и сдались в плен.

Полк строится после атаки, как вдруг из-за угла кладбища вылетает броневая машина противника и трещит пулеметами, стараясь отбить пленных. Дрогнул полк. Но какой-то смельчак задорно подал команду:

— За мной! Даешь в шашки броневик!

И группа удальцов пошла в атаку на машину. Полк, зараженный этим веселым безумием, мощной волной ринулся в шашки на броневик. Машина смущенно пустила несколько очередей и, сделав поворот кругом, полным ходом понеслась к Перекопу... уходя от казачьих клинков.

Летающие мосты.

Лаврухин.

Во время рейда на Черный Остров наша 2-я сотня 4-го полка получила задание взорвать железнодорожный мост у с. Мартыновка. Темной июльской ночью выехали мы по указанному направлению. Не спавшие уже 3 суток казаки дремали на конях; некоторые перешептывались между собой—что-то их встретит впереди? Некоторые говорили: «Хорошо было бы пустить вот здесь, в этой долине, коней и как следует соснуть».

Но спать было некогда. Потревоженные нашими дозорами, залаяли собаки. В селе противника не оказалось. Сотня вошла вслед за дозорами, выставив пулеметы и наблюдательные посты на дорогах у входа в село, а затем спешилась и, оставив коноводов в селе, направилась к мосту, находившемуся недалеко от села. Проводник-крестьянин сказал, что мост охраняет польский полевой караул.

Командир сотни поручил казаку Станиславу Янковскому, который хорошо знал польский язык, снять часового. Стась—так обычно мы называли его—пошел по дорожке прямо к мосту. Вслед за ним, прячась в густой колосистой ржи, пополз наш командир, а вся сотня рассыпалась по огородам, раскинувшимся около моста. Стась приблизился к часовому. Раздался окрик поляка: «Стой, кто идет?» В ответ Стась по-польски же стал уверять часового, что он свой. «Нас разбили большевики, и мы тикаем».

Часовой поверил, и Стась быстрым шагом, подойдя вплотную, наставил на него дуло своей винтовки. Тот перепутался и без всякого сопротивления, беспомощно крикнув: «Цо пан робишь?»—отдал свою винтовку.

В этот момент подошел и командир сотни. На вопрос, где остальные, часовой показал на окоп: «вон там спят». Обезоружив весь караул, сотня подошла к полотну железной дороги и, послав к мосту подрывников, залегла цепью.

Вскоре напряженную тишину прорезал взрыв пироксилина. Осмотрев мост, нашли, что работа сделана чисто: балки разрушены, рельсы смяты. Кончив свое дело, сотня побежала к коням и собралась итти обратно в штаб бригады. Но в этот момент что-то движущееся по полотну железной дороги остановило наше внимание. Показавшаяся вдалеке черная точка быстро вырастала, и вскоре можно было различить очертания поезда.

Фонарей у паровоза не было, только угольки сверкали из-под топки, да из трубы вырывались искры. Вокруг тишина. Только изредка такает пулемет в стороне Черного Острова. В селе как-будто никого нет,—ни в одной хате не светится огонь. Все ближе и ближе поезд. 2 паровоза тянут громадный состав.

И вдруг тишину разрывает треск ломающихся вагонов, грохот мнущейся стали, крики и стоны. Паровоз слетел в воду. Из вагонов затарахтели беспорядочные выстрелы. В темноте очень трудно было определить, что это за поезд.

На платформах стояли орудия и еще какие-то непонятные предметы, впоследствии оказавшиеся автомобилями. «Не узнавши броду—не суйся в воду», памятуя эту пословицу, мы решили на поезд не бросаться, а сначала как следует его разведать.

Командир отвел сотню подальше от села в поле и выслал разведку. Уже кое-кто из казаков успел заснуть, когда вернулись разведчики и донесли, что поезд грузо-пассажирский и что на нем находится около 60 вооруженных человек. Сотня быстро села на коней и, захватив с собой 2 пулемета «Максима», скорым аллюром поскакала к поезду.

Наша атака встретила незначительное сопротивление. Только один казак был ранен. Остальные налетели на поезд, и лишь немногим его пассажирам удалось бежать.

Не ждали.

Ковалев.

Проскуровский рейд.

Наш 3-й полк подъезжает к селу Б. Возле большого красивого дома собралась толпа крестьян. На крыльце стоит толстый мужчина, прилично одетый, с золотой цепочкой и что-то горячо доказывает, угрожающе жестикулируя. При нашем приближении он принял еще более гордый, уверенный вид, приняв нас вероятно за поляков. Слышно было, как он свирепо кричал: «Все вы большевиков ждете. Вам бы только грабить. Разве то́ порядки!».

Подъезжая ближе, узнали, в чем дело: управляющий имением и 2 приказчика загнали крестьянских лошадей, пасшихся на помещичьем лугу, и требовали с крестьян штраф.

— Бей его, гада, бей буржуя!—крикнули из наших.

Кони, прорезывая толпу, рванулись вперед. Тут только крестьяне поняли, кто мы такие. Дав несколько выстрелов из

револьвера, управляющий и оба приказчика бросились бежать. Их поймали.

— Что с ними делать?—спрашиваем у крестьян.

— А вот что,—ответил один из мужиков, хватив изо всей силы управляющего лопатой по голове.

Началась расправа. Один крестьянин небольшого роста, худощавый, с разгоревшимися глазами, увидев, что мы выхватили шашки, подбежал к нам и в каком-то исступлении крикнул:

— Не нужно!.. мы сами... дайте, мы сами.

Оставив бушующую толпу, мы поехали дальше. На горизонте показался Проскуров.

Сорная трава.

Б. Кузьмичев.

Много славных страниц вписали в историю революции своими клинками червонные казаки.

Лихие рейды на тылы противников заставляли бояться красных лампасов и алых верхов. Но «в семье не без урода»— были уроды и в рядах червонцев. Каждый казак знает, как необходима дисциплина в армии, тем более в коннице, которая. очень часто отрываясь от своих тылов, предоставляется самой себе. А соблазнов при таких отрывах встречается очень много.

Обстановка рейда создает почву, на которой легко могут вырасти такие ядовитые растения, как барахольство, насилия и другие преступления против мирного населения. Но с виновником, если он был обнаружен, червонцы расправлялись беспощадно.

Однажды дивизия прорвалась у Золочева в тыл противника и, взяв города Жигачев и Миколаев, пошла дальше на Стрый... Неделю казаки не раздевались, кони не расседлывались. Лишь горячее желание добраться до синеющих вдали Карпат двигало хлопцев вперед. Перед атакой в 20 километрах от Стрыя был сделан привал в лесу. К расположившемуся на траве штабу дивизии подошла молодая с заплаканными глазами и в беспорядке разметавшимися волосами женщина.

На ломаном русском языке с примесью польских слов она рассказала о том, что какой-то солдат изнасиловал ее. Виновного немедленно нашли. Он оказался сотником 1-го полка. шедшим с сотней в авангарде дивизии. Начдив. после короткого совещания с военкомом, установив несомненность вины сотника, приказал построить 1-й полк.

Сотню, которой командовал виновник, спешили и перед всем полком комбриг прочитал короткий приказ начдива: «Бывшего сотника 1-го полка за изнасилование женщины расстрелять перед полком». Залп... Одного урода в семье червонцев не стало. Так казаки избавлялись от тех, кто своими поступками позорил имя червонца.

Казачья находчивость.

П. Осипов.

Однажды 1-я Запорожская червонно-казачья дивизия (тогда 8-я) под командой Примакова атаковала петлюровскую фроловскую бригаду.

Та в замешательстве отступила. Но часть петлюровцев стороной заехала в тыл червонцам и наткнулась на оставшиеся казачьи пулеметы. Началась перестрелка. Часть червонцев вернулась, чтобы выручить свои пулеметы. Петлюровцы были уже недалеко и неслись на пулеметчиков карьером. Сзади всех ехал пулеметчик Минаков. Его догнали 5 петлюровцев и пытались зарубить. Минаков, оставив пулемет, ударил по лошадям и принялся прыгать по тачанке, чтобы избежать сабельных ударов.

Рано или поздно петлюровский клинок заденет червонца-пулеметчика, а у т. Минакова кроме пулемета нет никакого оружия. В повозку Минакова была запряжена ленивая кобыла, которая, как он ее ни кормил, везла, только отведав наперед хорошего кнута, а больше за нее старался ее сосед—гнедой мерин. Для кобылы Минаков в свободное время соорудил из проволоки добрый кнут в сажень длиной.

Кнут был на славу. Конюхи не раз покушались стащить его у Минакова. За этот кнут и взялся с отчаяния т. Минаков, и лошадь петлюровца, получив промеж глаз удар казацкого кнута, ошалела от боли, рванула— и сабля со свистом рассекла воздух. Петлюровец показал пятки.

Когда на помощь Минакову принеслись товарищи-червонцы, он, жадно глотая раскрытым ртом воздух, не шевелясь, сидел на дне тачанки с крепко зажатым в руках кнутом.

Взаимная неожиданность.

С. Журавлев

Когда мы пошли в бой, мне стало жарко.

Я снял с себя бушлат, который позычил (взял взаймы) у одного знакомого матроса на время поездки в связь, ввиду

того, что моя шинель приказала долго жить. Взбираясь на гору к махновцам, чтобы облегчить лошади подъем, поднялся на стременах и наклонил корпус вперед. Бушлат, лежавший на крышке, выскочил из-под меня и упал на землю. Во время боя мне не было времени привязать его к седлу. Потери бушлата никто не заметил, а я и подавно. Не тем у меня была занята голова!

Когда стали тикать обратно, хлопцы кричали: «Эй, бушлат подними, а то махновцам достанется». Бушлат не мой, раз я его взял—нужно отдать. Если бы мой, я и не подумал бы вернуться обратно за ним. Во время боя коня трудно отослать от строя, и все-таки я решил вернуться. Бился, бился с конем до тех пор, пока он совсем не упал, да так, чтобы больше уж не встать. «Пчелка» укусила.

Я гляжу—хлопцы все уехали, махновцев не видно. Думаю, раз махновцев нет, то что мне мешает сходить за бушлатом. Бросил коня и шлепаю по болоту. Взял бушлат. Иду обратно, гляжу—лежит убитый махновец, хорошо одетый. Я с него сейчас же шинель долой и на себя. Решил снять и сапоги—хромовые, халявы длинные. Аккурат на мою ногу, а у меня сапоги каши просят. Труп еще не остыл; первый сапог легко снялся; берусь за другой сапог. Вдруг... крики «Ура!..»

По балке, прямо на меня мчалась группа человек в восемь, мелькали лампасы... Это наши казаки пригнулись к шеям коней и знай дуют нагайками. Около меня самое лучшее место подъема, и они должны были обязательно мимо ехать. А сзади, на расстоянии полуверсты, с криками и гиканьем, вдогонку первой мчалась вторая группа—уже махновцев.

Мне хлопцы кричат: «садись на хвост, а то зарубают». Действительно пешком я не успел бы выбраться из балки. Усадить меня на седло не было времени, и я выбрал из двух зол меньшее: ухватился одной рукой за хвост чьей-то лошади, держа в другой руке винтовку—лучше быть побитым, чем зарубанным.

И так, держась за хвост, не раз срываясь, хватаясь за стремена обгонявших меня казаков, я вместе с казаками добрался до верху балки.

Добравшись до балки, я не мог бежать по ровному полю за лошадьми, у меня уже нехватало сил, а сажать меня не было времени—того и гляди нагонят махновцы. Вдвоем на одной лошади не ушли бы, пропали бы оба ни за копейку. Учтя все это, я побежал от своих в сторону, где шагах в 50 заметил группу деревьев: 3 больших груши. Я решил спря-

ться за деревьями и подороже продать свою жизнь. Добежав до груш, я увидел старый, весь заросший травой окоп, наполовину уже осыпавшийся. Не долго думая, прыгаю в него. Гляжу—2 человека. Мысль. «махновцы».

Оказывается—взводный командир т. Р-ко и казак из прибывшего к нам пополнения, не помню теперь его фамилию. Казак, бросив винтовку, лежал ничком на бруствере окопа и навзрыд плакал. Р-ко ругался, вспоминая и бога и пресвятую богородицу и всех святых.

На меня напало какое-то оцепенение. Выглядываю из окопа. Махновцы уже бросили погоню и поехали обратно в балку. Обращаюсь к Р-ко: «В чем дело?»—«Вишь казак испугался и плачет, как баба. Было у нас штук 30 патронов, но когда за нами гнались, я все выпустил, а теперь придется с наганом бой принимать. У тебя наверное тоже нет? Снабдили нас патронами. Спасибо».

У меня в патронташе имелось 90 патронов и в подсумке штук 25—30. Обрадованный Р-ко снял с меня патронташ, высыпал на бруствер все патроны и сказал: «Эти выстрелим, а в подсумке оставь на всякий случай». Увидав у меня пехотинскую винтовку без ремня, спросил: «Где ты взял?»

Я ему рассказал, как было дело. Пока мы так разговаривали, наша сотня оказалась километра за три на бугре, уже построенная, как-будто собиралась пойти в атаку. Вернувшиеся казаки наверно сказали о том, что мы без коней и ховаемся по канавам и окопам.

Со стороны пехоты время от времени раздавалось по два, по три стройных залпа. И скоро совсем притихло. Махно повидимому обжегся и дул на обожженное место. Перед нами через балку—по прямой линии не больше 600 шагов, а балкой километра полтора—стали появляться небольшие группы махновцев. «Попробуем сшибить несколько молодчиков. С этого дурака, — показал Р-ко на плачущего казака, — ничего не возьмешь».

Я еще не совсем успокоился от пережитого, руки у меня страшно дрожали. Взял винтовку и начал стрелять. Вдруг я почувствовал сильный удар по голове. У меня от перепугу язык отнялся. «Ну, думаю, — наверно шашкой сзади кто-нибудь двинул».

Оглянулся—смотрю: стоит Р-ко и ругается. «Так и так твою... разве так стреляют. Если не умеешь, лучше брось, чем понапрасну изводить патроны».

Перестал я стрелять; посидел минут пять. Вдруг к краю балки подъехал какой-то махновец в бурке. «Вот тебе цель—

стреляй!».—приказал Р-ко.Я тщательно навел мушку. Бах. Махновец покатился. Слышу: «Дурак, зачем ты коня испортил?

Оказывается я взял слишком низко и попал не в махновца, а в его коня. В это время к махновцам подлетел пулемет и давай строчить по идущему в атаку дивизиону. От дивизиона осталось не больше 100 человек: кто убежал, в особенности из прибывшего пополнения, а кто и сам без коня остался. Р-ко сказал: «Нам нужно сбить пулемет, а то сотне придется туго при переходе балки».

Стали мы стрелять и действительно вскоре перебили всех коней и людей у пулемета. Большую часть пулеметной прислуги перебил Р-ко —старый партизан, никогда не терявшийся, меткий стрелок.

Наша сотня с гиканьем и криком помчалась в атаку. Р-ко, как малый ребенок, хлопал в ладоши и кричал: «Пулемет наш!» Но не тут-то было. Подлетели человек 10 махновцев, соскочили с коней, оттащили убитых лошадей в сторону, сами в тачанку, и пулемет тю-тю. Только и видели.

Мы выскочили из окопа и побежали вслед за сотней. Я все надеялся добежать до убитого махновца и снять с него сапоги. Добежал, а он бедный не только сапог, но и нательного белья не имеет,—свои братишки постарались. Махновцев дивизион прогнал; поймал на поле несколько коней, что бегали без всадников. В это время подъехали наши остальные сотни и батарея. Нам дали отдых, а прибывшие сотни пошли вдогонку за бандой.

Поехали мы за пулеметом, что С-в спрятал в болоте. Приезжаем. Не узнать балки. Ломаные повозки, убитые лошади и порядочно порубанных бойцов. Не разберешь, махновцы или наши, потому что все голые. Около трупов валяются груды разных тряпок, портянок, белья, рваных сапог.

Через полчаса мы приехали в деревню на ночевку и узнали, что пехоты было 120 человек, исключительно татар. Среди них много коммунистов. Весь батальон очень дружный и закаленный в прежних боях с бандитами. Когда мы удрали из балки, пехота нос к носу встретилась с махновцами.

Произошла взаимная неожиданность.

Наши не ожидали махновцев, а махновцы не ожидали встретить на подводах вооруженных красноармейцев. Они думали, что это обоз I разряда. Завязалась стрельба. Махновцы отступили и тем самым дали возможность командиру собрать батальон, взять ящики с патронами и выйти в поле, где батальон был выстроен «ежиком», т. е. колонну построили четы-

рехугольником: 1-я шеренга — с колена, 2-я — стоя, по углам— пулеметы. «Ежик» встречает наседающую кавалерию залпами. Такой «ежик» кавалерии взять очень трудно и даже невозможно, если нет пулеметов и пехота дружная.

Батальон, построенный «ежиком», отбил первые 2 атаки махновцев. Каждому красноармейцу дали по пачке патронов. Командир наверное предвидел, что будет дальше, рассыпал в цепочку весь батальон. Люди, как могли, окопались. В это время к махновцам подошли пулеметы, и началась баня. От батальона уцелело после боя 80 человек, а остальные навсегда остались лежать под Карпиловкой, Полтавской губернии.

За это мы отплатили махновцам сторицей. Через месяц-полтора, когда к нам на подмогу пришел 1-й полк червонного казачества и команду над сводной бригадой принял П. П. Григорьев, от банды Махно остались после боя жалкие остатки, что-то около 25 человек.

Боевые традиции.

А. Генде.

Одна из сотен 2-го полка 6—7 июля 1922 г. была выслана для преследования банды, появившейся в районе стоянки частей лагсбора.

Сотня прошла 60 километров по следам банды и остановилась в м. Елтушково покормить лошадей... Взводный командир т. Петченко и старшина т. Филиппов, оба старые червонцы, после выступления из м. Елтушково на д. Дашковцы, отделились от сотни, чтобы произвести рекогносцировку в направлении на слободу Ходацкую.

Едут, осматриваются. Вдруг из рощи, лежащей на дороге, выскакивают человек пять бандитов. Последовал обычный вопрос: «Какой части?»

Наши хлопцы тоже их спрашивают, но тут бандиты, видно, заметили лампасы, дали залп и ранили в ногу взводного командира. Повернуть коней и дать полный мах в обратном направлении — дело одной секунды. Но не тут-то было: наперерез нашим казакам выскочило еще человек двадцать бандитов.

Опять вопрос: «Какой части?» «2-го черкасполка», — ответили казаки. Тут же вспыхнул залп. Лошадь взводного командира была ранена. Оба казака бросились тикать на своих лошадях, но через несколько десятков шагов лошадь под взводным командиром пала. Бандиты почти на хвосту; еще момент— и новая жертва бандитских рук.

Здесь-то и сказались старые, боевые славные традиции червонцев. К раненому Нетченко подскочил старшина т. Филиппов. В один миг он подхватил его, на ходу помог ему влезть на свою лошадь и под яростные крики бандитов унесся на карьере.

На первом же лугу старшина т. Филиппов оставил свою лошадь раненому, сам сел на пасущуюся на лугу крестьянскую лошадь и благополучно доставил взводного в полк.

Заметки наблюдателя[1].

Д. Ермолов.

Посвящаю старым политработникам дивизии.

Несколько дней тому назад к военкому сотни одного из полков явился партийный казак и попросил дать ему Гегеля. Военком сотни пытался разъяснить партийному казаку, что, согласно производственному плану подива, Гегель сотенной комячейке не положен. Но так как сотенный партиец был очевидно характера норовистого и упрямого, дело пришлось перенести на рассмотрение полкового центра.

Из опроса партийного казака помвоенком полка выяснил, что означенный член РКП(б), горя желанием саморазвития, с огромным трудом прочитал популярную брошюру о материализме, сделал некоторые выводы и добрел до сознания необходимости познакомиться с Гегелем. Одновременно партийный казак поставил перед полковым центром категорический вопрос о своей партийной полезности, каковая, по мнению партийного казака, равна в данный момент нулю, виду совершенного незнакомства его с Гегелем.

Полковой центр, столкнувшись с такой углубленной постановкой вопроса, сначала растерялся, и только с большими трудностями удалось призвать бунтующего казака к порядку и водворить его на соответствующее место.

Около 2 лет тому назад Гегель в дивизии популярностью не пользовался. А это потому, что дивизия только-что вернулась из махновского похода.

Но хотя учеба еще официально не была провозвещена, политрук сотни 47-го полка т. Афанасьев в беседе со мной упрямо настаивал:

---

[1] Печаталась в газ. «Червонный казак» 1922 г.

— Ничего не поделаешь с публикой. Такая, надо вам сказать, шпана... Дозвольте в общем, товарищ замначподив, конституцию из литбазы получить. Страсть, как казачье к конституции охоче.

Бедный т. Афанасьев: на литскладе конституции не оказалось, а на агитку «Как пан Пилсудский из Киева на Варшаву наступал» т. Афанасьев и глядеть отказался.

Это было 27 января 1921 г., а на следующий день в разбитом помещении сельской школы подив с созванными военкомами полков и политруками сотен судил да рядил, как бы это посистематичнее политучебу начать.

Но время было такое, когда армия только вступила в полосу мирной стоянки, политцентры в течение нескольких месяцев не переставали выкраиваться и перекраиваться, у подива никаких определенных директив в отношении политучебы в мирное время не было, а собственного опыта почти не имелось.

Приходилось пробиваться ощупью...

Нельзя сказать, чтобы подив января—марта 1921 г. имел в своей работе какую-нибудь систему. Он большей частью занимался «текущим моментом» и «текущими кампаниями», обязавшийся кое в чем собственной инициативой и постановлениями совещаний военкомов полков и политруков сотен. Подив декретировал «учебу», но плана учебы не дал. В полках систему и содержание учебы понимали по-разному, но взялись за нее настойчиво и упрямо.

Между прочим это было время, когда подив, как никогда, дискуссировал... Дискуссировали все, начиная от начподива и кончая разборщиком литературы. Дискуссировали по самым разнообразным вопросам: о профсоюзах, о роли взводного командира, о демократическом централизме, о задачах комячейки в сотне, о положении республики в капиталистическом окружении, о способах доставки газет в части. От 10 до 4 час. работали, а от 4 до 12 час. ночи созывали по возможности собрания и дискуссировали.

Чорт знает, как это назвать: политчас не политчас, митинг не митинг, собеседование не собеседование.

— Товарищи, — начинал политрук сотни, — мы будем говорить, как сельсоветы производят выборы в волисполком. Товарищи! 3½ года тому назад восставшие рабочие захватили власть в свои руки. Но мировая буржуазия в лице своих наймитов, Ллойд-Джорджа и Махно...

Голос у политрука от волнения обрывается. Одновременно у подивского инструктора екает сердце.

В соседней комнате сотенный библиотекарь шумно сетует о полном отсутствии пособий и литературы.

Политрук, выкашлявшись и крякнув, увлеченно продолжает. Слово за словом. фраза за фразой льется задорно импровизированная речь без справочника, без соответствующих пособий.

Мелькают перед глазами образы, периоды... Вспоминаются мартовская первая широкая беспартийная конференция нашей дивизии, апрельское совещание политработников (1921 г.). Подытоживаются 3 месяца организационной сумятицы, чувствуется, как вырастает казак и требует системы. Делимся опытом и приходим уже к относительно приличному плану. Политцентры выравнялись и дают более или менее четкое руководство.

Но если период января—марта 1921 г. характеризовался тем, что мы в припадке порыва «штурмовали небо», то уже следующий за ним длительный период апреля 1921 г.—апрель 1922 г. определяется переходом в перманентное состояние исканий и достижений.

За этот год (1921) было много хороших моментов. Мы ликвидировали неграмотность, ввели обязательное общее образование путем сотенных школ, как-будто бы упорядочили прохождение политграмоты, систематизировали и концентрировали в марксистских кружках партпросвещение. Развилась клубная работа, возрос чрезвычайно интерес к библиотеке.

С Гайсинщины мы научились на богатом опыте вести советскую работу, и главным образом с этих пор наша дивизия. куда бы она ни приходила, всегда умела развенчивать перед селянскими массами рыцарей желтоблакитного подполья, всегда являлась рассадником просвещения на селе и организатором советской власти в медвежьих углах.

Но недостаточно четко формулировали мы конечно задание. в свете которого велась бы и направлялась работа. К чему должно было свестись политобучение красноармейца? Какие этапы должно было это обучение пройти? Правда. мы этими вопросами не весьма озабочивались: шла работа интенсивная, кипучая работа — и баста. Остальное, по-нашему, приложится...

Вообще курс был взят на «универсализацию».

Знаете ли вы, сколько пропаганд было мобилизовано на предмет вящего воспитания казака?

Давайте, перечтем: первая и основная — государственная пропаганда коммунизма, затем сельскохозяйственная пропа-

ганда, затем военная пропаганда, после военной пропаганды хозяйственная пропаганда, после хозяйственной — санитарная, после санитарной — ветеринарная, после...

Говорят, нашему бывшему начагитпропу т. Пермскому снился сон.

Лежит это он, т. Пермский, на шпице какой-то деревенской колокольни и обозревает сверху село и прилегающие окрестности. И видит он, как некий казак N-й сотни, N-ского полка ходит по селу. Остановился около «дядьки», вспахивавшего огород, увидал, что огород вспахивается нерациональным сельскохозяйственным способом, и объяснил, как нужно рационально вспахать; сам немного вспахнул и пошел дальше. Встретил другого «дядьку», который хромающую кобылу вел: осмотрел кобылу, достал из своей карманной аптечки лекарство, смазал больную ногу, дал совет «дядьке», как лечить кобылу вперед, и направился вверх по улице. Услыхал несущиеся из какой-то хаты стоны, зашел туда, пощупал пульс у мятущейся в лихорадке бабы и строгую диэту прописал. По дороге через площадь осмотрел марширующих селянских «всеобучников», сделал несколько замечаний обучающему и для примера сам несколько приемов проделал. Вечером описываемый казак горячо спорил с казаком другого взвода о «роли Россмера во французском профдвижении».

Происходившая летом этого года дивизионная конференция подвела итоги годичной работы (апрель 1921 г. — апрель 1922 г.) и наметила дальнейшую линию. Было констатировано, что в связи с уходом старых годов и намечающимся приходом новых кадров работу необходимо строить проще.

Если бы вы год тому назад поговорили с каким-нибудь нашим политработником о задачах его работы, он бы постарался дать вам ответ обязательно посложнее и похитрее: «Моя задача, чтобы каждый казак был вполне сознательным членом русской секции Коминтерна и чтобы он мог вполне ориентироваться в происходящей сейчас грандиозной мировой борьбе между «Стандарт-Ойль» и «Рояль-Шелл-Детч». Поэтому содержание минимума губсовпартшколы должно лечь в основу академической работы с казаками, в то время как практическая работа должна послужить подготовкой его к советской деятельности в масштабе не ниже предволисполкома».

Поставив перед собой подобную задачу, наш политработник стремится к последовательному осуществлению ее до конца. Некоторые политработники не признавали никаких отклонений и уступок. О, они бывали иногда весьма упрямы. Ориен-

тироваться на массу, на условия, на задачи момента—это, значит, приспособляться, быть оппортунистом: нет, никогда. Или состоять казаку в образованнейших марксистах, или вообще нигде не состоять. В результате дерзновенные полеты в небо, а в руках пиковый туз.

Партийная конференция надела смирительную рубашку на политработнические дерзновения 1921 г., а политцентры установили политчас.

Сейчас все мы в жизни проникнуты одним желанием: воспитать в беспартийном казаке политически развитого гражданина Социалистической республики.

А ну-ка, попробуйте, спросите сейчас нашего казака о том, что он представляет собой в данный момент, и каково его отношение к ВЦИКу и ВЦИКа к нему? Или поговорите с ним о руководящей роли ВКП(б). Или попытайтесь узнать у него пути строительства Красной армии. Или попытайтесь узнать у него состав воздуха за Збручем и Днестром. Смею вас уверить, что ответит.

А ответит потому, что учится и здорово учится. А здорово учится в силу того, что велик в нем революционный дух, который сейчас, после уничтожения банд Гальчевского и Байды, со всей своей силой воплотился в учебе.

Политчас и культчас проводится ежедневно. Во время политчаса военком сотни уже не занимается только Ллойд-Джорджем. Но бывает часто, что приходится заниматься попом.

Сотенная комячейка внимательно изучает сейчас партийную историю и также зорко и бдительно следит за нэпом. Особенно сотенная комячейка недовольна, когда нэп появляется в ее среде. Беспощадная борьба объявляется каждому, кто пытается игнорировать элементарные требования большевистской выдержки. А по вечерам члены сотенной комячейки читают при каганце ленинский «Продналог» или бубновские «Основные моменты». Правда, дело иногда доходит до Гегеля или Давида Рикардо, но в общем инциденты кончаются мирно и к обоюдному удовольствию.

А все-таки заманчиво казаку сидеть в теплой казарме и штудировать единый политустав, после того как он убрал и покормил своего боевого коня.

Привет шахтера Киша.

Старые казаки с большим интересом следят за жизнью дивизии. Предоставим слово крепильщику Дмитрию Ефимовичу Кишу.

«Черказдивизии от старого казака, участвовавшего в 13 рейдах, поздравительное письмо».

«Дорогие товарищи червонного казачества, поздравляю вас с 10-летием нашей червонно-казачьей дивизии.

Пришедши с работы, взяв газету «Коммунист», прочитал объяву за нашу бывшую 8-ю черказдивизию. Несмотря на то, что мне уже сорок лет, я по первому зову наших старых командиров с большим восторгом пойду на поле брани за рабочих и крестьян и за социализм, строящийся в нашей стране, и рубил бы все равно так, как мы рубили из-за плеча не раз белых, даже хоть как в Галиции под месточком Шумлянами.

Была задания нашей дивизии пробраться в рейд и забрать г. Стрый. На что нас т. Примаков снарядил всем необходимым, а главное — патронами, и вышли мы в рейд ночью. На утро переправились через реку, левее города, и забрали г. Стрый. Польские паны бежали с позором.

На обратном пути наткнулись на панов под Шумлянами. Примаков, рассмотревши на карте военных действий и посоветовавшись со старшим комсоставом, издал приказ.

Наш славный командир артдивизиона Дзюка удачно расставил полевые орудия и начал наносить ураганным огнем поражения неприятельским пушкам.

Когда мы на полном карьере подскакали до неприятеля, он нас сустрел картечным огнем. Тогда была распоряжения дать нашему полку подкрепление. Когда получили условный сигнал, опять бросились с гиком и криком. Мы удачно, с небольшими потерями, забрали богатый военный трафей и много пленных.

Дорогие товарищи! Извините, что мало написал, потому что писать надо из дневника, тогда бы можно правильно указать числа, где, как и когда у нас были горячие схватки.

Сейчас работаю в шахте № 3 Ирменского рудника — крепильщиком.

С товарищеским приветом старый казак

Дмитрий Ефимович Киш».

В 1930 году дивизия демобилизовала казаков. Прежде чем выпустить их из ворот казармы, дивизия постаралась их так подковать, чтоб они сразу могли найти свое место в общем фронте гигантского социалистического строительства.

Увольняемые червонцы были пропущены через специальные курсы. В 1930 году дивизией были подготовлены 1 000 ра-

ботников по следующим специальностям: полеводы, животноводы, организаторы колхозов, трактористы, киномеханики, счетоводы, садоводы, птицеводы, свиноводы, свекловоды, политпросветчики, радисты, дорожники, физкультработники.

Выполняя директивы партии и командования, 70 червонцев ушло на учебу в рабфаки и вузы, 80—в Донбасс на ликвидацию угольных прорывов, 195—в военизированную охрану и по другим командировкам и 235 червонцев осталось на сверхсрочной службе, выполнив задание в этой области на 100%.

Кроме нескольких сотен колхозников червонцы дали значительное пополнение для своих коммун, организованных в 1929 году. В Дальневосточную коммуну, что лежит у китайской границы, возле озера Хаика и носит имя «Червонного казачества», направилось 530 червонцев. Вместе с семьями это составило эшелон в 1 100 человек.

Путешествие коммунаров, решивших на фронте социалистического труда покрыть себя не меньшей славой, чем их старшее поколение, покрыло себя на фронте вооруженной борьбы, хорошо и подробно описано в газете «Красная армия» под заголовком «Коммуна на колесах».

Этот заголовок напоминает то название, которым в свое время было окрещено бродячее правительство пана Петлюры—«Республика на колесах». Но если они сходны по форме, то как мало у них общего по существу.

Там гниль, политическая падаль; здесь ростки новой творческой жизни. Там колеса, везущие к яме, к могиле; тут колеса, везущие к светлой радостной жизни.

Шутка сказать: 1 100 человек порывает со своими родными местами, деревнями, селами, родичами, знакомыми и пускается в новую жизнь. Без принуждения, без насилия, не понуждаемые безвыходностью положения. Сами. По своей воле. Движимые силой коммунистических идей.

В царские времена тоже подымались семьи, фамилии, целые деревни и шли в переселение в края, где «млеко и мед». Тысячами шли на «Ахмылын». Разоренные, вытесненные кулачьем и помещиками как лишние люди, они еще в своем селе за бесценок отдавали все лучшее барахлишко деревенским паукам. В дороге попадались на удочку цензовых и нецензовых пройдох, фармазонщиков, жуликов... Сотнями и тысячами разоренных крестьян был устлан безрадостный путь на «Ахмылын», где «млеко и мед».

Прибыв на место, они снова попадали в кабалу кулакам. Они становились в тупик, остро ощущая свою беспомощность

в борьбе с негостеприимной природой. Разоренные, изможденные, они возвращались в родные места, пожизненно закабаляясь, влача жалкое существование сельскохозяйственных рабов.

Но вот едут бойцы-червонцы в коммуну на Дальний Восток. Дивизия устраивает им торжественные проводы, вручая им одно из своих старейших знамен. Комдив Демичев, сам ценный, как знамя, провожает бойцов и наказывает помнить о боевых традициях червонного казачества, бороться на фронте хозяйственном, как старики червонцы боролись на фронте военном.

«Прощаются с начальствующим составом, жмут руки».

Кратко и сухо излагает сцену прощания газета. Но как много человеческого, задушевного в этих нескольких словах. Прощаются люди, сжившиеся, свыкшиеся в повседневной работе в течение двух лет. И каких лет. Первых двух лет пятилетки — первой ее половины. Двух напряженных металлических лет. Этим рукопожатием люди соприкасаются быть может в последний ра зв жизни. И этим же рукопожатием ставится точка над прошлыми взаимными недоразумениями, обидами, мелкими стычками.

Люди расходятся, «как в море корабли».

В «Коммуне на колесах» 120 коммунистов, 90 комсомольцев. В числе коммунаров 100 младших командиров и 28 одногодичников. Это — железный актив. Он аккуратно доставит эшелон коммунаров по месту назначения. Не рассыпется тысячный отряд агроэнтузиастов. А разве рабочие делегации, устраивавшие эшелону торжественные встречи, не являются порукой этому?

Тов. Карпис в своей корреспонденции пишет:

«В «Коммуне на колесах» обобществлено все полученное от частей. Одеяла, теплые вещи, продукты, деньги, игры, литература находятся в распоряжении правления коммуны...

В правлении коммуны выделена учебная часть... На каждый день пути составляется календарь работы. В вагонах проводятся беседы и лекции о богатствах Дальневосточного края, о возделывании риса и искусственного шелка и занятия по ликвидации неграмотности среди членов семей».

Это не только коммуна, но и «университет на колесах».

Но тот был бы наивным человеком, кто подумал бы, что движение 1 100 человек с одного «конца света» на другой представляет собой лишь одно триумфальное шествие без конфликтов, без трений, без борьбы с малодушными элементами, без внутренней «душевной» борьбы отдельных коммунаров.

Все же это 1 100 человек. Все же это 26 дней пути. Все же это с одного «конца света» на другой.

«Боговой и Рожанский требовали раздела денег, показали свое лицо шкурников, уйдя к вечеру из эшелона... Сила коллектива столь велика, что удиравшие не решались уйти прямо, а взяв из сундуков вещи, оставляли сундуки и уходили...»

А вот и противоположные примеры. Вот подтверждение «силы коллектива».

...«Пять человек опоздавших через сутки скорым поездом нагнали и сели в эшелон... В пути необходимо не опаздывать, не висеть на подножках, сохранять чистоту, сразу же приняться за учебу. По всем этим вопросам вагоны заключают договоры по соцсоревнованию».

Вот сухие строчки корреспонденции, рисующие эти небывалые, неслыханные в истории человечества походы. Сколько здесь пафоса, героизма, отваги. Чем это не новый, не превосходящий известный доныне «железный поток»?

Как живут коммунары? Дадим слово историкам червонноказачьих коммун, насчитывающих от роду всего лишь один год. Это не история Иловайских, Соловьевых. Они не воспевают подвигов отдельных героев. Это сами коммунары подводят итог той колоссальной борьбе, которую проводят червонцы с природой и враждебными силами.

Дадим слово историку коммуны «Червонного казачества», что у озера Хаина, на китайской границе.

...«Кулачье через подкулачников пугало:

— Каждую полоску своим потом удобряем, а хлеба своего не едим.

И хотя жутко было начинать путь с тернистой тропы, в неуютном окружении пустоты и бедности, но цель звала. Подумав, ребята сказали:

— Стой тут! Зачинай жить, а кому неохота—уматывайся...

... Весна приближалась в развалку. У коммунаров на душе скребли кошки: обещенные тракторы все еще не появлялись. Кулачье злорадствовало и сеяло смуту:

— Это вам не раскулачивать.

В селе Камень-Рыболов мы ждали 5 дней, пока окончится история с Китаем. На 6-е сутки мы добрались до артели. Мы составили план действий и добились, что артель приняла устав коммуны. Мы приехали своевременно и окончательно разбили все намерения кулаков—членов артели. Мы ввели строгую дисциплину. Теперь продовольствия хватит и нам и государству. У нас теперь 270 чел., а к 1 января 1933 года предполагаем иметь 6 000. Кулаков-тамбовцев выгоняем. Мы

Просим вас помочь нам набрать в частях корпуса 1000 чел. новых коммунаров. Это для нас очень важно, ибо наши темпы очень велики. Мы хотим итти к социализму не рысью, а карьером. Просим прислать нам многотиражки второго, четвертого кавполков и Артдива.

(Одно из первых писем коммунаров).

... Наконец тракторы прибыли. Это был настоящий праздник коммуны. Бригады коммунаров на 20 фыркающих машинах ринулись в наступление, рвали целину, дробили и взрыхляли каждый кусок.

Люди выезжали в поле полубосые и полураздетые с пустым желудком и работали большевистскими темпами...

Надо было заинтересованность создать. Кто больше сделает, тот больше получит. Реформа подтянула отстающих, значительно подняла производительность труда.

... Хлеба вышли на радость. Тяжелый колос давит на ладонь. Машинам и людям трудно двигаться вперед против густых пшениц и ячменей.

Энтузиазм труда снова захватил коммунаров. На этот раз под знаменем соцсоревнования.

... На 151 трудоспособных членов коммуны предполагается собрать хлеба до 50 000 центнеров. От хлеба, который сдадим государству, получили до 150 000 чистого дохода. Отдадим долги—28 000 рублей. Остальные на зарплату и в оборот коммуны.

Это успех, который превзошел ожидания соседей—единоличников и наносит смертельный удар кулачью.

Приблизительно о том же и в таком же духе пишут и коммунары из коммун: «Червоний прапор», что на Проскуровщине. Про «Червоний прапор» пишет газета «Красная армия».

Поражает четкость и деловитость.

В октябре прошлого года в с. Скаржинцах была создана коммуна отпускников 1-го кавполка «Червонный прапор». Коммуна за короткий срок завоевала авторитет среди всего ближнего крестьянства.

Крестьяне говорят:

— Эти коммунары совсем не похожи на нас. Это какие-то американцы.

В коммуне введено правильное распределение труда. Все рабочее время полностью загружено. Образцово поставлен учет живого и мертвого инвентаря. Эта четкость и деловитость особенно поражают окружных селян.

ВРУБЛЕВСКИЙ.

с. Скаржинец.

Везде, где появляется червонец, он дает о себе знать, выявляя свой воинствующий дух бойца-коммунара:

Группа красноармейцев Н-ского эскадрона 1-й Запорожской червоноказачьей дивизии по увольнении в долгосрочный отпуск выехала в коммуну на Северный Кавказ. Коммунары нас хорошо встретили, и мы начали работать

С первых дней пребывания в коммуне мы заметили, что там имеются чуждые элементы, бывшие белогвардейцы, кулаки, молокане. Эти люди, спрятавшись в коммуне, вели свою контрреволюционную работу, восставали против всех мероприятий советской власти и срывали культурнопросветительную работу в коммуне.

Против них мы повели борьбу.

Отпускники-червонцы организовали в коммуне партийную школу, общеобразовательные кружки, осоавиахимовскую ячейку, безбожников и МОПР.

Результаты нашей работы начали сказываться. Коммуна своевременно выполнила хлебозаготовку, досрочно сдав 2 700 центнеров хлеба, получив в районе первую премию.

Сейчас коммуна насчитывает 270 едоков. Посевная площадь коммуны—500 га. Имеется 35 лошадей и 3 трактора.

Отпускники-красноармейцы обязуются перед правительством выполнить возложенную на нас партией задачу на фронте социалистического переустройства села.

Коммунар Иван Сильчиков

Вот пишет историк коммуны «Червонный казак» на Проскуровщине:

... Мы получили помещения старые изношенные, никак не приспособленные к характеру хозяйства коммуны... Первыми пришедшими в коммуну, были: Дячко, Швыдкый, Маловичка, Чередниченко, Крец, Ефременко, Лившук, Филимера с женой, Савенко, Кепко, Пизюм и другие. К 7 ноября 1929 года было уже 40 коммунаров.

Одновременно с ближайших сел начали поступать заявления. Первыми вступившими были тов. Паладин с семьей, Толмачев с семьей, Черный и другие.

Не все коммунары выдержали трудности первого организационного времени и малодушные ушли из коммуны, как например тт. Дубовой, Кравинский, Поладин, Поперечный.

...За истекший год было сменено 4 правления. Последнее правление в составе тт. Мироненко, Домрачева, Филимера, Лившука, Креца, Остапенко Маруси уже как будто стабилизовалось, налаживает постепенно работу и устраняет бывшие недочеты.

... К 7 ноября 1930 года коммунаров уже 92 человека. Земли имеем 670 га. Коммуна имеет 40 лошадей, 26 жеребят,

45 коров, 35 телят, 60 свиней, 60 овец, 20 ульев и др. Коммуна приобрела два трактора, 2 сеялки, 15 возов и др.

... Партийная ячейка состоит из 8 человек. Она идейно и практически руководит всей жизнью и работой коммуны и проводит все директивы партийных организаций в жизнь. Ячейка выделила одного коммунара-партийца на работу в Донбасс.

Коммуна «Червоний козак» менее мощна Дальневосточной коммуны, но и она растет колоссальными темпами и имеет ряд больших достижений.

Вернемся к червонцам-коммунарам на китайскую границу, к озеру Хаина.

...«Мы едим сейчас хорошо и вдоволь, — пишет их бытописатель.—Что едим? Сколько хочешь картошки с маслом, кашу, суп с мясом ежедневно, всегда чай с молоком. Это все за 74 копейки в день. Серый, землистый цвет лица коммунаров уступает место свежему румянцу. Достали мануфактуры. Принарядились. Жить стало веселей.

... Молодежь горланит воинствующие частушки:

Испускает кулачина
Вопли высшей серии:
Чую в ком моя кончина, —
В Красной кавалерии.
Кулаков мы били,
будем бить, поверь!
Плохо раньше жили —
Заживем теперь.

... Есть начало культурной жизни. Поставили громкоговоритель. Выходит стенновка. Есть кружок текущей политики и драматический. Без культурного огня зимой будет скучно, да с дороги можно сбиться. Готовились развернуть массовую клубную работу. Выписываем много газет, журналов, книг. Сумеем как-нибудь захолустную темь расцветить большевистскими огнями.

... Начался прилив в коммуну. Подала заявление целиком артель «Большой Усач». Десятки заявлений поступают от единоличников.

Что ж, мы готовы принять...»

И принимают. Кроме своих единоличников, кроме «больших усачей», приняли 1 100 коммунаров, проколесивших из одного конца Союза в другой. И неплохо приняли. Об этом и пишет в своем письме червонный казак Тимощек.

6 ноября 1930 г.

Здравствуйте, комсостав, и казаки Сап. эскадрона

Разрешите познакомить вас с нашей дорогой и приездом в коммуну.

Ехали мы поездом по железной дороге 25 суток, да одни сутки на тракторах, потому что от последней станции Камень-Рыболов до нашей коммуны 52 версты. По выезде из Проскурова дня через три появились всевозможные новости: первым долгом—это дезертирство наших казаков, как Ляхов и Вовк.

Ходим, рассматриваем строительство и хозяйство коммуны. Пищей мы снабжались ничего, ели два и три раза в день горячую пищу, которая приготовлялась на переселенческих пунктах и в своих кухнях, подаренных нашей дивизией, а чай был беспрерывно и хлеба вдоволь. За дорогу два раза были в бане и раза четыре в городских клубах при станциях. Но где мы немного развлеклись—это в кино. К нам навстречу прислан был агитвагон, где 18—20 часов гремел киноаппарат.

Так с виду будто все и хорошо, но много было безобразных случаев, с которыми боролось наше правление, партячейка, комсомол, партгрупповик и стенгазета и с которыми мы справились. Например, что самое больное было в пути следования,—это семейное дело наших молодоженов, которые наскоро поженились, а теперь то расходятся, то с другими сходятся, то за вещи спорят, сам чорт их не поймет. Но наши саперы доказали, что во всем мы ударники, и правлению помогали, и культурную работу по другим вагонам проводили, и газету писали и т. д. К нам в вагон еще прибыли из артдива душ 8, и хлопцы все хорошие, да еще один одногодичник 2-го полка, то так спаялись, что сейчас в карантине все вместе и не хотим разлучаться. Но имеется один больной факт—это с т. Литвиненко. В дороге хотел было сорваться в г. Самаре, но мы его уговорили и он остался.

В коммуне широко раскинулось строительство, много построек приготовлено для нас, но еще часть из них мы будем достраивать. Клуб и столовая—приличное помещение, имеется сцена, где уже репетируются наши артисты. А сколько машин, просто аж радостно. Видел лошадей, коров, свиней. Что понравилось нам—это четыре жеребца.

Наша коммуна расположена на 4 участках, где будут размещены наши коммунары, один участок, где правление, в десяти верстах от тех двух, которые находятся в селах. Сельхозинвентаря—сколько глазами захватишь, ибо нам учет пока неизвестен. По дороге на полях большое количество снопов, которые в скором времени будут молотиться.

Пища хорошая, хлеб полубелый и на вкус хороший, приварок тоже жирный, мясо—свинина. Кулаки из сел к коммуне относятся враждебно, но нам это не страшно

Сегодня идет разбивка по участкам и по специальностям, добавление к старому правлению нового. Отпраздновавши октябрьскую революцию, будем начинать работать.

Распределены по таким специальностям: Небар и Стеценко—табельщиками, Цымбалы—оба в кузне, Логвенюк—конюхом, Бен и Сек—молотьба, но и о тракторе не забывают. Открываются курсы практические на 300 чел. Андросов—тракторист. Кочерга—заведующий одним участком. Вообще мы показали себя саперы как в дивизии, так и в коммуне на мирном фронте, и наши хлопцы заслужили авторитет перед правлением коммуны. Вечером, как споем, то все коммунары говорят, что это поют саперы. ВОТ, ТОВ. КОМАНДИР, ГРИЩЕНКО, НА КОГО НЕ НАДЕЯЛИСЬ СОВЕРШЕННО, ТОТ СТАЛ ТВЕРДЫМ СТРОИТЕЛЕМ. Потом еще наши парни просят у вас рекомендации в партию, то не откажите. Я и в армии и сейчас благодарю нашему командованию, что с меня сделали человека и послали жить—знаю для кого и за что и саперный эскадрон это для меня—родина, а командиры родные и при первой возможности приеду в отпуск до вас. Воспитайте на следующий раз твердых хлопцев, в особенности партийцев для нашего пополнения.

Мы, казаки бывшего Саперного эскадрона, обязуемся держать тесную связь с нашими казаками-саперами и воспитателями-командирами.

Мы, коммунары, будем рады, если из вас, тов. командиры, предоставится возможность кому-либо приехать до нас посмотреть наше новое хозяйство Дальнего Востока, о котором говорит весь Советский Союз, и которое является нашим соседям-врагам—бельмом на глазу.

До свиданья, все командиры и казаки Саперного эскадрона.

Адрес: Дальневосточный край, почтовое отд. Ильинка, Ханкайский район, коммуна «Червонного казачества.

ТИМОШЕК ИВАН.

Упорная большевистская работа парторганизации дивизии не пропадет даром. Результаты этой работы больше чем ощутимы. Они сами говорят о себе.

Такая коммуна, как Дальневосточная,—это не только очаг социализма, не только рассадник новой социалистической жизни, но это есть лучший ответ империалистам, интервентам и уклонистам всяких мастей.

Перед лицом подготавливаемой против нас интервенции, перед опасностью новой войны червонцы крепят мощь СССР поднятием качества боевой подготовки, политической сознательностью и грамотностью, развитием и укреплением красноармейских коммун.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Оглавление

Стр.

Постанова Народного Секретаріяту Української Республіки 4

К читателю 5

I.

За Советы против Петлюры . . . . . .

Зарождение червонного казачества. Первый бой. На Киев. Великий исход. Нейтральная зона. Снова на Украине. Первый рейд. Второй рейд.

II.

Борьба с белыми 25

Бой с Деникиным. Красные казаки против белой гвардии. Червонной дивизией по белым тылам. Льговский рейд. Рейд на Харьков. Под Перекопом. Штурм Перекопа.

III.

Война с белой Пельшей 52

Первые схватки с белополяками. К Збручу. В Галицию. Стрыйский рейд. На путях к Львову. Прощай, Галиция.

IV.

Разгром Петлюры, Махно и борьба с бандитизмом. 69

Ликвидация Симона Петлюры. Схватка с Махно и другими бандитами.

V.

Партийная организация и партийнополитическая работа 78

Партийная организация червонного казачества. Этапы парт. полит. работы. Работа среди населения. О комсомоле. Дивизионная газета. Страница самокритики.

VI.

Трудовой фронт 101

В казармах, Учеба Партполитработа. Коммуны червонного казачества

Стр.

VII.

Героические красные знамена и краснознаменные герои. 116

Награды частям дивизии. Полки Запорожской дивизии. Об убитых червонцах. Краснознаменные герои.

VIII.

Боевые воспоминания 131

Перший курень червонного козацтва. Партизаны. Нейтральная зона. Матрос Грива. На Льгов. Немая отвага. Неуязвимая мишень. Симферопольцы. Школа под огнем. Танк. С шашкой на броневик. Летаю щие мосты. Не ждали. Сорная трава. Казачья находчивость. Взаимная неожиданность. Боевые традиции. Заметка наблюдателя. Привет шахтера Киша.